

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ АЛЯ ХОЛОДОВА

S-T-I-K-S

ЦВЕТ ЕЕ ГЛАЗ

Артем Каменистый
Аля Холодова
S-T-I-K-S. Цвет ее глаз
Серия «S-T-I-K-S», книга 3
Серия «Новый фантастический
боевик (ЭКСМО)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984922

S-T-I-K-S. Цвет ее глаз: Издательство «Э»; М.; 2017

ISBN 978-5-699-96187-0

Аннотация

Элли родилась в Улье – крошке из осколков миров, населенной ордами зараженных, ожившими мертвяками и прочими кровожадными тварями. Но даже в этом хаосе есть порядок. И в одном из самых могущественных государств Улья, Азовском Союзе, создан Цветник, воспитанницы которого, девушки-орхидеи, существуют для того, чтобы ублажать важных господ. Судьба Элли стать супругой Дзена, чудовищного кваза, лидера Западной Конфедерации. Но стоит ли покоряться судьбе, если родилась для свободы и счастья?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	51
Глава 4	87
Глава 5	104
Глава 6	125
Глава 7	149
Глава 8	174
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Артем Каменистый, Аля Холодова S-T-I-K-S. Цвет ее глаз

© Каменистый А., Холодова А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

«Внимание! Любое посягательство на эту иммунную считается актом агрессии против Азовского Союза. Виновники подлежат уничтожению на месте или занесению в черный список первой категории.

Всем военнослужащим и гражданским лицам Азовского Союза от лица Гражданского Совета приказываю немедленно доставить эту иммунную в Центральный штаб, обеспечив охрану и сведя к минимуму ее общение с посторонними.

В том случае, если она будет обнаружена мертвой или погибнет при транспортировке, приказываю принять все необходимые меры для оперативной доставки тела в один из двенадцати главных штабов. Также следует обеспечить сохранность тела.

Если тело значительно повреждено или оперативная доставка затруднена, приказываю его похоронить. Для этого

желательно выбрать место, где произрастают цветы (луг, поле, клумба). На тело, по возможности, надеть белое платье, на могилу возложить белые орхидеи (или другие белые цветы). В том случае, если произвести захоронение невозможно, тело следует уничтожить (подрыв, сжигание), или надежно скрыть на стандартном кластере накануне перезагрузки, или привести в неузнаваемый вид. Личный браслет необходимо снять (перерезав крепление ремешка алмазным инструментом или ампутировав руку) и доставить в канцелярию ВСП департамента.

Дата. Подпись представителя ВСП департамента. Отпечаток пальца воспитанницы. Ментат-метка воспитанницы. Группа крови и Rh воспитанницы. Рост. Цвет волос. Цвет глаз. Особые приметы. Номер в каталоге».

Стандартная форма записки при браслете-маяке воспитанниц средних и старших групп Цветника.

Глава 1

Нужно больше розового

С мишенью мне сегодня не повезло. Всем нормальные достались, в том смысле, что грязные, с одеждой жуть как все плохо, лица несимметрично расплывшиеся – будто недогоревшие свечи, на голове полный кавардак, ну и дальше по списку полный комплект нехорошего. А мой издали почти на нормального человека похож, а не на дергающуюся на привязи уродливо выгнувшуюся фигуру типа, мечтающего лишь об одном – освободиться от пластиковых пут, после чего слопать меня с чавканьем и хрустом, не теряя время на возню у плиты.

То есть сырой и даже живьем.

Вот уж мишень так мишень, ее будто специально подобрали, чтобы настроение в хлам испортить. Полноватая тетка лет сорока в нелепой двухцветной юбке и такой же дурацкой блузке, причем свободный верх, ни капельки не сочетался с зауженным низом. Она явно и до заражения была не очень-то адекватной, ведь это уже даже не безвкусица, это откровенная глупость, способная изуродовать самую идеальную фигуру. На живой такое сочетание смотрится смешно, на такой, конечно, все по-другому, смеяться никому не захочется. Пусть юбка и омерзительно грязная, как это всегда бывает с

нижней частью одеяния тех бродячих, которые еще не потеряли свои тряпки, но волосы почти в порядке, лицо даже можно принять за нормальное, просто сонное, и под глазами чернеют вытянутые синяки, похожие на натеки некачественной туши. Семикратный оптический прицел позволяет даже с такого расстояния различать аккуратные пятнышки ярко окрашенных ногтей, а ведь они чуть ли не в первую очередь меняются до неузнаваемо-уродливого состояния. По всему заметно, что моя цель переродилась недавно.

Возможно, еще вчера она была нормальным человеком. На что-то надеялась, чего-то боялась и пыталась узнать, почему мир так жестоко изменился и за что ее посадили в клетку вместе с такими же ничего не понимающими людьми. А потом – раз, и нормальные мысли остались в прошлом, теперь ей хочется только есть без оглядки на диету, причем есть особую пищу, без которой зараженные быстро теряют силы и перестают развиваться.

Ее, разумеется, хорошенько накормили, чтобы побыстрее двигалась, после чего связанную привезли сюда – в место, где нашли смерть немало таких же.

Совсем свежая, не настолько изменившаяся, как остальные, вот и дергается поменьше других, а ведь именно рваные движения издали выдают их нечеловеческую сущность – у нормальных людей моторика иная. Этим бегунам дистанция до огневого рубежа – мелкая помеха не только для ног, а и для глаз, ушей и, разумеется, – носов. Прекрасно нас чу-

ют, ведь мы не пытаемся скрываться, а наши сопровождающие специально привлекают внимание зараженных, то и дело размахивая красными флажками. Всем известно, что для потерявших разум красный и оранжевый цвета – самые ненавистные, а уж если окрашенные в них объекты двигаются, твари приходят в неопишное бешенство.

Один даже руку свою грызть начал – возбудился не на шутку.

Нас на рубеже одиннадцать, плюс Ворона и Соня маячат за спинами. Сопровождение сюда не подпускают, гвардейцы держатся в отдалении, лишь офицер с сержантом уселись на раскладные стульчики шагах в двадцати и лениво тарачатся в установленные на штативах подзорные трубы. Десяток с лишним мертвяков, привязанных ко вбитым в землю кольям, изо всех сил стараются порвать путы и помчаться в сторону людей. Для них это лакомая еда, причем ее много, хватит, чтобы восстановить силы, насытиться до отвала, дать богатую пищу прожорливому механизму перерождения, который, в случае удачи, со временем превратит их в настоящих монстров, а не в эту печально-отвратительную пародию на людей.

Этих точно не превратит, сейчас они умрут окончательно. Но такую судьбу можно даже назвать везением, ведь им пусть и ненадолго, но удалось пережить остальных – тех, с кем оказались в одном загоне вскоре после прибытия.

Ворона подошла к сидящему на стульчике сержанту, о

чем-то с ним поговорила и, развернувшись, своим, на зависть хорошо поставленным, голосом произнесла:

– Дистанция до цели – сто девяносто метров. Стрелять только по своим номерам и только после того, как их выпустят.

С таким прозвищем ей полагается каркать, но даже я не могу не признать – голос у нее на редкость мелодичный и на мужчин действует безотказно. Вон, все до единого гвардейцы в ее сторону покосились, а ведь они стараются сдерживаться в проявлениях своих чувств.

На плоском дне этой громадной ямы мы очутились уже далеко не в первый раз. Впервые такое со мной случилось в одиннадцать лет, в тот день я впервые подержала в руках настоящее оружие, а не пневматику или страйкбольные игрушки. И убила тоже впервые. При первых выездах мертвяки так и оставались на своих кольях, некоторые из них получали от нас множество пуль, прежде чем неопытные воспитанницы наконец дарили им покой. Затем задача усложнилась – мишени начали отпускать, и с тех пор порядок действий не менялся. Однако воспитательницы все время повторяют одно и то же, разве что цифра дистанции каждый раз другая.

Зараженных для нас привозят не самых слабых, но и сильными их не назовешь, ведь в загонах они не успевают как следует развиваться даже при обильной кормежке. Но все равно достаточно шустрые, и это расстояние преодолеют быстро. На середине дистанции проведена черта из насыпанного

поверх чахлой травы и песка толченого мела. Ее уже давно не подновляли, дождями успела размывться, да и затоптали сильно при выездах, но все равно разглядеть можно. Если чья-то мишень пересечет белесую линию, воспитанница получит выговор.

Но только не я, моя цель так далеко не уйдет.

День, как назло, солнечный, а мое ненормальное зрение с солнцем не очень-то дружит. Пришлось несколько раз с силой зажмуриться, заставляя глаза работать как следует, а затем, не напрягая правый и не прикрывая левый, расслабленно уставилась на цель. В цифре, озвученной Вороной, я не нуждалась, потому что заранее побеспокоилась высчитать дистанцию по сетке «Mil-Dot», таблицу для своей винтовки помню прекрасно и знаю, что целиться нужно одной отметкой ниже перекрестья.

Некоторые предпочитают выждать, пока мишени почти доберутся до черты. Думают, что с такого расстояния свалить их куда проще. В чем-то я с ними согласна, но в чем-то категорически нет. Опыт всех выездов подсказывает, что в первую очередь зараженных привлекаем не мы, а флажки в руках гвардейцев. Да и сами гвардейцы тоже не могут их не интересоваться. В привилегированные подразделения не набирают обделенных мускулатурой и отбраковывают тех, чей рост меньше ста восьмидесяти сантиметров. Такая гора мяса ни одного мертвяка не оставит равнодушным, мы со своими идеальными пропорциями на фоне плечистых высоченных

солдат вкусными блюдами не смотримся.

Наша позиция напротив кольев, но зараженные побегут не прямо на нас, они неизбежно начнут смещаться вправо и влево по направлению к лакомым солдатам. И чем ближе, тем заметнее будет угловое смещение, а так как пули долетают до цели не мгновенно, придется учитывать движение мишеней. Это не так уж и трудно, но зачем мне лишние сложности, если можно легко обойтись без них.

Неразвитые мертвяки непроходимо тупы: некоторые не сразу осознают, что освободились; некоторые от чрезмерного рвения в этот момент валятся с ног. И те и другие оставляют чуточку времени на то, чтобы поразить их головы без поправок на движение. Также можно убить одним выстрелом, если попасть в верхнюю часть позвоночного столба, но по мне – такое проделать куда труднее. Поэтому я всегда выбираю мозг, на начальной стадии он у них не изменен и прикрыт обычными человеческими костями, до «живого булата» зрелых зараженных или, тем более, необъяснимых чудес живучей элиты им бесконечно далеко.

Теперь остается самое главное – не прозевать момент, когда сержант нажмет на кнопку. В моей винтовке всего один патрон, еще два я зажимаю между пальцев, но за последние десять стрельб я обращалась к ним лишь трижды, считая случай с осечкой. Но даже в тот раз это подарило мертвяку не больше пяти дополнительных секунд жизни.

Хотя какая же это жизнь? Кошмарное существование.

Нелепо одетая женщина резко дернулась, в тот же миг до ушей донесся слитный треск одиннадцати детонаторов, которые одновременно разорвали пластиковые хомуты, удерживающие мертвяков возле кольев. И сразу вслед за этим звонко ударил мой выстрел. Винтовка очень красивая, но не очень-то практичная, ведь предназначена для охоты на некрупную дичь и лучше всего себя проявляет при уничтожении пустых бутылок ради развлечения – примерно так о нашем оружии отзывались гвардейцы. Зато отдачи почти нет, я легко успела вернуть прицел, поймав в него свою цель. На миг неприятно удивилась, увидев, что она даже не думает умирать, но тут же успокоилась – мишень неловко упала на колени, затем завалилась вперед, оперлась на тут же подломившиеся руки, зарылась лицом в песок, ноги ее конвульсивно задергались, и эти движения быстро затихали.

Все как обычно, похожие картинки я видела не знаю уже сколько раз. Кто-то принимает пулю мгновенно, кто-то может продержаться секунду-другую, а то и больше, но заканчивают все одинаково.

Прости меня, тетенька, но, думаю, ты вряд ли мечтала стать прожорливым монстром, так что я просто подарила тебе покой.

Но все же это свинство – ставить мишенью мертвяка, так похожего на обычного человека. «Спасибо» Вороне, определила на этот номер именно меня.

Вот ведь гадюка сладкоголосая.

Кроме моей мишени, от своего столба не успела удалить-ся еще одна – четвертая. Тинка с винтовкой – все равно что черепаха с велосипедом, она совершенно не умеет попадать по движущимся целям и потому с переменным успехом старается повторять мой прием. На этот раз успешно.

Вот упала еще одна фигура, девятая – Саманта отличилась, что очень даже удивительно, ведь стреляет она отвратительно, трех патронов ей хватает далеко не всегда. Миа своему попала в ногу, да так серьезно, что тот свалился и теперь пытается неуклюже ползти, зачем-то высоко вздернув грязный зад. Далеко не уйдет, он почти неподвижный, таких легко добивать.

До белой линии добрались лишь два мертвяка, причем один сильно хромал – тоже ногу зацепили. Вторая и десятая мишень – как обычно отличились Мишель и Кира. Самое смешное, что Кира стреляет даже лучше меня, но только из пистолета, и только из малого калибра. Все остальное у нее из рук валится, такие вот странности.

– Отставить стрельбу! – приказал сержант. – Гвоздь! Чердак! Зачистить оставшихся! Джигит, бери своих и собирайте манатки! В темпе!

Я на эти грубые крики даже не шелохнулась. Для нас гвардейцы – не указ, надо дожидаться воспитательниц, и до этого момента любоваться не слишком привлекательным зрелищем – гвардейцы Гвоздь и Чердак с неуклюжей картинностью собираются убить подбегающих мертвяков грубым ору-

жем, похожим на кирки. Патроны слишком ценны, и без того на нас перевели десятка два, если можно обойтись без них, обходятся такими штуками или даже простыми топорами. Выглядит, конечно, тошнотворно, но эти одноклеточные громилы почему-то искренне верят, что мы когда-нибудь хором запищим от восхищения, глядя на их омерзительные «подвиги».

Наша система воспитания подразумевает почти полное отсутствие общения с мужчинами, в том числе и с гвардейцами. В идеале мы даже прозвища их знать не должны. Но почему-то знаем не только прозвища, но и то, что Гвоздь раньше был помощником у ментатов и почти не выбирался из подвалов Главного Управления Безопасности, где неоднократно принимал участие в допросах задержанных, в том числе и с применением пыток. А Чердака, за его заслуги на восточных рубежах в прошлом году, премировали женой из свежих, и он спустя неделю так сильно ее избил, что ей пришлось почти две недели провести в больнице, после чего их подвергли разводу, а такое считается тем еще позором.

Пусть оба как угодно пыжатся, но ни одна из нас даже не улыбнется на потуги столь несимпатичных типов. Ну разве что Лола, но она и мертвяку готова улыбнуться. Ей дай волю, она так и будет ходить с вечной улыбкой крайне недалекого человека – позитива у нее на пятерых.

– Мишель, Кира, мы вами недовольны, – с легкой укоризной произнесла Ворона. – Что вы можете сказать по поводу

случившегося? Тем более у вас это далеко не первый раз.

– У меня живот болит так лежать, – попыталась отмазаться Кира.

Мишель благоразумно промолчала. На вид она столь же недалекая, как Лола, но ума у нее все же чуть побольше. Вот и сейчас прекрасно понимает, что любые оправдания бессмысленны.

Воспитанницы старших групп должны везде и во всем демонстрировать высочайшие успехи, Ворону и прочих воспитательниц не интересуют причины их неудач, им нужны все новые и новые достижения.

Впрочем, практическая стрельба – далеко не критичный предмет для орхидей, так что не стоит сильно беспокоиться, если у кого-то с ней неладит. Поэтому серьезный выговор по результатам вряд ли последует.

Ворона, будто прочитав мои мысли, оставила главных мазил в покое и решила подпортить мой мед каплей дегтя:

– Элли, ты не могла бы давать своим мишеням хотя бы несколько секунд, они у тебя не успевают даже на шаг отойти от столба. Со стороны иногда кажется, что ты стреляешь раньше, чем они освобождаются, а это недопустимо.

– Да, госпожа Альбина, простите, постараюсь так и сделать в следующий раз.

В следующий раз я поступлю в точности, как сейчас, но старшей воспитательнице знать об этом вовсе не обязательно.

– Девочки, поднимайтесь. Правильно поднимайтесь.

Слово «правильно» произнесла с нажимом, еще помнит, как Лола в позапрошлый раз, резко вскочив, потеряла равновесие и неуклюже завалилась на колено, отчего гвардейцы рассмеялись, а их придиричивый офицер, пропустив представление из-за болтовни с сержантом, не на шутку рассвирепел и отругал подчиненных разнообразными нехорошими словами. Некоторые я услышала впервые, и не только я. Само собой, мы их постарались хорошенько запомнить, а Ворона, прекрасно это понимая, вечером устроила нам нудную лекцию на тему грязных языков, самоуважения и красоты вежливой речи.

Подняться – целое искусство, чтобы его освоить в совершенстве, требуется потратить не один месяц. Занятия проводятся на самых разных поверхностях: голых досках, спортивных матах, жестких диванах, мягких кроватях и сыпучем песке искусственного пляжа, который устроен возле уличного бассейна. В любой обстановке будущая жена достойного человека должна продемонстрировать максимально женственную грацию.

Это очень важно. Прежде чем даже чуть-чуть пошевелиться, подумай, как это будет выглядеть со стороны. Если неэстетично, нейтрально или тем более – нелепо, лучше вообще не двигайся.

Положить винтовку, приподнять торс, упершись при этом ладонями в розовое покрывало, под которым скрывается та-

кого же цвета вспененный пластик, изогнувшись в талии, повернуться набок, одновременно запрокидывая голову с таким расчетом, чтобы одним движением перекинуть волосы за спину. Управление прической – самое сложное. Чуть-чуть не рассчитаешь, и половина ее останется болтаться перед лицом, а все прочее улетит назад, и выглядеть ты при этом будешь пугалом или, как выразилась однажды воспитательница Джейн, – лахудрой.

Жаль, что ее так быстро от нас убрали, она знала множество необычных словечек и делилась ими, не жадничая.

Некоторые думают, что полный беспорядок на голове идет многим женщинам. Это верно лишь в единичных случаях, во всех прочих беспорядок лишь кажущийся, на самом деле вы видите одну из самых сложнейших в исполнении и поддержании причесок.

Естественность – то, что выглядит просто, но добиться этого тяжелее всего.

Волосы ушли удачно, теперь приподняться еще больше, оставив под опору всего одну руку, подобрать ногу под себя с таким расчетом, чтобы, вставая, на миг продемонстрировать нижнюю часть бедра с другой стороны. Тут важно не переборщить, порядочные женщины не должны показывать лишнее перед посторонними мужчинами, да и перед своими это далеко не всегда оправданно.

Но и совсем уж мелочиться тоже не стоит, так что элемент непростой, ведь приходится учитывать форму ноги, покрой

одежды, особенности ткани и даже ветер, если он достаточно сильный.

Стрелять куда проще, там поправки считать легче, и есть строго выверенная таблица, которая не изменится только от того, что ты наденешь другую юбку.

Сегодня мы все встали, если не на отлично, то на хорошо – точно. По крайней мере, никто не потерял равновесие, как в позапрошлый раз случилось с Лолой. И не вовремя налетевшим ветром не раздуло подол платья, как произошло два месяца назад с Самантой. Должно быть, все до единого гвардейцы успели рассмотреть ее трусики. После такого фееричного конфуза она теперь даже в замкнутом пространстве пытается заранее определить направления всех сквозняков.

В невезучести Саманта вечно соревнуется с Лолой, и не всегда понятно, кто же побеждает в этом странном состязании – страдают обе.

Ворона больше ничего не приказывала, она молча развернулась и направилась к вызывающе розовому Цветомобилю, зажатому между двух скучно-зеленых бронемашин сопровождения. Забраться в него красиво – наша последняя задача на этом этапе, но даже вечно влипающая в неприятности Лола справилась с ней на ура.

Вот и все, теперь остается аккуратно устроиться в кресле, постаравшись проделать это так, чтобы на платье не появилось новых складок, и потом сидеть на месте до конца поездки. Соня раздвинула лесенку стрелка, неспешно забра-

лась наверх к пулеметной турели. Ворона заняла выгодную позицию на кресле, обращенном к салону, с него можно без помех разглядывать большинство пассажиров. Но старшая воспитательница на нас не смотрела, она пододвинула к себе монитор внешнего обзора и уставилась в него с таким пристальным вниманием, будто увидела что-то невероятно интересное.

Ну и на что там смотреть? На чашу давным-давно заброшенного песчаного карьера, где она бывала уже не один десяток раз? На то, как гвардейцы собирают наши винтовки, гильзы и неиспользованные патроны? Или на то, как сворачивают они покрывала и пластик, на котором мы лежали?

Мне эти зрелища еще в первый раз не показались захватывающими, как, впрочем, и всем остальным. Да и Ворона раньше не обращала на них внимания. Без причины она своим привычкам не изменяет, тогда что же сегодня не так?

Неизвестно.

Окна Цветомобиля закрыты стальными листами и сетками, но можно посматривать через узкие горизонтальные щели, это не возбраняется. Вот только есть один нюанс – как все остальное, такое следует проделывать с максимальной женственностью, что непросто в моей ситуации. Ведь надо склониться над сидящей у стенки воспитанницей, при этом постараться ухватиться за опору так, чтобы руки оказались чуть согнуты в локтях, – это очень важно. Ни в коем случае не боком, только спиной вверх, с сильным прогибом в талии,

постаравшись, чтобы короткое платье натянулось на ягодидцах ровно настолько, насколько позволяют приличия для такой ситуации. Но я сижу в проходе, сиденья располагаются вплотную друг к другу, в столь стесненной обстановке сексуально извернуться так же непросто, как змее заползти назад в свою сброшенную шкуру.

Поэтому предпочла не напрягаться и просто спросила Тину:

– Ну и что там снаружи интересного?

Она, повернувшись так, что натянувшееся платье выгодно подчеркнуло самые привлекательные особенности фигуры, небрежным голосом скупающей дамы (специально, чтобы Ворона услышала) ответила:

– Ничего заслуживающего внимания. Все это я видела неоднократно, не считая того, что Рафик зачем-то таскает эту уродливую трубу.

То, что упомянутый гвардеец впервые за все выезды охранял стрельбище с гранатометом, а не с автоматом, Тина, конечно, заметила раньше, а сейчас просто указывала на это обстоятельство. То есть тоже отметила одну из необычностей этого выезда.

Почти неуловимое напряжение, ощущаемое чуть ли не с самого утра, и заряженный гранатомет в руках Рафика – еще один штрих к этому напряжению. Я это почувствовала, Тина тоже, кто еще такой же внимательный? Или мы видим то, чего нет, накручивая себя без причины?

Трудно что-то понимать до последней мелочи, когда тебе почти ничего не рассказывают о том, что происходит здесь и сейчас. Мы бесконечно оторваны от окружающего нас мира и по мельчайшим деталям пытаемся строить какие-то глубокие предположения, зачастую неправильные или даже смешные.

Главные потребительницы самых неправдоподобных слухов и пустых домыслов – вот кто мы такие.

Зарокотали моторы гвардейских машин, их грубый шум не заглушила даже выкрашенная в розовый цвет тонкая броня Цветомобиля. Его двигатель тоже завелся, и пришлось ухватиться за поручень. Как бы ни старались механики придать нашему транспорту яркий и беззаботный вид, но он так и остался переделанным под реалии Улья грубым грузовиком. Сильно потяжелевший, трясет в нем немилосердно, а уж как мотает на крутых поворотах – слов нет. Непросто при такой езде держаться непринужденно-женственно, но мы стараемся, мы все очень стараемся.

Кто не старается, того рано или поздно переводят в обычные воспитательные дома, а это очень и очень плохо.

Меня не переведут. У меня привлекательная внешность, и я почти со всеми заданиями хорошо справляюсь. Но тоже стараюсь наравне с остальными воспитанницами, потому что испортить репутацию можно очень быстро, на такие примеры мы все насмотрелись.

Тем более, за мной числится столь серьезный проступок,

что до сих пор не пойму, почему не вылетела за розовые ворота со скандалом. Так что приходится заглаживать свое прегрешение всеми силами.

То есть почти всеми.

За гулом моторов можно не думать о том, что именно и как именно следует говорить. Поэтому Тина, продолжая время от времени посматривать в щель, сообщала мне результаты своих наблюдений.

– На втором блоке машина стоит, вроде танка, но не танк.

– БМП?¹ Или самоделка какая-нибудь?

– Не успела рассмотреть, она в капонире стояла, но не очень похожа. Может, и правда танк, но башенка слишком маленькая, будто игрушечная.

– Ну как можно перепутать танк с чем-то другим? И разве там был капонир?

– Не помню, что было раньше, но сейчас он точно есть. Ой, а вот это и правда танк! Стоит у обочины, рядом ремонтная машина, механики ходят с кислыми лицами. Я думаю, что танк сломался.

– Наверное, тебе непросто было сделать такой вывод.

– Ли, не умничай, тебе не идет. Кстати, ты заметила, что на этой дороге постоянно что-то ломается?

– Не накаркай.

– Ты о чем?

– Не хватало еще нам сломаться на таком солнцепеке.

¹ Б М П – аббревиатура, боевая машина пехоты, класс бронированной техники.

– А, вот ты о чем. Ну так кондиционер работает.

– Он работает, пока работает мотор. И работает плохо.

– Ага, душно тут, а окна не раскрыть. Видела, как Соня сразу полезла к пулемету?

– Она и до этого так делала.

– Ага, делала – целый один раз, ну или два. Что-то они все какие-то беспокойные сегодня. Случайно не знаешь – в чем тут дело?

Хотелось пожать плечами, но такие жесты в присутствии воспитательниц я даваю в зародыше. Они уместны лишь в ограниченном наборе ситуаций, и эта в нем не состоит. Поэтому ответила, не шелохнувшись:

– Может быть все, что угодно. Помнишь, какая суета началась перед приездом того толстого посла от дальних речников?

– Рафик тогда с гранатометом не ходил.

– Рафика тогда не было, он сюда недавно попал, после контузии перевели в центр.

– И без него было кому такую штуку таскать.

– Беспокойства тогда тоже было много, как сейчас.

– Да, было. И Корнелию от нас тогда забрали.

– Тинка, ты же сама знаешь, что она теперь жена первого генерала речников.

– Ага, конечно, знаю. Только даже одним глазком не видела этого генерала. Хотя бы на фотографию глянуть, интересно – какой он из себя. Ты тоже не видела?

– Если бы видела, тебе самой первой рассказала.

– Спасибо, Ли, я тоже от тебя такое скрывать не стану, – улыбнулась Тина.

У нее серьезные проблемы с внешностью, и они нарастают. Тину это волнует больше всего на свете, а еще мгновенно заводят подначки от некоторых воспитанниц. Нас нельзя назвать близкими подругами, но я не затрагиваю нехорошую тему вообще, а она высоко ценит такое отношение, это нас сближает.

Тина в очередной раз взглянула в смотровую щель и завожено произнесла:

– Лиска, ты бы это только видела...

– Что там?

– Солдаты. Самые простые солдаты. Или даже рейдеры наемные. Дикие рейдеры. Кто во что одет, все смотрят на нас и смеются.

– Они смеются не над нами.

– Нет, над нами, они прямо на меня смотрят.

– Они не могут тебя видеть за стальным листом.

– Но смотрят именно сюда, и им явно очень смешно.

– Мне тоже смешно смотреть на нашу машину.

– Тебе смешно?! Но что в ней такого смешного?!

– То, что это розовый грузовик, и наверху на нем установлен пулемет, тоже розовый. Это и правда выглядит смешно.

– А мне нет.

– Мне вообще-то тоже. Мы к нашей машинке привыкли,

но эти солдаты – нет.

– Ли, ты вообще когда-нибудь видела диких рейдеров или хотя бы простых солдат на последнем периметре?

– Один раз.

– Когда?

– Точно не помню, лет восемь или девять назад.

– Ого! Ну и память! А что тогда случилось?

– Орда пришла из Пекла.

– Правда?! Большая орда?

– Таких никто никогда не видел за всю историю. Просто огромная. Ни одного простого бегуна, все страшные, матерые, развитая элита толпами носилась. Я видела, как оттуда привезли танк с сорванными гусеницами и согнутой набок пушкой. Ее чуть в узел не завязали, представляешь, какая силища?

– Ужас.

– Ага, вот именно, что ужас.

– И что потом было?

– Орду завели на заминированный кластер.

– Это сколько же мин на такое потратили?

– Всего лишь одну.

– Одну?!

– Мина была атомной, ее установили на вышку сотовой связи и взорвали посреди орды, очень много тварей сгорело.

– Но так же нельзя, это радиация, от нее потом нехорошее начинается.

– В тот раз военные все по-хитрому устроили. Мину взорвали как раз перед перезагрузкой кластера, очень точно подгадали, в нужный момент заманив орду. Большая часть радиоактивной гадости быстро исчезла, облако от взрыва понесло в сторону Дона, где-то в той стороне осадки выпали, а там порядочные люди не живут.

– Хитрые какие. Думаешь, сейчас новая орда пришла?

– Не знаю, Тинка, мне никто ничего не говорил.

– Мне тоже.

– Будем смотреть и слушать, кто-нибудь обязательно проболтается или даже все расскажет.

– Ага, так всегда бывает. Но жаль, что прямо сейчас нельзя ничего узнать.

– Узнаем, Тинка, мы обязательно все узнаем. Ну или почти все. Потерпи немножечко.

Глава 2

Что-то за окном

Лола все же нашла возможность продемонстрировать себя во всей красе. Я даже не представляю, куда она на этот раз загляделась или о чем задумалась. Нет, не упала и даже не оступилась, просто чуть повернула голову на повороте. Что она там высматривала – неизвестно: может, мухой на стене залюбовалась или высматривала прекрасного принца на белом танке. Неаккуратного движения хватило, чтобы посыпалось и пролилось все: книги, вода и стакан.

– Не останавливаться, – спокойно отреагировала Лаура – одна из немногих воспитательниц, которой мы так и не придумали прозвище. – От бедра, строго от бедра, ровно, плавно, ровно, естественно, без напряжения, не меняя темп. Вы не идете, вы парите над землей. Лола, девочка, будь добра, подойди ко мне.

Лола вышла из круга, а мы так и продолжали двигаться друг за дружкой. При внешней простоте для меня это одно из самых утомительных упражнений. Очень нервирует. Казалось бы, ну что тут такого сложного – просто ходить по кругу. И то, что от нас при этом добиваются максимальной красоты движений – не должно напрягать, ведь мы должны блистать всегда и во всем, иначе быть не может.

Но вот то, что размещается на моей голове – напрягает. Стопка книг в твердом переплете, а на них небьющийся стакан, чуть ли не до краев наполненный водой. Он устойчивый благодаря ширине, но его ширина коварна, при интенсивных движениях можно расплескать содержимое, и это недопустимо.

А уж если что-то упадет – вообще катастрофа.

У Лолы только что рухнуло абсолютно все, и она, не придумав ничего лучше, заревела беззвучно, но горько. Ужасно боится, что ее выгонят из Цветника, переживает при любой неудаче. Вот же глупая, ведь каждый знает, что избранник ждет не дождется того момента, когда ей исполнится шестнадцать лет и двадцать один день. Ее судьба определена, осталось только дотерпеть совсем уж крохи и постараться в последний момент ухитриться не покалечиться, только это может стать помехой для брачной церемонии, да и то лишь временной. Рассыпавшиеся книжки и упавший стакан – ерунда при таких внешних данных и обстоятельствах.

Может, Лола и нерасторопная, но на нее претендовали сразу несколько жутко важных мужчин – такова ее популярность. Господин Трамадол оказался куда важнее всех прочих, он теперь никому ее не отдаст, а уж отправить избранницу такого человека в обычный воспитательный дом – тот еще скандал. Такое могут допустить лишь в самом крайнем случае, это почти невысказано.

Но нет же, ноет, как маленькая.

Лаура решила, что платком здесь обойтись не получится. Мягко взяла Лолу под руку, повела к дверям в коридор. Дверь за воспитательницей и воспитанницей не успела захлопнуться, как Миа ехидно выдала:

– Вот ведь дура, только и умеет, что ныть. С кем поспорить, что эту косолапую ни за что не выгонят? Даже если начнет с разбега головой об стену биться, ее все равно оставят, тупым мужчинам нравятся тупые.

– Все и так это знают, никто не станет с тобой спорить, – заметила Тина, идеально огибая одно из расставленных на нашем пути препятствий.

Походка у нее – высший класс: ни миллиметра в сторону, ни капли расплесканной воды, а уж как небрежно работает руками – просто загляденье. Очень жаль, что проблемы с ее внешностью нарастают.

Миа, мгновенно позабыв о Лоле, переключилась на новую цель:

– А вот ты, Тинка, как бы ни крутила своими толстыми булками, а все равно скоро вылетишь. Потому что ты жирная, а жирным в Цветнике делать нечего.

– Я не жирная, у меня просто низ немножко тяжелый – это возрастное.

– Не низ тяжелый, а ты жирная. Ты скоро превратишься в корову, а коровам здесь не место. Вот кто на тебя внимание обратил на последних смотринах? Кто?

– Да хотя бы господин Железняк.

– Железняк? Да он просто грязный танкист, нашла, чем хвастаться, у него вместо мозгов мазут и глаза тупые, будто у теленка. Из вас прекрасная пара получится: корова и теле-нок.

– Вообще-то он командующий всеми бронетанковыми войсками Азовского Союза, – невозмутимо заметила Дания.

Обычно она молчаливая, но Миу недолюбливает, как почти все.

– И что же тут хорошего? – не сдавалась Миа. – Будет ночами нюхать мазут, пока мужу не надоест тарашиться на ее бесконечный зад. А он ему быстро надоест, потому что его слишком уж много.

– Зато у меня грудь есть, а ты доска с овечьими глазами, – начала заводиться Тина, тоже переходя на примитивно-оскорбительный язык.

– У меня прекрасные ноги, а не трубы парходные, как у тебя, и у меня экзотическая внешность, а не коровья. И я еще расту, и все что надо у меня тоже растет.

– Да твоя грудь, даже если вырастет, будет похожа на уши облезлого спаниеля. И соски у тебя черные, как смола. А у меня грудь красивая и соски розовые, в личном деле два плюса стоят, а не черточки, как у тебя. Неудачница.

– Миа, и почему же при такой экзотической внешности к тебе не стоит очередь из женихов? – вступила в перепалку Кира и сама себе ответила: – Может, потому, что тебе следует вести себя поскромнее? И уж точно не надо доставать

Тину, она не виновата, что у нее широкая кость.

– Не такая уж широкая, да и хватит вам к ней приста-
вать! – звонко потребовала Бритни. – Вы в такие моменты
совсем не похожи на орхидей, вы жутко вульгарные! Да на
вас смотреть противно, куда это годится?!

Бритни – далеко не первая красавица Цветника, но голо-
сок у нее просто сказочный, такой хочется слушать снова и
снова не только мужчинам. Она часто этим пользуется, не
позволяя жарко разгораться регулярно вспыхивающим ссо-
рам.

Наша сладкоголосая сирена.

– Кто-нибудь знает, что вообще происходит? – момен-
тально всех успокоив, продолжила Бритни.

– Ты о чем? – спросила Кира.

– Разве ничего не заметила? Что-то явно происходит, все
такие мрачные, даже воспитательница Лаура. А когда подь-
езжали, нормальных людей на улице почти не было, зато
мотались какие-то непонятные бродяги. Может, даже дикие
рейдеры, уж очень ужасно одеты и тарасились на нас, как
ненормальные.

– Да кто бродяг на центральный стаб пустит? – хмыкнула
Мишель.

– Ты в проходе сидела и ничего не видела, а вот я все ви-
дела прекрасно. И Рафика помнишь? Он сегодня все стрель-
бы простоял на горке с гранатометом. Рафик никогда с ним
не стоял, первый раз такое за ним заметила. И военных ма-

шин по пути много встретилось. Причем самых разных, даже танк был. И еще нам прогулку со стаканом назначили в малом зале, а ведь еще не стемнело, и погода хорошая, мы могли бы ходить по плацу, как делаем почти всегда.

Бритни сжато перечислила почти все мои наблюдения. Может, еще что-то заметила, но ей пришлось замолчать, дверь начала открываться – вернулись Лаура и успокоившаяся Лола.

Она может на ровном месте истерику закатить, а уже через пять минут начинает вести себя как ни в чем не бывало.

– Лола, присоединяйся к девочкам, – с порога произнесла воспитательница. – Ну и о чем вы здесь без меня щебетали?

Общение во время прогулки не запрещено, но как бы не поощряется. Да и вообще, оставшись без присмотра, мы должны вести себя, как мышки под веником. Так что момент скользкий, но и Лауру с Вороной не сравнить, она не придирается на ровном месте.

Вряд ли задержится у нас надолго, обычно таких из Цветника быстро убирают.

С ответом я опередила всех прочих желающих:

– Госпожа Лаура, мы обсуждали тех мужчин, которые смотрели на нас, когда мы проезжали через главный периметр.

– Элли, старайся не говорить настолько длинными предложениями, они у тебя выглядят неизящно.

– Я постараюсь, госпожа Лаура.

– И что именно вы обсуждали в тех мужчинах? Неужели вы решили, что они могут видеть через броню и всюю комментируют ваши внешние данные? Дар человека-рентгена – очень редкий дар.

– Нет, такое мы не думали. То есть я точно о таком не думала. И я даже их не видела. Но те, кто видел, говорят, что это не гвардейцы, и даже на обычных солдат не похожи. Таких людей здесь давно не было, некоторых из нас это беспокоит.

– Не беспокойтесь, это все же солдаты, просто не совсем наши, а контрактники со стороны. Их нанимают на какой-то срок, обычно небольшой, и обеспечивают гораздо хуже, чем наших защитников.

– А почему на главном периметре стоят они, а не наши защитники? – своим неподражаемым голосом спросила Бритни.

Такой голос заставляет мужчин разевать рты до земли, вот и на воспитательницу подействовал, она чуть замешкалась с ответом.

А потом и вовсе замерла, обернулась. Ну вот и конец задушевному разговору – Ворона появилась. У старшей воспитательницы все очень строго – если отработываешь походку, то отработываешь именно походку, а не языком треплешь. Не удивлюсь, если сейчас придумает какую-нибудь пакость, чтобы это подчеркнуть.

– Девочки, что здесь за шум?

Ответ с нашей стороны не подразумевается, высказаться должна Лаура. Она мешкать не стала:

– Лола немножко расстроилась из-за пустяковой оплошности, и мне пришлось ее успокаивать. Это огорчило остальных, к тому же девочки разволновались из-за дневных событий.

– И почему же они разволновались?

– Они сегодня видели людей, которые походили на диких грязных рейдеров. Орхидеи не привыкли к таким зрелищам. Они опасаются, что нам что-то угрожает.

– Глупости.

– Разумеется – глупости, я как раз им это объясняла.

– Благодарю, Лаура, но раз уж я здесь, то сама это объясню. Девочки, не сбивайтесь с ритма. Ритм – самое главное, не нужно его себе навязывать, нужно стать его частью. Скользить по волнам, а не барахтаться в них – не забывайте. Мне понятны ваши страхи, вы ведь такие впечатлительные. И мы очень просто от них отделаемся, надо всего лишь вспомнить – кто вы, как высоко вас ценят и как заботятся о вас. Повторяйте за мной. С выражением повторяйте, красиво, как в песне. Впрочем, вы сами все знаете. Итак, начнем!

О нет, как же я устала от этого нескончаемого бреда!

– Мир грязен, переполнен злом и насилием...

С трудом удержавшись, чтобы тяжело не вздохнуть, и попытавшись придать своему голосу ту самую «песенную выразительность», как вечно требуют воспитательницы, в од-

ном ритме с остальными в который уже раз произнесла банальные слова:

– Мир грязен, переполнен злом и насилием.

– Смерть заполонила его до последнего уголка.

Она стоит над каждым из нас.

Так было всегда, и так будет.

Продолжая вышагивать по кругу, мы слово в слово повторяли за старшей воспитательницей слова, которые в разных вариациях слышали уже не одну сотню раз.

– Этот мир называют Ульем или Стиксом.

Но его истинное имя – Смерть.

Лаура тоже подхватила, да так воодушевленно, что чуть ли не на крик срывается. Она сектантка из Белых Сестер, отсюда любят набирать воспитательниц, с такими потом нечасто возникают проблемы. К тому же сам Герцог им благоволил, в одном из ежемесячных выступлений он лично похвалил их за большой вклад в развитие системы гражданских инициатив.

Вот только религия у них настолько мрачная, что впору завязывать петлю на веревке. И глупая. Считают, что мы тут все умершие, что этот мир располагается на пути к вечному блаженству, которое можно заслужить лишь строго придерживаясь немаленького набора заповедей.

Несусветная тупость, ведь нет ни малейшего сомнения, что я живая, что я никогда не умирала.

Спасибо, что сестрам запрещено устраивать здесь пропо-

веди. Но такие, как Лаура, находят выход, да и другие воспитательницы им охотно потакают. Поэтому нам иногда приходится повторять раз за разом перемешанную сектантскими бреднями чепуху, которую они произносят с умным видом. И не важно, что мы в это время делаем: вышагиваем с книжками на макушке, бежим кросс вокруг главного здания, делаем растяжку у гимнастических стенок или красим ногти – мы должны говорить так же серьезно, без запинок, с выражением и не забывать про распроклятую женственность.

Про нее нам нельзя забывать никогда и ни в чем.

– Мы цветущий луг посреди пепелища. Мы живые орхидеи на могиле, в которую превратился мир. Мы здесь для того, чтобы все помнили – существуют не только пепел и тлен, сохранилась красота, ведь она бессмертна. Мы созданы прекрасными, мы лучшие из лучших, мы избранные и неповторимые, мы главное украшение мира смерти.

Лаура в этот вариант все-таки подпустила капельку своей сектантской чепухи, и потому в паре мест ее слова разошлись с нашими. Она так часто делает, когда уверена, что никто не выскажет ей замечание.

Ну да, здесь его сделать некому, Ворона против нее слова не скажет.

Ворона какая-то странная. Нам ее представили как старшую воспитательницу, но она почему-то ничем не выделяется из рядовых, а иногда кажется, что она даже ниже их по рангу. Ну если не всех, так некоторых. В своем неизменном

черном платье с длинными рукавами, чересчур строгой, не идущей ей прической и почти полным отсутствием косметики. Никто не знает, сколько Альбине лет, но ходят слухи, что не меньше шестидесяти. Выглядит раза в три моложе, что для Улья нормально, но я не верю в столь высокую цифру.

Иногда мне кажется, что ей все сорок, а иногда и двадцать не могу дать. Она нереально странная. И дико придиричивая. Особенно ко мне.

– Мы те, над кем тщательно работают лучшие педагоги всех вселенных Мультиверсума, лучшие воспитатели, лучшие из тех, кто знает, как ценна красота в мире смерти и как именно следует ее лелеять. Наше призвание – дарить радость любви тем, кто защищает от гибели остатки мира. Не всем подряд, а только лучшим из лучших. Ведь лучшие заслуживают лучшего. И лучшие знают, где именно выращивают любовь и красоту для самых отважных воинов.

Ну да, конечно, ага – отважных воинов, как же! Я с неполных тринадцати лет знала, что моим «любимым» избранником станет Портос. Он такой жирный, что смотреть тошно, и это далеко не единственный недостаток его омерзительной внешности. Да и разве только во внешности дело? Самое плохое в нем другое, о чем даже думать не хочется. Ну и защитник он, конечно, тот еще. Смешно, но, будь этот кусок потного жира на сегодняшних стрельбах, его мертвяка пришлось бы убивать гвардейцам. Такому, как он, не нужно уметь пользоваться оружием, Портос занимается тем, что

ездит по соседним стабам и ведет с ними торговые переговоры. Говорят, он сумел наладить такую систему, где почти каждый ксер находится на самом удобном для него месте и потому работает с максимальной отдачей.

Когда он убивал в последний раз? И убивал ли вообще?

Сомневаюсь...

Почти все наши женихи – такие же сомнительные вояки. Они те, кому подчиняются настоящие воины, но настоящих нечасто подпускают к орхидеям Цветника.

– Наши защитники скорее погибнут, чем позволят кому-то или чему-то нанести вред тем, кого укрывают эти стены. Цветник – то, что не отдадут никогда и никому, ни один враг не пройдет в розовые ворота и не переступит через порог нашего дома.

А вот это что-то новенькое. Ну или хотя бы не сильно заезженное. Тот самый ответ на слова Лауры, что мы, дескать, волнуемся, созерцание немых рейдеров пошатнуло нашу ранимую психику.

Ну да, нас все волнует. Абсолютно все, если оно хоть чуть-чуть, хоть самым краешком выбивается за рамки скучнейшей рутины, в которой мы варимся годами. Любой слух, любая мелочь или даже едва заметный намек на нее при первой возможности становится темой для обсуждений, иногда очень даже горячих.

– Нас защищают, а мы делаем все, чтобы сделать жизнь наших защитников прекрасной сказкой.

Боже, какие банальности приходится произносить, искренне сочувствую своему языку и прошу у него прощения.

В очередной раз удержавшись от горестного вздоха, повторила за Вороной:

– Нас защищают, а мы делаем все, чтобы сделать жизнь наших защитников прекрасной сказкой.

И тут что-то начало меняться.

Я даже не поняла, что просто Тина чуть сбилась с ритма движения, а такое с ней случается нечасто, она у нас прямо-таки эталон устойчивости. Это заставило меня вернуться в привычный мир, откуда я уходила в спасительное царство апатии при любом намеке на очередное хоровое восхваление нашей красоты и защитников, которые эту великую красоту защищают двадцать четыре часа в сутки без перерывов на обед и сон.

Звук. Станный звук. Звук, смутно знакомый, как будто я его уже когда-то слышала, но вспомнить не получается.

Во сне, в далеком детстве, в другой жизни – где угодно, но это уже было.

Из-за необычного звука я тоже сбилась с ритма и даже почувствовала, что это все, вот-вот, и не просто оступлюсь, а позорно рухну с высоты длиннющих шпилек, растянусь на паркете, разбросав книжки и разлив воду из широкого стакана.

Я испугалась.

Нет, вовсе не падения, а того, что может последовать за

этим скребущим по нервам звуком. Я не знала, что именно мне грозит, но почему-то не сомневалась – сейчас случится нечто ужасное.

Некоторые начали поворачивать головы, прислушиваясь к непонятному нарастающему то ли гудящему свисту, то ли шипению, то ли и того и другого понемножку. Ни на что не похожий шум нарастал стремительно, казалось, вот-вот, и он перейдет в оглушающий рев.

И тут где-то на улице что-то дико хлопнуло – с отрывистым треском, с громоподобным хлопком, с лязгом, неожиданно и страшно. Затрясся пол под ногами, зазвенели стекла, удивительно, как после такого они не разлетелись вдребезги.

Некоторые завизжали, все, за единственным исключением, или присели, или непроизвольно дернулись. И у тех, и у других посыпались книги и стаканы, но никто даже не подумал расстроиться по этому поводу. Лишь Саманта не сплеховала, так и стояла с гордо вскинутой головой, но вряд ли она достойна за это похвалы, просто до нее всегда все доходит в последнюю очередь.

Если вообще доходит.

– Все на пол! – требовательно крикнула Дания. – Прижмитесь к полу! Сейчас начнется! И быстрее ползите сюда, ко мне, за стену, она капитальная!

Почему надо прижиматься к полу, что именно сейчас начнется и при чем здесь капитальная стена, отделяющая зал от пристройки, я понятия не имела. Но повторила все ее дей-

ствия не раздумывая. Так много громких слов от этой молчуньи я никогда не слышала, это впечатляет, к тому же она явно знает, о чем говорит.

Тина тоже подчинилась и, на корточках присев под стеной, не удержалась от растерянного вопроса:

– Дая, что сейчас начнется?

– Ничего хорошего, – мрачно ответила та и сумела еще раз меня удивить – бухнулась под стену плашмя, даже не подумав сделать это женственно, прикрикнув при этом: – Саманта, бегом сюда! Да бегом же!!!

Сегодня наша молчунья точно сама не своя, вон, даже Саманту проняло – бросилась к нам.

И тут действительно началось.

Звук, до этого раздавшийся однократно, загредел снова и снова, с каждым разом все сильнее и сильнее. Рядом жалобно зазвенело сдавшееся наконец стекло, осколки брызнули на паркет, по которому мы только что вышагивали, свет погас, перепугавшиеся воспитанницы завизжали на несколько голосов, и я сама не смогла понять, не был ли один из этих голосов моим.

Все закончилось так же резко, как началось. Дания, приподнявшись, стряхнула с платья, скорее всего, несуществующую пыль, обернулась по сторонам и потрясающе спокойным голосом спросила:

– А где госпожа Лаура? И Альбина?

– По-моему, обе в дверь выскочили, – неуверенно отве-

тила Кира и спросила: – А как ты узнала, что сейчас такое начнется?

– Я не знала, я подозревала.

– Что это вообще было?! – Этот вопрос задали сразу несколько девочек на разные лады, и я была в их числе.

– Кто-то нас обстрелял.

– Обстреляли?! Из чего?! Кто?!

– Не знаю. Давно такое не слышала, отвыкла. Или гаубицы, или минометы отработали. Нет, наверное, все же гаубицы.

– Ты умеешь различать такое по звуку? – удивилась я.

– Зачем по нам стреляли из гаубиц? – перебила меня Тина.

– Не по нам, – ответила ей Дания. – Просто где-то поблизости взрывалось.

Зашелестела включившаяся система внутренней трансляции, чуть искаженный голос госпожи директрисы почти слово в слово повторил то, что до этого говорила Дания:

– Всем воспитанницам и воспитательницам сохранять спокойствие. Если рядом с вами есть крепкие стены, присядьте за ними так, чтобы они защищали от осколков, которые могут прилететь с улицы.

– Какие осколки? – удивилась Саманта, до которой наконец что-то начало доходить. – Мы ведь в главном стабе, здесь никогда не стреляют из пушек.

– Ну да, а это, значит, были просто хлопки салюта, – нерв-

но выдала Миа. – Саманта, ты просто ужасно тупая дура, сиди уже, где сидишь, и помалкивай.

– Ты когда-то такое уже слышала? – Я по-другому повторила свой вопрос, не сводя внимательного взгляда с Дании.

Ее точно не назовешь болтушкой, но если спрашивают прямо – не игнорирует. Тем более, мой взгляд мало кто может выдержать, он у меня необычный. Вот и сейчас Дания отмалчиваться не стала:

– Слышала.

– Где?! – произнесла я одновременно с Тиной.

– До того, как попала сюда. Дома.

– У тебя дома стреляли из пушек?! – изумилась Бритни.

– Из чего только там не стреляли...

– В том?! В старом доме?! В самом первом?! – не поверила

Кира.

– Ага.

– Но это же дом, там такое не бывает, там всегда спокойно.

– В моем доме было именно так. Там война.

– Кто это вообще мог сделать? Может, нагнали этих грязных рейдеров, и они что-то перепутали? – спросила Миа, непонятно к кому обращаясь.

Говорит растерянно, ей это несвойственно. Обычно она дико самоуверенная и любит доставать других, особенно Тину. Но сейчас ведет себя тише воды.

Из коридора заглянула Лаура, напряженно произнесла:

– Девочки, сидите тут. Никуда не уходите.

– Мы поняли, госпожа Лаура, – ответили сразу в несколько голосов.

– А кто это стрелял? – не могла успокоиться Миа. – Неужели кто-то что-то перепутал и снаряды чуть не попали в Цветник?

– Никто ничего не путал, – тем же напряженным голосом ответила воспитательница.

– Но...

– Это были бандиты из Братства. Посидите спокойно несколько минут, сейчас гвардейцы их прогонят.

– Как бы не так, прогонят их, ага, – негромко, чтобы от дверей не расслышала воспитательница, произнесла Дания. – Эти пушки могут стрелять за несколько километров, попробуй до них для начала доберись, чтобы прогнать.

За окном вновь хлопнуло, но как-то не так, совсем иначе, больше похоже на праздничный салют, а не на прежние ужасающие звуки. К тому же громыхнуло не сильно, не оглушительно – наверное, взорвалось где-то далеко. А вот еще и еще.

Дания соизволила пояснить без вопросов:

– Наши пытаются накрыть батарею Братства.

– Как это накрыть? Покрывалом, что ли? – удивилась Лаура.

– Вот ведь тупая, – тихонько прошипела Миа. – Накрыть – это значит убить их.

– Так это не взрывы? Это наши стреляют?! – оживилась

Тина.

– Ну а кто же еще, кроме наших? Да, это точно выстрелы, а не взрывы, не бойтесь.

– Ужас, я бы ни за что их не различила.

– Ну так слушай внимательно и запоминай.

– Зачем такое запоминать?!

– На какое расстояние может стрелять гаубица? – перебила я Тину, быстро обдумав то, что сейчас узнала.

Дания покачала головой:

– Прости, Лиска, но я не помню. А может, никогда и не знала.

– На сто километров сможет?

– Не думаю. По моей улице вообще перестали стрелять из таких штук, когда врага отогнали примерно на тридцать километров.

– Тридцать?

– Ну, может, двадцать пять, а может, тридцать пять. Не уверена. Говорю же – не помню и не знаю. Когда они стояли в пяти километрах, к нам каждый день что-нибудь прилетало, ни одного целого дома не осталось, все разрушено или осколками побито.

– Что за бред я только что услышала?! – вскинулась Миа. – Какие тридцать пять километров?!

– Девочки, не шумите! – строго произнесла Лаура, выглядывая из коридора.

Пробираться к нам через засыпанный битым стеклом зал

она не рвалась. Не все окна еще разлетелись, оставшиеся могут лопнуть от очередного взрыва, и горе той, кто в этот миг окажется на пути летящих осколков.

– Так какие тридцать пять километров? – тихонько повторила Миа. – До кластеров Черного Братства как минимум втрое больше, они очень далеко от нас, это все знают.

– Лаура сказала, что стреляли именно они, ты сама слышала.

– Не может быть, значит, ты что-то путаешь с пушками.

– Вряд ли. Может, земли Братства и далеко, вот только их пушки гораздо ближе, чем мы думали.

* * *

Черное Братство – самая больная тема для Азовского Союза. Это понятно хотя бы потому, что нам почти ничего о нем не рассказывают.

Но разве можно что-то скрыть от коллектива, состоящего исключительно из девушек почти одинакового возраста? Знаем пусть и не все, но многое.

Прежде всего то, что Братством такое называть – плохо. Братство ведь от слова брат, а слово брат – теплое и светлое, в нем нет ничего черного.

Но Братство и правда черное насквозь, потому что основано теми еще нелюдями.

Нет, зараженные здесь вообще ни при чем, они не стра-

дают манией устраивать укрепленные поселения на стабильных кластерах Стикса, для выживания им в первую очередь требуется лишь обильная высококалорийная пища, а не оружие с патронами, боевая техника и прочее в таком духе. И братья не атомиты, изуродованные радиацией, и не прочие уроды вроде них, по разным причинам изощренно наказанные Ульем. Увы, но у них всем заправляют те, кто внешне ничем от нас не отличается.

Но внутри они насквозь гнилые, потому что нормальный человек никогда не опустится до дна столь омерзительной пропасти.

Муры – вот кто основал Черное Братство. Ренегаты, угодливо прислуживающие различным группировкам внешников – самых страшных врагов всех иммунных. Им здесь нужно только одно – наши тела и жизни. Своих прихвостней они терпят лишь до тех пор, пока те всеми силами помогают им обеспечивать потребности в этом кошмарном товаре.

Муры ловят иммунных новичков на свежих кластерах, караулят их на удобных дорогах и в местах, которые трудно обойти. Но в первую очередь внешников интересует не самое свежее мясо, им подавай тех, которые провели здесь месяцы и годы, именно из таких можно получить самый качественный биологический материал. Поэтому их слуги охотятся на рейдеров, устраивают набеги на территории одиночных, ничего не значащих стабов, могут даже нападать на защищенные городки. Но только не на крупные, такое им не под силу.

На крупные нападает только Черное Братство – ему и не такое под силу.

По их заверениям, братья давно уже не сотрудничают с внешниками, но при этом у них почему-то слишком много хорошего оружия и военной техники, не говоря уже о патронах и снарядах. Никто не сомневается по поводу природы источников получения таких полезных вещей, – их до сих пор снабжают все те же хозяева.

Бесплатно они это делать не станут, а расплатиться с внешниками можно лишь одним товаром – смертью иммунных.

Поэтому с Черным Братством воюют все без исключения, союзников у него нет. Но кому-то от них достается больше, кому-то меньше.

Судя по той информации, которая до нас доходит, Азовскому Союзу в последнее время как раз достается больше. Мы его неотъемлемая часть, причем самая прекрасная, и до сих пор нас эта война никак не задевала. Где-то умирали защитники, где-то гибли враги, но здесь, почти в самом центре немаленькой территории крупнейшего в регионе объединения стабов, всегда царило спокойствие.

До сегодняшнего вечера.

Братство ударило не по окраинам, что давно уже никого не удивляет. Из десятков малых и больших стабов оно выбрало один из самых спокойных, располагающийся чуть северо-западнее географического центра Азовского Союза. Все-

го лишь обстреляло из пушек, но пушки – не то оружие, которое можно незаметно спрятать в кармане, прикинувшись обычным рейдером. Все это надо как-то провезти через многочисленные периметры с минными полями, проволочными заграждениями и железобетонными столбами, где передвигаются моторизованные патрули, а на дорогах оборудованы укрепленные блокпосты. Попробуй хотя бы с пустыми руками проползти мимо взглядов многочисленных наблюдателей, присматривающих за опасными местами через объективы расставленных на вышках камер. И ко всему прочему, опасайся взглядов с небес – Азовский Союз славится своими дронами, целая мастерская создана специально для сложных переделок гражданских моделей под разведывательные нужды.

Не один и далеко не два километра придется преодолеть, а затем, громко заявив о себе этим жутким грохотом и начавшимися в Центральном стабе пожарами, отойти на восток той же дорогой, не бросив тяжеленные пушки, ведь это очень ценное оружие.

Я в такой бред никогда не поверю. Все проще. Все куда проще. Братство сейчас не за сто километров от нас, оно подобралось ближе. Гораздо ближе. Вот почему Рафик сегодня охранял нас с гранатометом, и вот почему на дороге было столько грязных солдат и разной военной техники.

Военным есть чего опасаться.

Прислужники внешников рядом с нами, но никто не счел

нужным поставить в известность будущих жен главных господ Азовского Союза.

Глава 3

Вечерние посиделки

Цветник не блещет размерами, по сути, это всего лишь одно крестообразное здание, пусть и большое, по меркам стаба, но ничем не выдающееся. К нему примыкает множество пристроек, и все это хозяйство обнесено высокой бетонной стеной с колючей стальной спиралью поверху. Выйти можно через единственные ворота, которые приходится открывать не только перед транспортом, но и ради пешеходов – калитки там нет. За ними стоит караульная будка, обложенная бетонными блоками и окруженная вбитыми в землю рельсами, в ней день и ночь дежурят гвардейцы.

Еще недавно Цветник утопал в зелени, но после недавнего происшествия (в котором я оказалась замешана по уши) в целях повышения безопасности были спилены все деревья. Здание как бы разделось, но, с точки зрения воспитанниц, это пошло ему на пользу. Ведь теперь из окон второго этажа открывался прекрасный, ничем не заслоняемый вид на окрестности.

Обычно разглядывать там особо нечего – со всех сторон стоят некрасивые здания, где располагаются различные важные учреждения Азовского Союза и некоторые представительства союзных объединений кластеров. Считается,

что это место является дипломатической столицей региона и центром деловой жизни для сотен тысяч людей, если не больше. Цветник со своей спецификой не очень-то вписывается в такую деятельность. Они тут суетятся сами по себе, а мы живем сами по себе, почти никак друг с другом не пересекаясь.

Но иногда интересно посмотреть на некоторых, очевидно, новых здесь людей, или хотя бы тех, кто только-только узнал, что именно скрывается за невзрачной стеной с розовыми воротами. Мужчин не может не заинтересовать тот факт, что в длинном приземистом здании, со всех сторон увитом диким виноградом, в строгости и порядке воспитываются десятки сформировавшихся красавиц и сотни тех, которых выбрали в слишком нежном возрасте, когда их выдающиеся внешние данные еще не проявились в полной мере. Но опытные сотрудники Цветника знают способы разглядеть в невзрачной куколке восхитительную бабочку, ошибки у них случаются нечасто.

Наблюдать за такими мужчинами забавно. Некоторые просто бросали на Цветник мимолетные взгляды, но взгляды эти были особенные, явно не случайные. У некоторых, чрезмерно возбужденных, доходило до того, что останавливались истуканами и смотрели, смотрели, смотрели в сторону Цветника. Просто не могли оторваться, их взгляды будто прилипали к окнам. Но таким обычно не давали заниматься этим долго, подходили гвардейцы и вежливо или не очень

вежливо просили уйти.

Это очень смешило, ведь мужчины видели только верхнюю часть дома, а окна второго этажа открывать запрещено, на них даже ручек нет, требуется особый ключ. Разглядеть кого-нибудь из нас за хитрыми стеклами просто невозможно.

Те, кому разрешено таращиться на цветы из Цветника, занимаются этим не на улице, а во время смотров и прочих мероприятий, куда допускаются лишь избранные господа. Таким важным людям рядовые гвардейцы не указ.

Сейчас мы смотрели не на мужчин. Да и как их разглядишь в сгустившихся сумерках? Даже в обычные времена на улице в такое время стоит темень, а сейчас, когда электричество отключилось после взрывов, и вовсе мрак.

Но было одно исключение – здание министерства ментальных дел. Похоже, именно оно являлось главной целью Братства, они ведь обязаны ненавидеть ментатов, есть за что. Ведь некоторые из этих специфически одаренных специалистов способны мимолетным взглядом вскрыть всю подноготную предателей рода человеческого, скрыть свою сущность от них невозможно.

По крайней мере – так считается.

Один снаряд попал в министерство или несколько – я не поняла. Разве что Дания может ответить на такой вопрос, но не очень-то хочется ее спрашивать – не такие уж важные подробности. Однако кое-что понятно всем – зданию хорошенько досталось, и теперь оно горит. Причем никто не то-

ропится его тушить, ни одной пожарной машины не приехало. Какие-то люди мечутся на фоне огня, но их мало и непонятно, чем именно они там занимаются. Хотя вон – вроде бы понесли кого-то.

Не я одна это заметила, Рианна прокомментировала:

– Покалеченного понесли. А может, даже мертвого.

– Шоколадка, иногда ты даже глупее обезьяны, – в своей излюбленной уничижительной манере ответила на это Миа. – Кому нужны мертвые? Покалеченных сразу спасти кинулись, но только своих. А этого наверняка вытащили из подвала, туда снаряды не достали. Там могут такие сидеть, кто сам ходить уже не может.

Кожа у Рианны не шоколадная, но и белой ее не назовешь. Она стройная мулатка с лучшими в Цветнике ягодицами, и поэтому Миа обожает сравнивать ее с разнообразными видами обезьян, что вызывает встречную негативную реакцию. Но сейчас в ответ ни слова не последовало, Рианна, как все прочие, предпочла промолчать.

Наверняка мысленно ужаснулась, представив, кого именно и в каком состоянии вытащили из зловещих подвалов обители ментатов. Все знают, что пойманных муров, в том числе из Темного Братства, свозят именно туда.

О том, что там с ними вытворяют, знать не хочется. Достаточно вспомнить жуткие неправдоподобные страшилки, чтобы надолго испортить себе настроение.

– Бегом отсюда! – пискнула Лола и, первой бросившись

от окна, ухитрилась оступитья на ровном паркете и едва не врезаться в стену головой.

Причем ходит в мягких удобных тапках, вот уж неловкая, так неловкая.

Цветник располагается на большом стабе, так что это здание Азовскому Союзу пришлось возводить самостоятельно, а не дожидаться прилета готового. Готовых в таких местах или не бывает вообще, или они в ужасающе запущенном состоянии. Уж не знаю, где отыскивали строителей, но спасибо им преогромное за некоторые огрехи. В том числе за скрипучий паркет и доски лестниц. Может, специально так сделали, чтобы никто не мог бесшумно пробираться к запертым красавицам, может, случайно получилось, но мы могли слышать воспитательниц еще до того, как эти милейшие дамочки поднимутся на второй этаж. Настоящая леди не должна носиться сломя голову, они это вечно подчеркивали своим поведением, и потому какая бы из них сейчас ни направлялась к нам, излишне торопиться не должна.

Мы успели укрыться в спальне. Переодеваться не пришлось, все уже в ночных халатиках, далеко не первый раз позволяем себе вечерние стояния у окон в коридоре, процедура отработана до мелочей. Естественно, воспитательница сейчас слышала шум, но, кроме Вороны, мало кто после такого заглядывает во все комнаты подряд.

Да и чего к нам заглядывать? Ведь все усердно делают вид, что спят. Ну это если двери раскрыть.

Во всех коридорах есть хитрые камеры видеонаблюдения, через них нас прекрасно видно даже в полной темноте, но почему-то ни Ворона, ни другие не собирают с них данных на нарушительниц, что давно уже навело нас на очевидную мысль – лично директриса или кто-то другой, не менее важный, негласно разрешила закрывать глаза на столь ничтожное нарушение распорядка.

Но на мониторы все же поглядывают, слишком долго находиться в коридоре нам не позволяют, кто-нибудь неизбежно начинает подниматься по скрипучей лестнице.

Сейчас камеры, скорее всего, не работают – света ведь нет. Но все равно кому-то не сидится. Должно быть, у воспитательниц свое расписание или у этой электроники автономное питание.

Дождавшись, когда скрип в коридоре стихнет, неугомонная Рианна спросила:

– Интересно, кто там пришел?

– Поднимись, открой дверь и спроси погромче, – буркнула Миа и начала с силой взбивать подушку.

В этот миг с улицы донесся шум, такой же непонятный и угрожающий, как тот, который заставил нас сегодня трястись от страха на холодном паркете в малом зале. Что-то урчащее, шипящее, резкое, ужасающе громко подающее голос через одинаковые короткие промежутки времени. Не настолько оглушительное, как взрывы снарядов, и на пальбу пушек совсем не похоже, но тоже мурашки по коже побежа-

ли.

– Это еще что такое?! – испуганно вскинулась Лола.

Та еще трусиха, ей много не надо, но должна признать, что мне и самой от такого шума не по себе. Я понимала, что из всех присутствующих лишь одна может на такое ответить, и так как от природы любопытна, тут же перевела вопрос на нее:

– Дания, что это?

Та ответила без заминки:

– «Град».

– Ты издеваешься?! – вспыхнула Миа. – Какой же это град, ведь грозы нет!

– Такому «Граду» гроза не нужна, потому что это оружие, а не ледяные шарики с неба. Наши стреляют, по кому-то приблизительно полпакета выпустили.

Информация, что град бывает не только ярким погодным явлением, но и оружием, причем применяют его почему-то пластиковыми или бумажными пакетами, меня обескуражила, да и не только меня. Спасибо Дании, она это поняла и уже не первый раз за день, изменив своей молчаливости, снизила до пояснений без дополнительных вопросов:

– «Град» – это страшно. «Градом» у папы в машине разнесло стекла и радиатор, а первому мужу соседки оторвало половину головы и руку почти на моих глазах. От этой штуки нам больше всего доставалось, много домов вокруг побило, ну и людей тоже. Поодиночке его снаряды редко прилетают,

их обычно десятки падают в одно место.

– Снаряды? Так это тоже пушка? – спросила Тина.

– Нет, на пушку совсем не похоже. Это такая машина, как бы грузовая, но вместо кузова у нее пачка труб с заряженными в них ракетами. Хотя пусть будет пушка, какая разница, все равно результат один – взрывает то, во что попадает. «Град» страшнее всего слушать, но когда стреляют наши, так хорошо становится, так хорошо... Вы даже не представляете, как приятно знать, что падать это будет не у тебя перед домом, а у тех, кто день и ночь разносит твой город. Сидишь под стеной и слушаешь: это из гаубицы прилетело куда-то рядом, аж пол вздрогнул; а это стекла от мин звенят; а вот завыло, зарычало раз за разом, – пошли ракеты от нас к ним. И ты отчетливо понимаешь, что это все. Наши узнали, где стоит их батарея, сейчас ее не станет, там все погибнут, сгорят вместе со своими снарядами. После этого станет тихо. Жаль, не навсегда, ведь потом пригонят новых солдат, и опять все завертится. Настоящий конвейер смерти – они убивают нас, наши отвечают, и все затихают, потому что там уже некому стрелять, все мертвые или калеки. А потом брат смеется, всем рассказывает, что у него сестра-блондинка отличает по звуку что, куда и какого калибра полетело. А там ведь ничего сложного, даже музыкальный слух не нужен, это вам не ноты, это гораздо легче.

– Ты сегодня такая разговорчивая, – удивилась Бритни.

– Да я вот просто думаю – ну и зачем это надо? Зачем мне

такое знание?

– Это точно наши стреляли? – опасно уточнила Лола.

– Точно. «Град» ни с чем не перепутаешь... и попадания от него тоже.

– Он, наверное, убивает тех, кто по нам сегодня стрелял, – обрадовалась Саманта. – Они тоже сейчас замолкнут, как те, которые стреляли по улице Даньки.

– До тебя это только сейчас дошло? – не упустила своего Миа. – Саманта, ты просто тормоз, ты наш главный ходячий тормоз, тупости у тебя на семерых хватит.

– Зато я понравилась господину Резкому, – не стала спорить блондинка, прекрасно понимая, что, сражаясь оружием быстрой на язык оппонентки, победить не сумеет. – Ну а ты обещана господину Четвертаку, он толстый и похож на беременную жабу, у него жуткая одышка, он все время потеет, от него несет кислятиной, даже когда не жарко. А господин Резкий такой красивый, и фигура у него идеальная. Ну а если что-то случится с господином Голодом, его назначат командиром гвардии, это все знают. Со временем он обязательно станет очень большим человеком.

Зря она затронула эту тему. Миа очень нервно относится к недостаткам кандидатуры своего будущего супруга, а в том, что касается доставания других, с ней никто сравниться не может.

Вот и сейчас ударила зеркально:

– Саманта, а это ничего, что у господина Резкого уже есть

жена? Я промолчу о том, что он не пропускает ни одной юбки, это все прекрасно знают.

– Не говори про него так! Он хороший, ты не видела, как ласково он мне улыбался!

– Дура ты, опилками набитая, он всем улыбался, даже Тине. Ты для него просто юбка, одна из многих.

– Но я на смотре в платье была.

Миа не выдержала, засмеялась зло, некрасиво, совсем не женственно:

– Да ты просто королева дур! В платье она была, вот ведь умора тупая.

Перспектива выслушивать эту перепалку полчаса или дольше меня не вдохновляла, а ведь все идет именно к этому. Такое надо стараться прекращать в самом зародыше, пока не разгорелось до неугасимого состояния, чем я и занялась:

– Может, вы хотя бы разок помолчите? Вот сколько можно гадостей про своих мужчин говорить? Неужели других тем нет?

– Я про своего гадости не говорю, – не сдавалась Миа. – Это наша белобрысая про него вспомнила, видать, влюбилась, покоя ей не дает.

– Она вспомнила, потому что ты просто так на нее накинулась.

– Это я накинулась?!

– Ну не я же. Не трогай ее, всех уже достало, что вы постоянно ругаетесь. И было бы из-за чего... смешно.

Миу у нас не любят, ее лучше игнорировать, она везде найдет повод оскорбиться или придраться. Злопамятная до ужаса, свое обязательно возьмет со временем, ну или доставит беспочвенными насмешками и обвинениями.

Хотя, чего скрывать, далеко не всегда они беспочвенные, ведь то, что она рассказала про господ Четвертака и Резкого, чистейшая правда. А с другой стороны, зачем вообще поднимать такие непростые темы? Наши будущие мужья далеко не святые, они редко блещут прекрасными манерами и красотой или хотя бы намеком на нее, этот факт трудно подвергнуть сомнению. Но признавать в разговоре с другими, что твой избранник – самодовольное земноводное, на которое смотреть тошно...

Нет, такое у нас признавать никто не любит.

Я единственная, с кем Миа даже не пытается поскандальить. У меня свои методы борьбы с такими злюками. С одним таким методом ей пришлось познакомиться чуть ли не при первой нашей встрече. Я тогда нашла способ произвести на нее неизгладимое впечатление при помощи самой примитивной взбучки. Она помнит, что я сильнее, и пока это действует. Поэтому без колебаний вмешиваюсь, когда считаю нужным прекратить перепалки, связанные с нашей черноволосой красоткой.

Но вмешиваюсь аккуратно, стараясь не сильно ее задеть, ведь если доведу до белого каления, она может взбелениться, и мне опять придется доказывать свое преимуще-

ство.

Драться – это глупо, но другие способы против нее работают плохо.

Мишель, пользуясь тем, что вспыхнувшая было ссора затихла, тоже решила внести свою лепту в разговор. Она дико помешана на книгах и фильмах и пусть смутно, но помнит, что и того, и другого в прежней жизни было много. Здесь у нас это тоже есть, но в ограниченном количестве, да и выбор специфический, что для нее недостаточно, и потому повернула нить беседы на важную для себя тему:

– Ну и страху мы сегодня натерпелись, но почему-то хочется даже еще больше, и я знаю, что нам сейчас нужно.

Какая-то чудная логика, но даже я, догадываясь, к чему ведет рыжая, притихла, заинтересовавшись продолжением.

– Тина, ты спишь? – спросила Мишель.

– Почему это я должна засыпать так быстро, да еще и под вашу болтовню?

– Расскажешь что-нибудь? Лучше про того типа в маске из человеческой кожи и с бензопилой. Только не запутайся в именах, как в тот раз, так неинтересно.

– Я уже сто раз эту муть рассказывала, – недовольно ответила Тина.

Она сегодня явно не в духе. Да все мы сейчас не в своей тарелке, такой уж день. Впервые за все время пребывания в Цветнике узнали, что здесь не настолько безопасно, как нас постоянно уверяли.

– Ну расскажи, ну пожалуйста, – продолжала канючить Мишель. – Ты же знаешь, что нам никогда не показывают такие фильмы. Нам вообще почти ничего не показывают, а если и включают, то такую ерунду, что противно смотреть.

– Лучше толкни Бритни, пусть она что-нибудь расскажет, у нее неплохо получается.

– У нее все истории отсюда, а не из фильмов. И все какие-то тупые. Мне только одна понравилась – про скреббера, который умел превращаться в человека, но ему нельзя было смотреть в глаза. Вот там жуть так жуть. Ну Тинка, ну давай, рассказывай уже.

– Нет настроения, да и не надо это тебе.

– Это почему же?

– Потому что выйдешь замуж и насмотришься на всякую ерунду до тошноты.

– Я даже не знаю точно, кто будет моим мужем. Вдруг он тоже запретит такое смотреть, и что я тогда буду делать? Ну расскажи, ну что тебе стоит.

– У меня настроения нет. Не пойму, как тебе вообще такое может нравиться. Ужасно глупый фильм, я даже половину сюжета не помню и вспоминать не хочу.

– Это для тебя, Тинка, глупый. Ты когда попала в Улей? Почти в четырнадцать? Это ведь недавно, ты много фильмов помнишь. А я почти ничего не могу вспомнить. Я даже не знаю, сколько мне лет – на глаз определяли.

Не удержавшись, я пояснила:

– Определяли знахари, а они в таких вопросах не ошибаются ни на минуту, так что тебе шестнадцать с маленьким хвостиком, не сомневайся.

– О! Я знаю, что можно рассказать вместо фильма! – внешне оживилась Мишель. – Сейчас рассказывать будет Лиска. Элли, расскажи, пожалуйста, еще разик. Расскажи, как ты убила того мертвяка куском стекла.

О нет! Неужели опять придется вспоминать эту мерзость и к тому же вслух?!

Некогда изрезанные до костей пальцы жалобно заныли. Раны давно затянулись, белесые шрамы рассосались бесследно, как это неизбежно происходит в Улье, но тело до сих пор помнит страх, боль и отвращение, поэтому я невольно сжалась.

– Да расскажи ты уже, а то рыжая никому спать не даст, она совсем свихнулась на тупых ужастиках, – поддержала Миа. – Лучше уж тебя слушать, чем эту корову с ее бензопилами и тупыми студентками с голыми сиськами.

Хотелось ответить Мии чем-то убойно-колким, но так нельзя, с ней у меня пока что действует молчаливый уговор – она меня никак не трогает, но и я на нее не давлю без веской причины. Что-то вроде вооруженного нейтралитета, где ни одна из сторон не хочет нарушать перемирие первой. Сегодня я уже не раз встревала в ее перепалки с другими орхидеями, приходится обращаться скромнее со своими желаниями.

Да и почему бы не рассказать, что толку отмалчиваться, если нехорошее воспоминание, благодаря любопытству Мишель, вернулось во всей красе и теперь отпустит не сразу? Так что терять уже нечего.

Вздохнув, начала:

– У меня тогда не было выхода, я выбралась из кустов с пустыми руками, и мне очень нужен был тот мертвяк. К тому же он уже меня заметил, пришлось действовать быстро. Чем его можно убить, если вообще ничего нет? Только тем, чего много под ногами валяется. Там обычно один мусор, но и полезное попадается. Например – стекло. Первое попавшееся стекло в таком деле не подойдет. Но его на кластерах много самого разного, везде можно найти. Мертвяки, запертые в своих квартирах, после того как сильно проголодаются, часто вываливаются из окон с любого этажа, ведь у них не всегда хватает ума открывать замки.

А ведь зря я начала рассказывать, на душе все гаже и гаже становится, крупно ошиблась, когда подумала, что этого не случится. Вот ведь Мишель, вот ведь спасибо, змеюка ты бессовестно любопытная!

Но раз уж начала, придется продолжать, истинная леди не должна прерывать свою речь на полуслове.

– То же самое касается машин с запертыми пассажирами и водителями. Иногда в автомобиле снаружи врываются матери, чтобы добраться до людей или слабых зараженных, но стекло там не слишком подходит, оконное гораздо луч-

ше. Оно раскалывается на куски разного размера и формы, нужно найти вытянутый, что я и сделала. Если есть время, его противоположный конец можно чем-то обмотать. Тряпки, бумага, изоляционная лента или скотч, полиэтиленовые пакеты – все что угодно подходит, надо добиться, чтобы вы могли хвататься за стекло, но не порезаться им. Вы должны помнить, что мертвяки опасаются ударов по глазам. Но нас также учили, что даже сильная рана в глазницу вряд ли их убьет. Однако на стадиях переходных от ранних к средним у них начинает меняться скелет и какой-то период глазное дно остается очень слабым, его легко пробить любым оружием. Главное, чтобы при этом достало до мозга, иначе вы получите не труп, а одноглазого и очень злого зараженного.

– И ты бы смогла ударить мертвяка стеклом в глаз? – охнула Саманта.

Уже раз пятьдесят слышала мою историю, но ведет себя так, будто это происходит впервые. Светлая у нас почти всегда такая, это только Миу раздражает, остальным все равно или даже нравится, мы добродушной глупышке многое прощаем.

Миу у нас абсолютно все раздражает, вот и сейчас не стала молчать:

– Не перебивай Лису, овца белобрыся! Достала уже!

– Помолчите обе! – вскинулась Мишель. – Лиска, ну пожалуйста, не слушай никого, продолжай.

– Тихо все! – неожиданно воскликнула Лола. – Кто-то

идет!

Хвала скрипучему паркету, я хотя бы на время избавлена от обязанности продолжать рассказ о далеко не самом приятном событии в моей жизни.

А может быть, и не на время. Мишель как пришло что-то в голову, так и уйдет. Способна мгновенно забыть о стекле и мертвяке, переключиться на другое или даже уснуть, как с ней часто случается во время традиционных «говорилок» перед сном.

Дверь без стука отворилась, из мрака коридора ударил луч фонаря, послышался голос Вороны:

– Девочки, вы спите? Просыпайтесь быстрее, вы должны спуститься в смотровой зал.

– Избранных господ привезли? – сонно спросила Бритни.

Она у нас обычно начинает сладко сопеть, едва коснется головой подушки, даже перед самыми интересными разговорами ее сонливость нечасто сдается, вот и сейчас отключилась неожиданно для всех.

Некоторые от такого неуместного вопроса прыснули, я тоже не удержалась. Даже Ворона ответила не своим голосом, почти веселым, а не стандартно-ледяным.

Я почему-то уверена, что она тоже умеет радоваться, как самый обычный человек, просто большая мастерица это скрывать.

– Ну Бритни, ну какие могут быть кандидаты в супруги в столь неурочное время? К тому же к смотрящим мы готовимся

заблаговременно.

– Прошу прощения, не поняла спросонья.

– Тебе не за что извиняться, ведь это очень мило, что у тебя такой здоровый сон. Даже самый взыскательный мужчина улыбнется, когда ты, проснувшись, скажешь ему что-нибудь в таком духе. А улыбка твоего мужчины – это прекрасно и к тому же полезно для отношений.

– Для чего нам спускаться? – деловито уточнила Тина. – Мы не знаем, что надевать.

– Оставайтесь в халатах, обувь тоже ночная.

– В халатиках?! – изумилась Кира.

Все мы равнодушны к нарядам, это ведь так естественно, но она на них просто повернута. Предложение спуститься в халате и тапках в святая святых Цветника – любую заставит удивиться, ну а для нее это вообще жесточайший удар.

– Да, в халатах, – подтвердила старшая воспитательница. – Так и идите, ничего страшного в этом не вижу. Халат, между прочим, – весьма эротичное одеяние и к тому же немаловажный элемент атмосферы домашнего уюта. Так что будем считать это маленькой практикой, вы должны уметь правильно использовать любые наряды в любых ситуациях.

У нас одно время работала воспитательница Стелла. Очень красивая и умная женщина, но вот с языком у нее случались проблемы. Хотя выгнали из Цветника не за это, а за то, что попала на курении в раздевалке возле уличного бассейна. Так вот, она, когда указывала на вульгарность все

равно в чем, изредка использовала неприемлемое для истинной леди слово, связанное с крайне пошлой формой визуализации самых интимных подробностей отношений между мужчиной и женщиной. Так вот, я уверена, что мой халатик она бы обозвала в своей манере.

Слово, без сомнения, жутко некрасивое, но в моем случае вынуждена согласиться со Стеллой, а не с Вороной – он вовсе не эротичный, он откровенно порнографический. У других халаты тоже интересные, но доставшийся мне – просто нечто. Я в нем чувствую себя куда больше раздетой, чем когда совершенно голой стою по душем и под наблюдением преподавательницы, специализирующейся на интенсивных методах обольщения, делаю вид, что всего лишь моюсь, а не пытаюсь свести с ума якобы наблюдающего за мной изbranника.

Я свой халат недолюбиваю, но не могу не признать, что он мне очень идет, и потому обречена его носить до тех пор, пока не подберут что-нибудь другое. Наверняка – такое же неприличное. Подозреваю, воспитательницы уверены, что в настолько комичном тряпье я никуда не сбегу.

Смешные. Самых разных тряпок в Цветнике хватает, достаточно только руку за ними протянуть. К тому же можно сбежать и вовсе голой, потому что за периметром тряпья еще больше.

В столь позднее время ниже второго этажа я спускалась лишь однажды, причем в нормальной одежде, а не во фри-вольном халатике и мягких тапочках. У других вообще опыта подобных вылазок нет, так что лишь присутствие Вороны удерживало нас от бурного обсуждения столь неординарного события.

Ну да, всех воспитанниц, даже самых мелких, выгнали из постелей и привели в сердце Цветника – смотровой зал, зал смотрин, смотровую, смотрильню или даже подсмотрелку-подгляделку. У этого немаленького помещения множество названий, но все они намекают лишь на одно.

Да, нас привели в единственное на свете место, где мы иногда видим тех, для кого нас выращивают. Официально процесс называется воспитанием, но зачем обманывать себя в мыслях, ведь это именно выращивание.

Время от времени назначаются смотрины, обе группы орхидей и часть старших фиалок готовятся к такому событию. Много нервов, все очень пафосно и строго, иногда даже слишком строго, до излишеств во всем, что подчеркивает наши достоинства. В этот зал мы заходим живыми куклами, нас будто отполировывают до зеркального блеска, мы сами себя в зеркале боимся узнать, настолько сильный эффект оказывают максимальное выпячивание всех плюсов своей

внешности и тщательная маскировка минусов.

Истинная леди выказывает скромность во всем, что не касается заботы о своей красоте – в этом она та еще бесстыдница, не гнушающаяся самыми сомнительными методами. В таком деле ее ничем не смутить.

Ну или почти ничем, все же какие-то рамки у нас есть даже в этом.

Через порог смотрового зала я переступала с ярко выраженным чувством неловкости. Боже, ведь даже не причесалась, не говоря уже обо всем остальном. И что с того, что все мы одинаково нелепы со своими неподготовленными волосами и легкими халатиками? Истинная леди не должна оглядываться на остальных, и это правильно, ведь той, которая сама является признанным образцом для подражания, брать пример с других глупо.

Девочки до восьми лет в ярких цветастых пижамах, а вот восьмилетние ромашки уже в бесстыдных халатиках, и поэтому смотрятся ужасно смешно.

Когда-то я тоже была такой, и почему-то тогда смеяться над собой не хотелось. А теперь едва удержалась, чтобы не прыснуть. Какое-то странное ощущение в голове – то смеяться хочется, то грусть накатывает, то апатия. Должно быть, устала, спать пора, но не дают.

В крыло к мелким нам хода нет, поэтому мы их если и видим, то лишь во дворе и только издали. Такого, чтобы все группы собрали в одном месте, я не припомню.

Да у нас вообще никогда не было столь поспешных сборов, уж я-то точно знаю, я тут главная старожилка.

Следующая странность этого дня едва не заставила меня запнуться, как это часто случается с Лолой без малейшего повода даже на самых ровных местах. Но я – не она и потому не сбилась с привычного ритма шагов. Резкие остановки при движении в потоке людей – это неженственно и даже вульгарно.

Но чего мне стоило сдержаться – словами не передать.

Смотровой зал разделен на две неравные зоны. Первая – для избранных господ, она небольшая по площади и с отдельным входом через пристройку. Считается, что в пристройку нам хода нет, и потому мы не можем знать о том, какая в ней обстановка. Но мы, разумеется, знаем чуть ли не все. Знаем даже то, что там имеется комната с бильярдным столом, в ней мужчины курят и употребляют алкогольные напитки. При этом им прислуживают официантки, которых привозят из самого фешенебельного ресторана Центрального стаба.

Нам даже известно, что важные господа иногда занимаются сексом с этими официантками в той же пристройке. Для этого там предусмотрены комнаты со всеми удобствами, но, если верить самым пикантным слухам, иногда хватает зеленого сукна бильярдного стола.

Та половина зала, которая предназначена для мужчин, отделена от остальной невысокой декоративной решеткой –

смешной преградой, через которую якобы невозможно перебраться. На моей памяти это попытались сделать лишь однажды, тот важный господин явно переусердствовал в комнате с бильярдом и попытался пробраться на женскую половину, всем своим немаленьким телом ударив в мешающее ему препятствие.

Решетка устояла перед пьяным напором, а не знающего меру господина я больше не видела.

К нам предъявляют высочайшие требования, к тем, кто нас выбирает, они куда меньше, но все же без них не обходится, и, однажды нарушив правило, которое нарушать нельзя, ты больше никогда не увидишь ярко-розовые ворота Цветника со стороны двора.

Хотя, если признаться честно, вряд ли правила обязательны абсолютно для всех господ. Это ведь просто общий список, не учитывающий величину власти, которая сосредоточена в руках отдельных претендентов на получение орхидеи. У некоторых из них возможностей так много, что они могут переписывать любые законы под свои пожелания.

Мужская половина обставлена скромно. Здесь нет ничего розового, и вообще отсутствуют яркие краски, все скучно, лишь два ряда кресел, располагающихся в шахматном порядке, причем один выше, а второй ниже, для этого устроено что-то вроде наклонной ступеньки.

На нашей стороне гораздо веселее. Здесь параллельно рядам кресел протягивается шикарная дорожка, по которой хо-

чется ходить и ходить, ее нежная бархатистая поверхность слезно просится под наши каблучки. Хотя приподнята она невысоко, возникает ощущение, что ты посматриваешь сверху вниз на тех, кто, в свою очередь, таращится на тебя. Это я образно, потому что мы не должны буравить мужчин прямыми взглядами, для этого есть стена за ними и прочие возвышенные детали интерьера.

На дорожку в начале и конце выходят два прохода, от них загибаются скрытые галереи, протягивающиеся по периметру зала, они выводят к большой комнате, где мы сидим в ожидании выхода, наводим последние штрихи на свою красоту и волнуемся-волнуемся-волнуемся.

Это самые напряженные минуты и часы в нашей жизни. От нас требуется показать самое лучшее, что в нас есть, и при этом не опозорить Цветник, что не так просто, как может показаться со стороны.

Если мне когда-нибудь приснится, что я вышла на дорожку в пушистых розовых тапках с помпончиками и в кремовом халатике из воздушной ткани, которую местами приходится придерживать руками во избежание крайней степени пошлого происшествия, я даже не знаю, что со мной случится.

Возможно, умру в тот же миг, не просыпаясь.

Но нет, слава Улью, на дорожку нас не погнали. Нас вообще завели в другую дверь, потом пришлось несколько раз повернуть в узких коридорчиках, чтобы в итоге выйти в ме-

сто, которое я с первого взгляда даже не узнала.

Вроде бы абсолютно все знакомо, но тем не менее я здесь никогда не была.

Шедшие впереди, осознавая, куда именно мы попали, не всегда могли сдержать эмоции. Пусть и не кричали в голос и не падали в обморок, но охи-ахи доносились со всех сторон. Я чуть тоже не присоединилась к этому хору, ведь было отчего.

Немыслимо. Нас привели туда, где мы не имеем права находиться. Запретная зона, территория мужчин – та самая огороженная решеткой часть смотрового зала, где располагаются их кресла. Вот потому я и не опознала это место с первого взгляда – смущал непривычный ракурс, ну и сознание отказывалось смириться с тем, что нас пропустили туда, где воспитанниц не должно быть никогда и ни при каких обстоятельствах.

Но мы все же именно здесь, к тому же непричесанные и ужасно одетые.

Директриса, заложив руки за спину, прохаживалась по дорожке. Госпожу Флору мы между собой называем Селедкой. Сама не знаю почему, на рыбу она вообще не похожа. Очень даже ничего на вид: холеная, высокая, с шикарными ногами, роскошными светло-каштановыми волосами, чувственными губами и молочной кожей. Разве что есть в ней что-то неуловимо скользкое, но это с первого взгляда не определить.

Поговаривают, и я в это верю, что Селедке больше семиде-

сяти лет, но если об этом не знать, ни за что не дашь ей больше двадцати восьми. Даже тридцать – явная натяжка. Конечно, Улей легко решает возрастные проблемы иммунных, но тут он постарался заметней, чем с большинством других женщин.

Или дело не в Улье, а в секретах поддержания красоты, уж Селедка их знает немало, достаточно оценить ее косметику, где все на месте и нет ничего лишнего.

Дождавшись, когда зайдут последние воспитанницы со своими охами и ахами, директриса резко обернулась в сторону кресел и в своей обычной манере, звонко чеканя каждое слово, произнесла:

– Девочки, присаживайтесь и посидите минутку спокойно, сейчас вы увидите кое-что важное.

Легко сказать «посидите», ведь кресел всего лишь девятнадцать, я за все годы ни разу не видела, чтобы их заняли все до единого, даже пятнадцать зрителей редко набирается. Но нас-то далеко не пятнадцать, если собрать все группы, насчитается больше двух сотен.

Но кресла рассчитаны на мужчин самой разной комплекции, в любое из них две такие, как Тинка, с разбега усядутся, и им не будет невыносимо тесно. К тому же здесь есть массивные подлокотники, на которые тоже нетрудно пристроиться вдвоем с каждой стороны, это даже можно проделать женственно, если не запутаться в свисающих там и сям чужих ногах. Плюс мелкие прекрасно помещаются на коленях,

плюс те, кому ничего не досталось, могут стоять позади, обхватив подголовники руками.

Минуты вполне хватило, чтобы кое-как устроились все.

Бедные кресла, такого нашествия они никогда не видели. Как, впрочем, и мы. Причем никто не спешит объяснить, в честь чего совершается столь вопиющее нарушение прежде нерушимых устоев.

Селедка, убедившись, что мы расселись, сказала, уже отворачиваясь:

– Спасибо, что все пришли вовремя. А теперь внимательно выслушайте выступление Герцога.

Директриса что-то нажала на пульте, который держала в руке, черный прямоугольник огромного экрана, укрепленного чуть дальше дорожки и выше нее, расцвел красками стандартной заставки срочных новостей.

Некоторые не удержались от удивленных восклицаний. Дело не в том, что их потряс оживший экран, и без него давно заметили, что свет на первом этаже уже восстановили.

Герцог – главный мужчина Азовского Союза. Единственный, кого нам рекомендуется упоминать без приставки «господин», но обязательно с восхищенным придыханием. Это даже не прозвище, и уж тем более не имя. Это что-то вроде названия должности, которое приклеивается к тебе раз и навсегда, покинуть ее можно только в одном случае.

Когда умрешь.

Герцог может все, абсолютно все, для него нет никаких

запретов. Пожелай он заявиться в Цветник, директрисе ничего не останется, как раскрыть перед ним любые двери. Он может выбрать понравившуюся воспитанницу без смотрин, забрав ее прямо из комнаты, в которой застанет.

Да что там говорить, он всех нас может забрать, ему никто не вправе сказать «нет».

Вот только не заберет, потому как многие из нас уже обещаны другим – тем, на кого опирается Герцог. Опору легко потерять из-за такого оскорбления, и что с ним будет дальше? Да ничего хорошего, до нас доносились отголоски давних историй о плохо закончивших лидерах Азовского Союза, которые позабыли о том, что иногда следует проявлять умеренность в желаниях.

К тому же у нынешнего Герцога есть жена, и она выпускница Цветника. Красивая и умная женщина, уже давно с ним живет, и, по слухам, ума у нее столько, что супруг вынужден с этим считаться.

Так что неизвестно, у кого сейчас больше власти – у Герцога или у нее. Многие говорят, что она держит его в таком кулаке, откуда Цветник даже в телескоп не разглядишь.

Так что Герцог – один из немногих облеченных большой властью мужчин, которым или запрещено здесь находиться, или они не появляются у нас по другим причинам. К тому же он крайне редко показывается на телевизионных экранах, лично я видела его там семь раз, последний случился полтора года назад. Нам, конечно, не так часто удастся посмотреть

местные передачи или хотя бы фильмы из разных миров, но все равно понятно, что этого человека не отнесешь к мозолящим глаза назойливо-публичным личностям.

Ну и что же такое он должен сейчас сказать? Ради чего нас согнали вниз, даже не позволив переодеться?

Присев на подлокотник крайнего слева кресла во втором ряду, я задумчиво уставилась на экран, где демонстрировалась знакомая картинка – какой-то высокий мускулистый воин в странного вида бронежилете из соединенных друг с дружкой стальных деталей попирает ногой извивающегося на засыпанной разнокалиберными гильзами земле развитого зараженного, с силой замахиваясь для того, чтобы ударить прикладом по оскалившейся двойными рядами зубов уродливой голове.

Нарисовано красиво, но до чего же по-идиотски. Судя по характерным признакам, зараженный достиг стадии в классификационной таблице, обозначаемой «yellow-три»², а это серьезно. Каким бы ты ни был сильным воином, но удержать столь опасного монстра, поставив на него ногу, так же не просто, как этой же ногой остановить разогнавшийся грузовик. Разбить прикладом голову, может, и не совсем уж фантастика, но скорость приклада должна достигать значений, сопоставимых со скоростью распространения звуковых волн в атмосфере. Я уж промолчу о том, что автомат при этом может пострадать до неисправимого состояния, а многочислен-

² Yellow – желтый (англ.).

ные дополнительные приспособления, установленные на целом наборе планок, разлетятся по всей округе.

Похоже, тот, кто рисует такую чепуху, если и выбирался за пределы стаба, то лишь ради плановой профилактики статической лихорадки. Нас тоже ради этого время от времени вывозят, но исключительно на зачищенные кластеры во внутренних областях Азовского Союза. Встретить на них опасного зараженного так же непросто, как ночью отыскать мужчину под кроватью в одной из спален воспитанниц Цветника.

Глядя на квадратное лицо, которому художник попытался придать одухотворенное выражение, но выглядело это так же нелепо, как если к экскаваторному ковшу пририсовать глаза, нос, рот и стальной шлем с пучком петушиных перьев, я вдруг почувствовала себя нехорошо. Неудержимая тошнота подступает, причем стремительно. Попыталась успокоить ни с того ни с сего разволнованный желудок, при этом картинка начала расплываться, взгляд отказывался фокусироваться на выбранной точке.

И вдруг все прошло, будто вообще ничего не было. Я даже удивиться столь странным симптомам не успела, как нелепая картинка исчезла, вместо нее на нас теперь смотрел Герцог. Одетый в тщательно подогнанный под грузную фигуру темно-зеленый мундир, расшитый золотыми нитями, с непокрытой головой, что ему очень не шло из-за проблемных сальных волос и неравномерной прически лысеющего человека, лицо усталое, отрешенное, но при этом мутные глаза

горят нездоровым огнем. Будто это не старый иммунный, а только-только свалившийся из внешних миров новичок, которому не повезло, и он вот-вот переродится в урчащую тварь.

Та самая стадия, когда человек еще осознает себя, но остался всего лишь один шаг до необратимой потери разума.

Герцог смотрел на нас, мы смотрели на Герцога. Несмотря на то что в зале собрались все воспитанницы, воцарилась такая тишина, что можно было расслышать неритмичные звуки далекой артиллерийской стрельбы, доносившиеся с улицы. Где-то не так уж далеко что-то раскатисто бухнуло несколько раз, а затем я отчетливо различила отрывистую очередь из чего-то серьезного, вроде автоматической пушки, и вслед за этим раздалась целая серия негромких хлопков.

Это уже явно недалеко, это очень близко, разве может такое оружие достать до батарей муров? До них ведь не один километр и не десять, если верить Дании. Тогда почему стреляют? Муры подобрались к периметру? Или я что-то не понимаю?

– Работают? По какому-то беспилотнику? – удивленно спросила сидевшая чуть правее Тина, внимательно прислушиваясь к шушукавшимся рядом с ней орхидеям обеих групп.

Похоже, Дания опять дает свои пояснения, а я, к сожалению, устроилась слишком далеко от нее.

– Верные граждане Азовского Союза, в этот трудный час

я не мог не обратиться ко всем вам, – после неприлично затянувшейся паузы начал Герцог. – Многие из вас уже знают, что случилось в последние часы. Для остальных поясню – случилось предательство. Ряд гарнизонов северного сектора частично покинул свои позиции, в том числе бросив опорные пункты номер шесть и девять, периметр между ними, речной рубеж и некоторые располагающиеся западнее блокпосты, включая те, что стояли у переправ. Также снято карантинное оцепление со сто сорок третьего кластера, перезагрузившегося сегодня утром, большая часть новеньких все еще остается на его территории, и вскоре почти все они переродятся. Вы могли слышать, что предатели объяснили свое поведение задержками выплаты жалованья, но это неправда. Жалованье, если где-то и задерживалось, то лишь частично, что не доставляло проблем военнослужащим. Все вы знаете, что в боевых условиях не так просто обеспечивать бесперебойную работу финансового аппарата на удаленных рубежах, это обычное явление, и оно никогда не вызывало недовольства. Прямой подкуп офицерского и рядового состава – вот что произошло. Последний вскрытый нами заговор показал, что спецслужбы Черного Братства пустили корни среди некоторых слоев нашего руководства и, к сожалению, мы не успели оперативно выжечь эту скверну дочиста. Как вы, должно быть, помните, я неоднократно предупреждал о...

Да что же это такое – меня чуть в колесо не скрутило от стремительно накатившей тошноты, и перед глазами опять

все расплылось. Наверное, мне противопоказано сидеть на подлокотниках в столь вычурной позе. Это, конечно, женственно, но, похоже, оказывает негативное давление на внутренние органы, так что лучше чуть расслабиться и повернуться немного по-другому.

Вот так, теперь напряжения почти нет, да и дурнота отступила. Задумываться над капризами организма некогда, я и так умудрилась пропустить часть интригующего выступления, а Герцог продолжает и дальше выкладывать ужасно интересные вещи.

— ...таким образом, враг сумел беспрепятственно выдвинуться к нашим внутренним стабам, провести ряд диверсий и атаковать ряд важных объектов мобильными диверсионными группами. Также имели место обстрелы ствольной артиллерией, в том числе им подвергся Центральный стаб, есть жертвы и разрушения. Понимаю, что непросто после такого сохранять спокойствие, но уверяю, что поводов для волнения нет. Наша артиллерия оперативно накрыла колонны муров, по результатам предварительной разведки, враг понес чудовищные потери в живой силе и технике, в данный момент он спешно отступает в восточном направлении. Только на подходе к шестому опорному пункту Черное Братство оставило два танка, боевую машину пехоты, бронированный тягач, четыре укрепленных автомобиля и тяжелый бульдозер, переделанный в инженерную машину разграбления. Часть этой техники мы сумеем восстановить или ис-

пользуем в качестве запчастей. Также контрбатареиные действия привели к тому, что враг потерял большую часть задействованной в бандитской вылазке артиллерии. Подразделения гвардии уже выдвинулись на передовые рубежи и прямо сейчас наносят сходящиеся удары по беспорядочно отступающим прихвостням внешников, им грозят неминуемое окружение и полное...

Да что же это такое?! Опять?! Я ведь по-другому устроилась, никакого давления не может быть. Необъяснимая, внезапно начинающаяся тошнота, а еще слабость, просто дикая слабость, с полным отключением зрения и слуха. Тошнота неохотно отступает, но слабость не торопится последовать вслед за ней и даже хуже – продвигается дальше, стремясь превратить каждую жилку в рыхлый жгут из безвольной ваты.

Со мной что-то не так.

Слух частично вернулся, но слова Герцога стали странными, они будто из глубокого колодца доносятся и почти не задерживаются в моем сознании. Разве что удастся осознать отдельные обрывки, причем сама не понимаю – зачем мне это нужно.

Мне сейчас не до речей нашего правителя, мне плохо, мне жутко плохо, мне так плохо, что словами невозможно передать. Мне нельзя здесь сидеть, мне надо постараться встать и выйти. Выйти отсюда, в этом немаленьком зале почему-то невыносимо душно и тесно.

Покинуть зал в разгар выступления главнокомандующего Азовского Союза – тот еще скандал, но до конца я вряд ли сумею досидеть.

– ...таким образом, внутренним стабам совершенно ничего не грозит. Мы оперативно ликвидируем последствия измены, уничтожаем прорвавшиеся шайки, а затем нанесем ответный сокрушительный удар, используя строевые войска, гвардейские батальоны, наемников-рейдеров и вооруженные силы союзников, в том числе и новых. Вот-вот мы получим в свое распоряжение целую армию лучших воинов Призападной Цепи. Вы знаете, что у нас в последнее время возникали серьезные разногласия с этим проблемным регионом, но лучшее, что мы можем сделать перед лицом такой угрозы – позабыть о своих и чужих амбициях, выступить общим фронтом, ударить так, чтобы второго удара не потребовалось. И мы это непременно...

Ужас, ну как же противно он говорит. Должно быть, мне стало дурно именно от его омерзительного голоса. Будь он проклят, будь прокляты все его выступления. После того, что этот лощенный боров изрек с этого же экрана четыре года назад, от нас в три этапа забрали целую толпу фиалок, чтобы те как следует ублажили новых союзников, у которых возраст согласия совсем уж смешной, а институт брака и вовсе отсутствует. Я всего лишь чуть-чуть недотянула до перевода в одну из таких групп, так сильно мне никогда в жизни не везло.

Что же будет после сегодняшней речи? Кому из нас не повезет на этот раз? Враг почти добрался до сердца Азовского Союза, Герцогу придется напрячь все свои ресурсы.

А мы – их важная часть.

– Лиска?! Ли?! Элли, что с тобой?! Да помогите же кто-нибудь, разве не видите, Элли упала и не может подняться! Ей плохо!

Упала? Нет, я просто прилегла на внезапно оказавшийся рядом диванчик. Сама не понимаю – откуда он здесь взялся. Или мне кажется, и это всего лишь пол? Ну да какая разница, я и на полу могу прекрасно поваляться. Мне нужно отдохнуть, как следует отдохнуть. Завтра очередной длинный день, много чего придется сделать, встречать рассвет полагается во всеоружии, а не расклеившейся слабачкой.

Я его встречу. Я не первый день в этом мире, я знаю, на что он способен.

Стикс быстро лечит любые мои недомогания.

Глава 4

Пропущенные смотрины

Я потеряла счет времени, иногда не понимаю, реальность вокруг меня или расшалившееся сознание решило пошутить, нарисовав что-то несуществующее. Но иногда дурнота ненадолго откатывается, я становлюсь почти нормальной, если не считать того, что лежу на омерзительно-пропотевшей простыне, укрываясь тонким одеялом, и не всегда могу пошевелить хотя бы пальцем. Действуют только уши, да и те еле-еле, со зрением все гораздо хуже, оно как бы есть, но не всегда находятся силы поднять веки.

Похоже, Улей не очень-то торопится меня восстанавливать.

Зато теперь я точно знаю, насколько убого выглядит тот закуток медицинского блока, который приспособили для содержания тяжелобольных. Особо не старались, и я понимаю – почему. Все дело в том, что далеко не каждая девочка может стать воспитанницей Цветника. Пускай ты даже красавица с завидным потенциалом, тебя не возьмут, если от тебя можно ожидать подвоха в том, что касается физического состояния. Улей и впрямь лечит самые тяжелые случаи, но не всегда оперативно, а на некоторые проявления болезни может опасно долго не обращать внимания или даже вообще о

них забыть. Например, кое-какие женские недомогания приходится устранять при помощи знахарей, это связано с изменением особенностей менструального цикла у иммунных.

Точнее – знахарок, ведь мужчинам в Цветнике доступны лишь часть смотрового зала и пристройка к нему. Пустить их сюда, в место, где содержат полуголую воспитанницу, неспособную в данный момент даже позвать на помощь...

Это совершенно исключено.

Две знахарки, которые время от времени здесь появляются, только делают круглые глаза. Похоже, ни одна, ни вторая не понимает, с чем они столкнулись. Зря их приводят, я лишь раздражаюсь от их бесполезной суеты.

Зато когда они уходят, я остаюсь одна. Даже в моем состоянии это почти блаженство, ведь мы не знаем, что такое одиночество, рядом с нами всегда кто-нибудь есть. Иногда меня это напрягает до желания с кем-нибудь поскандалить без причины, так что даже в столь плачевном положении можно найти плюс.

К тому же прямо сейчас мое состояние улучшилось настолько, что я могу не только шевелиться, а и решиться на большее. Куда большее. Например – сесть. Только не понимаю, зачем мне это нужно.

Лучше и дальше буду лежать и мечтать, чтобы невыносимая дурнота отступила далеко-далеко, а потом и вовсе ушла, распрощавшись со мной навсегда.

Да, мне заметно лучше, веки поднялись без труда. Может

быть, и впрямь выздоравливаю?

А что это за шелест непонятный? И почему так странно открывается дверь медицинского блока, почти без скрипа, который я уже запомнила до последней нотки? Такое впечатление, что кто-то пытается проникнуть сюда украдкой.

Ширма резко ушла в сторону, и я с удивлением уставилась на необычно серьезно одетую Тину, – такое в повседневной жизни мы не носим, да и косметика парадная. Подруга, настороженно таращась, подчеркнуто радостно воскликнула:

– Ли, мы думали, что ты тут при смерти лежишь, а ты вся такая розовая и красивая. Выздоровела?

– Кто бы меня тут держал здоровую?..

«Ух ты, я, оказывается, умею говорить! Голос, конечно, так себе, но он все же не пропал».

– Тебе плохо?

– Нет, уже лучше, в обмороки почти не падаю. А кто тебя сюда впустил? И почему ты так необычно одета?

– А ты разве не знаешь?

– Что?

– Боже! Да ты же и на самом деле ничего не знаешь!

– Что я не знаю?

– Ли, ты пропустила смотрины! Фантастика!

– Какие смотрины? До смотрин еще целый месяц. Только не надо говорить, что я здесь провалялась тридцать дней.

– Внеочередные смотрины, мы сами в шоке.

– Это как?

В дверь трижды стукнули. Тина, побледнев, затравленно заметалась взглядом по сторонам, затем заскочила в крохотный санитарный блок и, уже закрываясь, умоляюще произнесла:

– Не выдавай и даже не смотри в мою сторону.

Три стука – наш традиционный сигнал, что воспитательницы рядом. Ну да, на высоких каблуках убежать отсюда она не успеет, медицина у нас располагается в неудобном тупичке длинного, хорошо просматриваемого коридора. Могла бы разуться ради такого дела, тоже мне еще, прятаться вздумала. А вдруг кто-нибудь туда заглянет?

Дверь открылась, и благодаря тому, что Тина не вернула ширму на место, я успела заметить, как заходят Ворона и директриса, причем знахарок с ними нет.

Что им вообще здесь понадобилось? И что я буду им отвечать, если спросят о потревоженной ширме? Ведь считается, что самостоятельно неспособна и пару шагов пройти.

От греха подальше прикрыла глаза, сделав вид, что в очередной раз провалилась в черноту забытья. Видеть теперь ничего не видела, зато слышала прекрасно. Даже тогда, при первых приступах, мне часто изменяло зрение, но слух если и отключался, то лишь на непродолжительные периоды.

Судя по шагам, обе приблизились к моему закутку, остановились рядом и молчат.

Первой заговорила Ворона:

– Элли спит.

– Она не спит, сном такое состояние называть нельзя, – возразила Селедка. – Так Харита говорила.

Харита – одна из знахарок. Та, которая считается более опытной и сильной.

Только мне она абсолютно ничем не помогла, если не считать тех таблеток, после которых боль отступает, а дурнота становится терпимой.

– Я не верю этой шарлатанке, – возразила Ворона. – Элли в таком состоянии уже третьи сутки, а она так и не сказала ничего определенного, только словами играет и все время пичкает ее разной химией.

– Она лучшая из всех наших знахарок.

– Это не значит, что она хорошая.

– Очевидно, этот случай не для нее. Но если состояние Элли не улучшится, мы найдем другой вариант.

– Какой?

– Не знаю, надо с Эсмеральдой обговорить. Портос будет недоволен, если мы потеряем его девочку.

– Портосу она нужна так же сильно, как мертвяку пуля в голову.

– Ты права, – согласилась директриса, тем самым вслух признав, что жених у меня проблемный. – Но Элли, по сути, уже его собственность, пусть и неформально, но часть статуса. Только представь, что будет, если все вокруг начнут ему соболезновать по поводу гибели невесты, которая жила не в его доме, а оставалась в Цветнике? Двусмысленная ситуа-

ция, мы не имеем права такие допускать.

– Я бы на его месте хорошенечко подумала, прежде чем настолько затягивать церемонию бракосочетания. Такое уже ни в какие рамки не укладывается, и это целиком его вина.

– Альбина, мы сейчас не о том говорим.

– Я лучше поговорю об Элли, чем о нашем позоре. Мы опозорились, как... Мы сильно опозорились, мы как последние дуры себя повели.

– Не груби мне.

– Простите, госпожа Флора, больше такое не повторится.

– Аля, брось такой тон, лучше уж груби – пусть тебе и не идет, но воспринимается предпочтительнее подобных извинений. Не надо так остро реагировать, в истории Цветника бывали и более вопиющие случаи. Уж тебе ли не знать.

– Но я реагирую остро и не понимаю твоего спокойствия. Насчет Саманты уже почти договорено, что она в ближайшее время уходит к господину Резкому. Если бы не нападение Братства, он бы уже провел церемонию развода, это из-за них ему пришлось уехать на восточные позиции, причем срочно. Его прежняя жена – легкомысленная женщина с плохой репутацией, в его нынешнем положении ему нужна статусная супруга, слишком высоко поднялся. И как же онотреагирует на то, что его девушку отдали западникам? Ты же его прекрасно знаешь и прекрасно понимаешь, какой может оказаться реакция. Он ведь просто бешеный.

– Аля, начнем с того, что восточные позиции у нас теперь

не настолько далеко, как раньше. До них рукой подать.

– Я это знаю. Сейчас это знает каждый, у кого есть уши. Ты не поверишь, но за эти дни я даже научилась различать орудия по звуку. Война теперь у нас под боком, господин Резкий мог бы выкроить чуточку своего времени ради такого пустяка, как церемония развода, ему бы не пришлось для этого далеко ехать. Только после развода он может рассчитывать на Саманту официально. Ну почему у них всегда какая-нибудь ерунда? Почему нельзя придерживаться простых правил?

– Аля, ты прекрасно знаешь, что у нас тут зачастую все решается мимо официальных путей. К тому же ты меня перебила. Есть предварительный договор с Резким, это негласно одобрено наверху, все знают, что жен он меняет часто, такая у него привычка, и ему постарались вбить в голову, что орхидеями мы не разбрасываемся, придется довольствоваться одной, мы не намерены обеспечивать его все новыми и новыми игрушками. Но с того же верха нам было приказано вывести на смотр всех воспитанниц, которым еще не подобраны мужья. Так что господин Резкий со своей тягой к светловолосым нимфеткам может катиться до самого края востока – приказ есть приказ. Думать надо было головой, а не тем, чем он обычно думает. Ты слышала, что они пытались прижать муравейники к перезагружающемуся кластеру?

– Я слышала, что муравьи на это не согласились.

– Альбина, это животное, вместо того чтобы лично орга-

низовать и возглавить преследование, приказало своим псам поймать на ближайшем свежем кластере несколько маленьких девочек. Сама догадайся, что потом с ними произошло.

– Этот боров начал ловить новеньких?!

– Не надо обижать животных такими сравнениями. Но ты права – да: боров, козел и похотливая извращенная тварь. Он скоро начнет ловить зараженных, лишь бы они не выглядели старше пятнадцати и были достаточно свежими на вид. Хотя насчет последнего не уверена, он явно не из тех, кто слишком придирчив к таким мелочам.

– Фло, и ты только сейчас поняла, что он за фрукт? Да он и на Саманту клюнул только потому, что у нее вид четырнадцатилетней, а мозги на пару лет моложе, если не больше. Дай ему волю, он бы начал резвиться не то что среди наших фиалок, он бы и до ромашек добрался. Это полностью большой человек, ты же знаешь, что здесь такое со многими случается, и не все они могут сдерживаться. Улей очень сильно нас меняет.

– Спрячь я Саманту, они бы выбрали другую. Так и так нам кого-то надо отдавать, я не имела полномочий не выставлять ее на смотрины, да и не считаю это правильным.

– Ты не могла бы пояснить?

– Давай уже признайся сама себе, что Саманта – далеко не лучший наш цветок. Она не блещет умом, до нее слишком поздно все доходит, если вообще доходит, из-за этого выглядит или глуповатой, или сонной. Успехи выше средне-

го балла у нее лишь в двух дисциплинах: пение и маникюр. Да, мы можем в любой момент набрать на улице сотню девчонок, которых за неделю научим правильно красить ногти и мурлыкать песенки, так что великим достижением это назвать нельзя. Но Саманте повезло с внешностью, только поэтому она у нас. Что просили западники? Высокую блондинку с длинными ногами, не слишком узкими бедрами, прямыми волосами, приличным размером груди и ярко-голубыми глазами. Саманта полностью соответствует запросам этого чудовища, и с ней не так жалко расставаться, как с другими. Или предпочитаешь, чтобы к этому уроду отправилась Дания?

– Вот только не надо передергивать.

– Аля, ты же знаешь, я готова тебя выслушивать всегда и по любому поводу, но сейчас откровенно не понимаю, чего ты от меня хочешь? Нам надо было с кем-то расстаться, и этой потерей стала Саманта. Переживем, это далеко не самый худший вариант, вспомни хотя бы ту раздачу фиалок четыре года назад.

– Я помню, – произнесла Ворона столь необычным для нее дрогнувшим голосом, что, говори она так всегда, никто бы не называл ее обидным прозвищем. – Я очень хорошо помню. Мы до сих пор не оправились после этого, именно потому у нас не так много орхидей, как было когда-то. Мы теперь должны каждую ценить. Каждую.

– Да, ты права, у нас и правда назревает проблема из-за

тех потерь. Мы не можем набирать орхидей с улицы, все обязаны проходить как минимум через стадию фиалок, я уже устала напоминать об этом нашим тупицам из департамента. Но, Аля, они не наша собственность, здесь и сейчас я ничего не решаю – это не в моей компетенции. Да тут даже Эсмеральда ничего не решает, уж слишком высокий уровень. Западники играют с нами в свою игру, у них сейчас набралось много козырей, и с этим приходится считаться. Они выбрали Саманту, теперь она поедет на запад, «за» мы или «против» – значения не имеет.

– Флора, до чего же мы дожили, даже приличные слова не удается подобрать. Мы только что спустили Саманту в унитаз, несмотря на то что у нее уже был избранник. Почти утвержденный избранник, то есть мы пошли против главного правила.

– Вот именно, что почти, это, к сожалению, многое меняет. И у нас все цветы прекрасные, не надо на ней зацикливаться.

– В том-то и дело, никто из них не заслужил такую участь.

– И чего ты от меня хочешь? Как я могу это исправить?

– Никак. Извини, ты тут вообще ни при чем. Просто четыре года назад я думала, что такое больше никогда не повторится. Но то, что происходит сейчас – ничем не лучше.

– Сильно расстроилась?

– А ты нет?

– Альбина, я в таком же шоке, как ты, но нам нужно счи-

таться с обстоятельствами. Братство подобралось так близко, что наверху началось что-то вроде паники. Ты же сама понимаешь, насколько все серьезно. Если потребуется, они готовы отдать весь Цветник за то, чтобы им помогли отбросить муров на восток. Ситуация очень опасная, у тех появился новый лидер, и он странный. Ходят слухи, что ими командует настоящий внешник, отсюда растут ноги успехов этих мразей.

– Флора, не повторяй глупости за другими. Ты можешь представить, чтобы внешник в защитном костюме и противогазе руководил этим сбродом? Так далеко на запад восточники не забираются, они не могут удаляться от своих стерильных баз.

– Я могу и не в такое поверить.

– В этот бред?!

– Аля, внешники постоянно рискуют заразиться. Выйдет из строя респиратор, или его сорвет, например, пулей. Они такие же люди, какими были мы с тобой до того, как с нами это случилось, и некоторые, естественно, не перерождаются, остаются иммунными. Назад им дороги уже нет, а свои, скорее всего, не станут таких отправлять на разделку, ведь это дурно повлияет на мотивацию остальных. Там каждый ежедневно рискует заработать критическую дозу спор Улья, каково им будет узнать, что после такого тебя свои же разберут на органы. То есть это почти исключено, но что тогда с таким делать? Почему бы не использовать его в своих целях? Он

ведь настоящий солдат, прекрасно знакомый с нашими реалиями и уже не привязанный к стерильной базе. Это наступление очень странное, ничего подобного Братство никогда не устраивало, все считали, что оно вообще на подобное не способно, это ведь сборище ненавидящих друг дружку банд, а не армия. Подумай над этим как следует.

– Я сейчас могу думать только об одном... – совсем уж потерянным голосом произнесла Ворона. – О том, чтобы эти твари побыстрее отсюда уехали. Пусть забирают Саманту и проваливают, они свое уже получили.

– Они уедут, как только закончат все свои дела, но тебе не придется долго этого ждать, им недолго осталось. И не надо переживать за девочку, этот урод в чем-то похож на Резкого, западники проговорились, что он тоже меняет женщин с быстротой автоматной стрельбы.

– Вранье.

– А по-моему, правда, ведь все логично. Он просто пытается доказать, что и в таком виде все от него без ума. Хотя, может, ты и права, я не уверена, что ему вообще нужны женщины, он ведь слишком далеко зашел, говорят, что никто еще так далеко не заходил и сохранял при этом разум. Но если я не ошибаюсь, Саманте всего лишь придется немного потерпеть, а потом она не пропадет. Даже там не пропадет, с ней все будет хорошо, с такими красивыми и недалекими никогда ничего дурного не случается.

– Саманте, возможно, придется хуже, чем другим его жен-

щинам.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что ему нужна не Саманта. Ему просто нужна девочка из Цветника. Он хочет получить то, что мало кому доступно, хочет доказать, что ничем не хуже того же Герцога. Это чудовище хочет распорядиться не просто привлекательным телом, нет, он хочет закрепить за собой высокий статус. Он теперь не лидер одной из банд западников, он тот, кто может рвать орхидеи, это мало кому позволено, тем более на таких льготных условиях. Знает, что мы сейчас сильно нуждаемся в помощи, вот и пользуется. Ты подумай сама, его люди не истратили ради нас ни одного патрона, а он уже поднялся на высоту, о которой до сих пор не мог даже мечтать.

– Не первый раз нашими девочками расплачиваются за договор с дикарями.

– Но первый раз орхидею отдают предателям и чудовищам.

– Аля, западники не считают себя предателями, они думают, что ничем нам не обязаны, мы с этим не согласны, отсюда и напряженность.

– Тогда зачем им понадобился наш позор? Ты представляешь, какие разговоры пойдут, когда люди узнают, кому мы отдали Саманту? Это немногим лучше, чем привязать ее посреди опасного кластера и приманить зараженных. Уродливо, отвратительно, в конце концов – это нарушение правил. У нас ведь есть минимальные требования к избранныкам, за-

падник им не соответствует, про таких, как он, там сказано отдельно.

– Альбина, ты начинаешь меня раздражать. Не на шутку начинаешь. В чем смысл нашего разговора? У меня и так нервов почти не осталось, а ты последние вот-вот истреплешь.

– Прости, я сама не своя после такого.

– Ничего страшного, мне тоже не по себе, просто стараюсь не показывать, – смягчившись, призналась директриса. – Пойдем, не будем мешать бедной девочке. Вдруг она сквозь сон услышит твои причитания, после такого ей начнут сниться кошмары.

Блин, ну не надо уходить! Когда еще мне представится случай подслушать секретные беседы далеко не последних лиц Цветника?! Я, честное слово, сплю крепко и ничего не слышу. И кошмаров у меня не бывает.

А если и бывают, я их все равно не запоминаю.

– Одно из немногих мест, где нас не подслушают, – вздохнула директриса, с шуршанием поправляя ширму. – Привыкла, что здесь никогда никого нет, совсем позабыла про Элли. Бедная девочка, да что же с ней такое?

– Она скоро придет в себя, она сильная.

– Я тоже в это верю. От нее случались хлопоты, но я с тобой согласна, она и правда не слабачка, такую больничной койкой не удержать. Ты еще не забыла, что из-за нее пришлось срубить все деревья во дворе?

– Разве такое можно забыть? – обычным ледяным голосом ответила Ворона. – Надо сделать так, чтобы Саманта и с ней попрощалась.

– Думаешь, стоит организовать посещение?

– Зачем нам лишний официоз разводить? Вся первая группа только и думает, как бы незаметно пробраться к Элли и засыпать ее свежими новостями. Проще всего дать им личное время. Допустим, один час. Переодеться, убрать косметику и отмыться от сальных мужских взглядов. Эти мужланы тарасились на девочек, будто пещерные люди, так что горячий душ им сейчас не помешает.

– Ну ты уж совсем... От взглядов отмываться, надо же, как загнула...

– Да я просто пытаюсь шутить.

Ворона шутит?! Фантастика! Это почти падение неба на землю.

Тем временем она продолжила:

– При этом дадим понять, что воспитательный состав направляется на длительное чаепитие. Ведь нет ничего странного в том, что мы тоже торопимся обсудить необычные смотрины. Девочки поймут, что у них есть немного времени на шалости, и все до единой будут здесь уже через минуту. Главное – их не спугнуть.

– Сколько времени им дадим?

– Для прощания пятнадцати минут вполне достаточно, а потом придется аккуратно распугать и сделать вид, что ни-

чего не заметили. Ну, как обычно, в рамках выработки правильного характера.

– Ну да, системное воспитание разносторонней личности в условиях ограниченных возможностей. Ладно, поступим по-твоему, нехорошо получится, если Саманта не простится с Элли, они ведь были достаточно близки. Жаль, что бедняжка так крепко спит.

– Это не помеха для прощания, ты ведь знаешь девочек.

– Знаю. Пойдем, Альбина. Чаепитие, говоришь? Мне после таких смотрин потребуется что-нибудь покрепче. Уж прости, но тебе не предлагаю.

– Только не выбивайся за рамки приличий, Флора, сейчас не лучшее время, чтобы расслабляться.

– Тут ты тоже права, я понятия не имею, что еще может свалиться нам на голову. Сумасшедшие дни.

Дверь за Вороной и Селедкой закрылась, но тут же распахнулась другая – выбралась Тина. Глаза ее были вдвое больше обычного, лицо изменилось под натиском только что полученной информации. Подслушанное давит нестерпимо, требует немедленно поделиться им абсолютно со всеми.

Тина – умная девочка, но иногда ее, что называется, основательно заносит. Вот и сейчас не придумала ничего лучше, чем попытаться разболтать все первой встречной.

То есть мне.

– Лиска! Ты даже не представляешь, что я сейчас услышала!

– Конечно, нет, – ответила я с самым серьезным видом. – Меня ведь здесь не было, вышла ненадолго, чтобы они тут без меня поболтали.

До Тины дошло, насколько несусветно только что сглупила, она приглушенно прыснула, и, прижимая ладони ко рту, бросилась к выходу из медицинского блока.

Глава 5

Сломанная орхидея

Пришли если не все, то почти все, и не в таком уж маленьком помещении стало тесновато. Прощание Саманты со мной – не шутка, столь значимое событие подразумевает массовость.

Пока почти все охали и ахали, расспрашивая меня о самочувствии, Бритни заглянула куда только можно и нельзя, после чего разочарованно спросила:

– Лиска, а тебе разве ничего не приносили?

– Что мне должны были принести?

– В кино показывают, что больным вкусные вещи носят. Тортики разные, ну там пирожные, конфеты, шоколадное печенье. Или хотя бы фрукты. Моей бабушке тоже носили, у нее вся тумбочка была завалена.

Бритни у нас маленькая знаменитость, и на это есть две причины: у нее самый потрясающий голос в Цветнике, и она главная наша сладкоежка. Причем фигура у нее проблемная, так что приходится поддерживать ее разными способами, в том числе постоянными диетами. Но певунью то и дело ловят на забавных нарушениях режима. Например – на поедании сахара из сахарницы при помощи... ладошки, а однажды она пыталась разузнать – можно ли употреблять глюкозу из

ампул в аптечке и насколько это вкусно.

Она готова засунуть в рот что угодно, лишь бы это хотя бы чуть-чуть было сладким.

– Да когда же ты уже нажрешься? – Ответ от Мии не заставил себя долго ждать.

– Если бы ты сидела на такой диете, как я, ты бы вечно думала только о еде, – вспыхнула Бритни.

– Я могу есть все что угодно, и мне от этого ничего не будет, а ты в один миг превратишься в корову, рядом с тобой даже Тина будет выглядеть шваброй.

– Девочки, не ссорьтесь, – попросила Рианна и затараторила: – Элли, ты даже не представляешь, что было. Такие смотрины, всем смотринам смотрины. Просто нечто.

Ну все, если Ри раскрыла рот, всем остальным лучше помалкивать или страдальчески вздыхать. Пока не выскажет все, что должна высказать, заткнуть ее почти невозможно. Перед такой словоохотливостью пасует даже Ворона.

Шоколадка продолжала трещать с той же невообразимой скоростью, и это не казалось некрасивым, наоборот – женственно получалось, я ей иногда даже завидую, моя манера говорить совсем не такая, да и голосом ужасно далека от Бритни. В нем, увы, вообще нет зрелости, хотя я старше всех в группе.

И самое неприятное заключается в том, что при моем смешном индексе возраста есть немаленький шанс, что голос навсегда останется несерьезным.

Резкое замедление роста, неменяющаяся внешность, слабый голос – все намекает на то, что я обречена на инфантильность, пусть даже только внешнюю. Это нельзя назвать недостатком, многие такому будут рады, но только не я.

Так уж сложилось, что мне с двенадцати лет пришлось неистово мечтать о необычном – хотела вырасти такой, чтобы во внешности не осталось ни малейшего намека на детство.

Но Улей решил по-своему.

– Элли, ты не поверишь – приехала делегация западников из Призападной Цепи. Только они ее называют Конфедерацией, а себя конфедератами, а не предателями, как их у нас здесь обзывают. И прикинь, наши их так и величали сегодня. Ну, то есть конфедератами. И ты бы видела эти смотрины. Ли, ты даже не представляешь, что там было. Они пришли без костюмов, прямо в зеленой одежде, как простые солдаты или даже дикие рейдеры – ни золоченого шитья, ни медалей, ни знаков различия, вообще ничего, просто тряпье. И одежда не первой чистоты, и неглаженная, к таким пугалам даже подходить не захочется, наверное, воняют, будто дохлые скунсы. Они пришли не просто посмотреть на орхидей, они пришли выбрать одну из нас и увезти к важному господину, какому-то из их вождей. Ты представляешь такое? Мы до сих пор в шоке. Я на них как глянула, сразу подумала, что грохнусь в обморок, если выберут меня. На них ведь смотреть невозможно, ты не поверишь, насколько они дикие. Нет,

ну, красивые, конечно, пусть и не все, и улыбался там один так мило, даже немного понравился, приятная такая улыбка. Но я как подумаю о том... Ой, ладно, Лиска, я лучше промолчу, и так столько всякого наговорила, тебе тяжело слушать, ты совсем больная.

– Давай уже, выкладывай все, – с непонятным намеком выдала Миа.

– Не надо, – требовательно произнесла Кира, после чего зачем-то взяла молчаливую Саманту за руку и отвела на шаг от азиатки.

Наша главная блондиночка никогда не отличалась болтливостью, но сегодня сама себя превзошла. Помалкивает, будто рыба, слова не попыталась проронить за все это время, полностью в себя погружена. И дело тут явно не в том, что реакция у нее почти всегда замедленная, просто не каждый день узнаешь, что тебе придется покинуть привычный дом и отправиться туда, где ты никогда не была. Тем более что ехать будешь вынуждена в края, о которых ничего хорошего не слышала.

Но самое главное, что там, на опасном западе, тебя ждет человек, который не видел тебя ни разу, так же, как ты его, но, тем не менее, уже принято решение, что именно он станет твоим супругом. И решение это оспорить невозможно.

Я бы на ее месте вряд ли стала сыпать беззаботными словами направо и налево.

– Тогда я скажу! – воскликнула Миа.

Как-то странно воскликнула, в ее голосе прозвучала и злоба неугомонной стервы, и неугасимое желание сказать что-то гадкое, и почему-то нотки страха. А еще непонятный мрак, и, как это ни странно, нескрываемая радость. Будто только что сама избежала жуткой опасности и не может в себя прийти от нахлынувшего счастья, сдобренного немалой толикой не успевшего рассеяться кошмара.

– Миа, я тебя прибью! – разозленной кошкой прошипела Кира.

А та, сузив свои восточные глаза до узких щелочек, выдала ужасное:

– Уже завтра наша Саманта станет женой самого уродливого в мире кваза, который командует западниками. Вот такие, Лиса, у нас были смотрины. Хорошо, что ты так вовремя заболела, а то могли запросто выбрать тебя, ты же у нас тоже светленькая, а страшила заказывал как раз такую. До чего же хорошо, что я родилась брюнеткой, как представлю, что меня целует сморщенный мертвяк с желтыми клыками в вонючей пасти, начинает тошнить.

– Замолчи! – с большим трудом и не своим голосом я сумела выдать из себя всего лишь одно слово.

Губы Мии искривились совсем уж уродливо:

– Что? Испугалась за себя? Да ты не бойся, Лиса, они заказывали блондинку с голубыми глазами. А кто у нас в группе самая главная блондинка? И кто вечно хвасталась, что у нее самые голубые в мире глаза? Саманта, меньше надо себя на-

хваливать, таких, как ты, сама судьба любит наказывать, вот и получила, что заслужила. Радуйся теперь, дура болтливая.

Я уже почти не прислушивалась к той грязи, которую несла эта восточная красотка, по непонятной всем причине непрерывно пребывающая в шаге от грандиозной истерики, до которой, впрочем, доходило очень редко, обычно разряжалась по мелочам. Миа вечно на взводе, она не упускает ни единой возможности задеть других, но то, что высказала сейчас...

Это затмевает все. Абсолютно все. Это даже не жутко. Это гораздо хуже.

Это и есть тот мрак, который проскакивал в ее голосе.

Так вот что подразумевали Селедка и Ворона, когда упоминали урода и чудовище. Как же я сразу не догадалась...

Воспитанницы не вправе выбирать себе понравившихся мужчин. Мы можем лишь беспрекословно подчиняться и радоваться по-настоящему или обманывая себя и других, когда нам сообщают самые важные в жизни известия. У некоторых они приятные или почти приятные, у некоторых не очень, а кому-то ужасно не везет.

Каждая мечтает о добром, верном, ласковом и сильном. И, само собой, о красивом.

Человек, который должен стать моим мужем, не лишен недостатков. Да что уж тут скрывать – у него их огромное множество. Это можно сказать практически обо всех мужчинах, приходящих в смотровой зал. Да, к великому наше-

му сожалению, они нечасто похожи на завидных женихов. У них дурные манеры, скверные характеры, вредные привычки, лишний вес, далеко не самые прекрасные лица и фигуры. Почти все они старые и скучные, не умеют ценить домашний очаг, и верность для них – пустой звук, во всех случаях, если это не касается верности их элитных избранниц.

Но при всех своих недостатках они все же остаются людьми.

Как бы мне ни доказывали, никогда не признаю кваза таким же человеком, как я. Мне неоднократно приходилось видеть этих жутких типов. Таких любят набирать в вооруженные силы, они даже в гвардии встречаются. В некоторых случаях разумные монстры незаменимы благодаря своей силе, ловкости, живучести и почти полной невосприимчивости к боли. Иногда их даже объявляют героями, я видела трансляцию двух церемоний награждения чудовищ, но даже это ни на капельку не поколебало мое отношение к ним.

Основная причина появления уродливых измененных – жемчуг. Высокоактивный биологический материал, с большими трудностями получаемый из споровых вместилищ высших зараженных. Как все прочие трофеи такого рода, его нельзя улучшить, синтезировать или скопировать, при попытке деления он превращается в бесполезный мусор, а механизм его действия – великая тайна. Зато все прекрасно знают, как нужно им пользоваться, наука несложная – достаточно просто проглотить, можно даже водичкой не запивать.

И вуаля – через несколько часов или дней ты ощутишь, что имеющиеся у тебя умения Улья стали работать эффективнее или даже раскрылись их новые грани. А в некоторых случаях самое время отправиться к ближайшему знахарю, чтобы он активировал новое – это высший приз.

Жемчуг – самое дорогое, что можно найти в этом мире. Так считается повсеместно.

Но не все с ним так радужно. Говорят, что и на небесных светилах внешних миров можно отыскать пятна, так вот – на жемчуге они тоже есть: черные, омерзительные, непредсказуемые в своем проявлении.

Некоторые иммунные после приема жемчуга начинают меняться внешне. Со временем они перерождаются, почти как развитые мертвяки, но при этом в большинстве случаев полностью сохраняют разум и прежние привычки, в том числе и гастрономические. То есть не бросаются на других людей с голодным урчанием, не пытаются оторвать им головы или что-нибудь отгрызть. Да, такие предпочитают любой пище мясную, желательно не очень прожаренную, но и от обычной картошки с укропом не станут отказываться.

Этих уродов называют квазами, они, меняясь все больше и больше, обычно останавливаются приблизительно на середине желтой части классификационной шкалы, то есть примерно соответствуют мертвякам на средней стадии развития заражения или чуть ниже. Внешним видом очень на них походят, разве что в лицах сохраняется больше человеческих

черт, скелет деформируется не настолько сильно и ткани его остаются почти неизменными, внешние пластины армированно-костистой брони могут не развиваться вообще или развиваются фрагментарно.

Квазы ужасны на вид, но они полезны, и потому их повсеместно терпят. Проживая среди людей, они постоянно вынуждены подчеркивать свою человеческую сущность всеми возможными способами. К примеру, не может быть и речи, чтобы выйти из дома в одних шортах и шлепанцах. Какая бы жара ни стояла на улице, будь добр одевайся как следует и обязательно в чистое, в таком случае тебя вряд ли перепутают с настоящим зараженным. Если ты хотя бы слегка изменишь этим несложным правилам на территории цивилизованного стаба, это пусть и рискованно, но еще куда ни шло; а вот если такое случится на обычном кластере, ты рискуешь получить пулю от кого угодно, без малейшей попытки разобраться в твоей подлинной сущности.

В одиночку за границу стаба квазу лучше не выбираться, ведь основная причина смертности этих чудовищ – дикие рейдеры и прочие живущие оружием иммунные сперва стреляют, а потом начинают думать.

Или не думают вообще.

Полагаю, всем понятно, что с существами со столь проблемной внешностью случаются и другие неприятности. Ну да, без жизненных сложностей их существование немислимо. Я вот не верю, что во всем мире найдется женщина, ко-

торая без принуждения согласится стать подругой кваза или, тем более, супругой. То есть разумные монстры обречены на одиночество.

Но Саманту никто не спрашивал. Нас никогда о таком не спрашивают, даже хотя бы ради пустой формальности. На брачной церемонии орхидеи помалкивают, от них не требуется слов, все уже высказано другими. Мы всего лишь ценные приобретения, а кому придет в голову интересоваться мнением своей покупки?

Наша глупенькая тихоня стала собственностью чудовища.

– Миа! – выкрикнула я не своим голосом, сама не понимая, откуда взялись на это силы. – Заткнись и больше не открывай рот!

– А то что?! – вскинулась черноволосая, агрессивно уперев кулаки в бока.

Да уж, обнаглела вкрай, почуяв мою беспомощность. И ведь никто другой не сумеет заткнуть ее лучше, чем я, вот только сейчас это не сработает, для нее немощная воспитанница – не авторитет. Если остальные не придумают способ, как побыстрее заткнуть нашу восточную красавицу, все может закончиться грандиозной массовой ссорой с интенсивным обменом плохими словами, а то и дракой.

Они, увы, такой способ вряд ли придумают.

Кира слегка глуповата, но Миу не любит, так что сейчас ей даже не пришлось заводить себя, с ходу заверещала, костеря мерзавку на все лады. Да и остальные зашумели, ведь

то, что сказала восточная красотка – просто ужасно. Пусть это и чистая правда, но о таком следует помалкивать, мы не должны публично придирается к кандидатурам тех, кто нас выбирает.

На деле, конечно, придираемся, но аккуратно, без лишних грубостей, в меру.

То, что высказала Миа, вышло далеко за рамки меры. Саманте и без того сейчас несладко, а тут такое...

Шум поднялся грандиозный, хоть уши затыкай. Мне даже показалось, что голова заболела втрое сильнее. Все орали на Миу, Миа отвечала в том же стиле, и, похоже, всеобщее негативное внимание ей даже нравилось, она заводилась все больше и больше.

А Саманта, внезапно наклонившись и почти прижавшись своим лицом к моему лицу, с горячечной поспешностью прошептала:

– Лиска, можно тебя спросить? Важное спросить, мне очень нужно знать.

Глаза у светленькой горят нездорово, ее будто лихорадит. И вообще они какие-то не такие. Нет, вовсе не заплаканные, что в ее ситуации можно счесть вполне естественным, но с ними явно что-то не так, в них поселилось непонятное, несвойственное ей, чуждое и неопишное. Я не понимала, что это такое, но почему-то перестала прислушиваться к истеричным выкрикам Мии, ругающейся со всеми одновременно и при этом не опаздывающей отвечать на сып-

лющиеся на нее со всех сторон выпады.

Я почувствовала смутное беспокойство, но не могла понять, в чем его причина.

– Саманта, ты ведь прекрасно знаешь, что наши избранники не идеальные, не нужно слушать эту пустоголовую истеричку.

– Я не о ней хочу спросить. То есть не насчет того, о чем она сейчас говорила. Ты ответишь, Элли? Пожалуйста, мне очень нужно знать. Мы ведь больше никогда не увидимся, а я очень ценю все, что ты говоришь. Ты не представляешь, насколько для меня это важно. Элли, ты не любишь высказываться попусту, и тебе знакомы слова «нет» и «не знаю». Ты совсем не такая, как другие, тебя даже Миа не трогает. Сможешь ответить? Всего лишь один вопрос.

– Спрашивай, конечно.

Странно, но я ничуть не волновалась по поводу ее вопроса при этом прекрасно понимая, что он, скорее всего, мне не понравится. Уж слишком много уговоров со стороны Саманты, это крайне необычно и явно неспроста. Она со всеми общается в высшей степени корректно, не считая Миу, но я у нее на особом счету, всегда говорит со мной подчеркнуто осторожно, будто боится задеть. Я думаю, что таким поведением она хочет заслужить наше сближение, стать если не подругой, то хотя бы такой же приближенной, как Тина. Жаль, что я не пошла ей в этом навстречу, никогда не тянуло сходиться с людьми, которые меня совершенно не понимают.

Вообще-то меня здесь никто не понимает или даже побаиваются понять. Но Саманта в этом стоит особняком, мы с ней, очевидно, полные противоположности.

Склонившись к моему уху, невеста чудовища напряженно прошептала:

– Твоя история, та, которую Мишель все время просит рассказать. Про тебя на диких землях и зараженного. Ты в последние разы иногда рассказывала, что мертвяков не надо бить по глазам. То есть это не самый лучший способ их убивать.

– Ага, – подтвердила я. – Туда не так уж просто попасть и еще труднее пробить кости, если те еще не ослабли или уже усилились. Если не повезет, просто оставишь одноглазым. И что с того, ведь даже полностью ослепленные мертвяки могут оставаться опасными, слух у них нечеловеческий. Да и попробуй их еще ослепи, ведь для этого придется бить два раза.

– Элли, я не о том. Вот скажи, а ты бы смогла? Ну если очень надо, смогла бы?

– Что смогла? Я не понимаю, о чем ты?

– У тебя было стекло. Ты бы могла стеклом в глаз? Я не о мертвяке, с ними все понятно, я о другом. Смогла бы ударить так человека? Скажи, пожалуйста, мне это очень нужно знать.

Станный вопрос и в высшей степени странное поведение Саманты. Не потому, что совершенно нетипичное для

нее, а потому что сейчас я жду от нее совершенно другое. Мне хочется как-то проявить участие, врагу не пожелаешь настолько кошмарную участь, но вместо этого придется отвечать жуткую ерунду.

Зачем ей это нужно?!

Куча вопросов роится в голове, но спрашиваю не я – спрашивают у меня. Сама не поняла, как громко прошептала ответ:

– Да, сделала бы. Не задумываясь, сделала. Но только в самом крайнем случае.

Саманта, несмотря на громкую ругань девочек, все поняла, потерянно улыбнулась, едва заметно кивнула и, уже выпрямляясь, произнесла:

– Спасибо тебе, Лиска. За все спасибо. Ты лучшая. Я, конечно, не такая, но попробовать тоже могу.

– Куда ты? Что с тобой такое? Не надо держать это в себе, присядь, давай поговорим.

– Хватит, уже наговорила... – с неожиданным равнодушием произнесла светлая, разворачиваясь.

Я едва ее услышала, потому что ссора за время нашего короткого разговора не только не стихла, она заметно усилилась. Миа визжала так, что, начни рядом с Цветником опять взрываться снаряды, мы бы вряд ли это услышали. Остальные тоже не молчали, но им до нее далеко, она сегодня сама не своя. Не такая, конечно, как Саманта, но с ней тоже что-то не так.

Странно, что наша азиатская экзотика до сих пор не впала в истерику, похоже, она немаленький заряд нервов накопила, не припомню, чтобы когда-нибудь настолько повышала голос.

Саманта скрылась за дверью, где перед этим пряталась Тина. Разумеется, она могла туда пойти из-за возникших потребностей и при этом некрасиво присутствовать посторонним. Но я, сама не знаю почему, была твердо уверена, что сейчас нужно выбросить из головы любые правила приличия, кто-нибудь все время должен находиться рядом с ней.

Саманте нельзя оставаться одной. Нигде нельзя.

Напрягая все силы, крикнула, попытавшись заглушить визг Мии:

– Тинка!

Не получилось, но все равно громко вышло, она должна была услышать.

Ноль реакции, пришлось повторить:

– Тина, быстрее иди за Самантой, не оставляй ее одну!

Реакции все тот же ноль, Тинка, как все остальные, всецело занята перебранкой с Мией. Как раз выдала фразу, «украшенную» множеством слов, которые истинная леди знать не должна.

Но мы их почему-то знаем все до единого. Как бы нам ни внушали обратное, никакие мы не истинные леди, мы насквозь фальшивые.

Еще несколько минут назад я была уверена, что громко

говорить не смогу никогда в жизни. Но ведь нашла силы, два раза крикнула, пытаясь достучаться до Тины.

Сейчас я решила на куда большее – подняться.

И должна признать, что это вышло почти здорово. Да, ни капли не женственно, но с учетом моего состояния – отлично, теперь я стояла у изголовья ортопедической кровати, крепко держась за спинку.

Сейчас мне предстоит новое героическое свершение – я должна добраться до двери, за которой скрылась Саманта. Изнутри там нет щеколды, значит, она не закрылась. Просто потянуть на себя – и увижу крохотное помещение, спрятаться от меня там негде.

Там меньше бьют по ушам крики разбушевавшихся девочек, может, даже удастся хоть немного приободрить Саманту. Правда, не представляю, какие слова сейчас можно подобрать.

И существуют ли вообще слова, способные приободрить в столь гадкой ситуации.

Она такое не заслужила, но разве нас кто-нибудь спрашивает...

Самое главное и трудное – пройти несколько шагов, ни за что не держась. Никто не торопится броситься мне на помощь, все заняты перебранкой, значит, придется выкручиваться самостоятельно. Но не очень-то уверена, что это получится.

А что, если обмануть планировку помещения? Если вос-

пользоваться длинным, но куда более безопасным маршрутом? То есть пройтись вдоль стены, придерживаясь за нее. Пара поворотов, и я окажусь на месте, ни разу не потеряв опору.

Отличная идея, при таком способе передвижения есть шанс добраться до двери, не грохнувшись головой о пол.

Приблизительно через десять секунд мой оптимизм начал сильно нервничать, а затем предательски сбежал, не попросившись. Еще пара шагов, и последовал столь жесточайший приступ головокружения, что я не упала лишь по оригинальной причине – не сумела сразу сообразить, в какую сторону выгоднее заваливаться.

При втором приступе удержалась благодаря тому, что успела добраться до угла и надежно уперлась руками в две сходящиеся стены.

Да я просто супер, ни разу не брякнулась, а ведь уже половину пути прошла. Ну теперь я точно смогу, мне все под силу.

Каждый шаг давался с такими муками и напряжением, что даже подзабыла – ради чего именно затеяла этот тяжелейший поход. В голове лишь одно засело – надо обязательно добраться до двери и открыть ее.

Всего лишь добраться и открыть – смешной пустяк для здорового человека, и тот еще подвиг для меня.

Я сделаю это. Я смогу. Я само воплощение упрямства, если я что-то решила, рано или поздно так и будет.

Так и есть – у меня все получилось. Держась одной рукой за ручку, другой упираясь в дверной косяк, устояла на квадратную комнатку, где не было ничего, кроме тесной душевой кабинки, раковины и унитаза.

А еще там была Саманта, и, глядя на нее, я вспомнила – зачем меня сюда понесло. Все связные мысли вылетели, пока с муками пробиралась вдоль стен. Мне ведь надо было с ней поговорить, не оставлять наедине с размышлениями о не самом веселом будущем. Я наконец пришла, вот только говорить уже ничего не надо.

– Ли, что ты делаешь?! – ударил по ушам недоуменный крик Тины.

Я уже долгое время не реагировала на вопли сцепившихся орхидей, но этот врезался в сознание, он сильно выбивался из ритма грандиозной ссоры. Наконец-то хоть кто-то заметил, что лежащая больная нарушает строгий постельный режим.

– Заткнитесь, пожалуйста, все заткнитесь.

Я произнесла это усталым негромким голосом смертельно вымотавшегося человека, но все присутствующие, должно быть, что-то в нем уловили. Что-то такое, после чего даже самая грандиозная ссора теряет всякий смысл. Затихли, как по команде, развернулись в мою сторону, глаза у всех стали необычными, будто на меня уставились пойманные с поличным нашкодившие котята.

Нет, не у всех – есть одно исключение, – Миа все еще не

сказала свое последнее слово. А тут подвернулась такая уникальная удача – я стою в трех шагах, вся из себя беспомощная и потерянная. Ну просто идеальная мишень для словозвержения, упустить такое – зря жизнь прожить. Не понимая, что всяким ссорам теперь здесь не место, она, развернувшись, стремительно приблизилась, агрессивно скалясь, чуть ли не в лоб ткнула пальцем.

– Ты! Лиса драная! Ты кем себя возомнила?! Да кто ты вообще такая, чтобы приказывать мне заткнуться?! Ты же дешевка, ты дрянь, ничего не стоящая, да тебе место на помойке с дикими рейдерами, ты ведь не зря так к ним рвалась! Ты такая никчемная, что тебя твой Портос даже не стал забирать из Цветника! Тебе, дешевке, дали шанс, не выперли под зад коленом, так что сиди тихо и рот не разевай! Ты все поняла?! Лучше бы тебя сделали подстилкой кваза, а не Саманту! Хотя что я говорю, ты ведь даже квазам не нужна! Ты так и будешь тут торчать вечной засохшей орхидеей, ты провоняешь здесь все собой! Никчемность ты ходячая, идиотка уродливая, у которой нет ничего, кроме дурацкой мордашки с глазами тупой куклы! Молчишь?! Вот и молчи, а то моду взяла, рты другим затыкать! Да ты грязи под моими ногами не стоишь, дура никчемная!..

Ну и так далее, в том же духе...

А я просто стояла под нескончаемым словесным водопадом, собирая в один комок последние силы. Спокойно стояла, мне сейчас ни говорить лишнего нельзя, ни напрягаться

даже чуть-чуть. Недолго мне осталось, накатывает очередной приступ, и я почему-то твердо уверена, что удержаться на ногах не смогу, несмотря на любые усилия, – невеликие запасы моей устойчивости исчерпаны.

Я слишком много себе позволила, и вот-вот буду за это наказана.

И лишь когда поняла, что выжала из себя все силы до последней капли, уставилась в глаза Мии и спокойно произнесла:

– Ты случайно не забыла наш последний разговор?

Та осеклась на полуслове, сбитая с толку как моим ледяным голосом, так и словами, никак не вписывающимися в рамки ссоры. Я ведь далеко не в том состоянии, чтобы напоминать о взбучке, которую исхитрилась ей тогда устроить втайне от всех. И в ее темных глазах что-то промелькнуло. Она ничего не забыла, боится меня даже такую беспомощную, но все же придется ей напомнить, обязательно придется.

Очень может быть – это будет последнее, что я успею сделать в своей жизни. Это плохо, это неженственно, но это нужно как мне, так и ей.

Это всем нам нужно.

Одно время меня на совесть учили калечить и даже убивать людей, да и потом этому уделяли внимание, мы ведь должны уметь защищать своих избранных (ну и себя заодно). Вот только на все эти ухищрения меня сейчас не хватит.

И потому, продолжая придерживаясь за дверной косяк, до упора выгнула ладонь второй руки и хлестко врезала Мию в нос. Сил у меня, конечно, осталось всего ничего, мускулатура несерьезная, но и эта мерзавка по телосложению ушла недалеко от трубочки для коктейлей и к тому же стоит на туфлях с высоченными каблуками, а это самая коварная в мире штука.

Что-то тихо хрустнуло, Миа, издав непередаваемый писк, завалилась назад так стремительно, что в задравшемся подоле короткого красного платья я успела разглядеть такого же цвета трусы. Должно быть, ноги ее при этом взлетели кверху, нацелив громадные каблуки на потолок, но это я уже не осознала, потому что тоже не удержалась, ввалилась спиной вперед в дверной проем, рухнула на пол с жутким звуком, стукнувшись головой о кафель, и успела подумать, что мне повезло, ведь могла приложиться затылком о край унитаза.

Потом уже смутно увидела склонившуюся надо мной Тину и почти сразу услышала ее истошный крик, и даже догадалась о том, по какой причине она орет.

Тина разглядела Саманту.

Под этот крик я и закрыла глаза, позволив накатывающей тьме унести меня туда, где всегда тихо.

Глава 6

Мужчины, наркотики и прочие немислимые вещи

Так вот она какая – смерть. Это когда тебе невыносимо плохо, ты почти не осознаешь, что именно вокруг тебя происходит, но иногда вдруг становишься свидетельницей того, что совершенно невозможно при жизни.

При жизни мужчинам в Цветник путь заказан уже давно. Именно из-за этого нас покинули многие преподаватели, одного из которых, пусть и с большой натяжкой, можно было назвать моей детской любовью. Я даже плакала однажды, когда осознала, что больше никогда его не увижу.

С тех пор поумнела, конечно, но все равно вспоминаю о нем с теплотой.

Этот человек научил меня очень полезным вещам и оказал колоссальное влияние на формирование характера. Не будь его, я бы, возможно, стала почти такой, как все.

То есть цветущей на одном месте орхидеей, а не такой непоседливой Ли, Лиской, Лисой-лисичкой, которой слишком тесно в вольере за стеной. Той, которая может всю дорогу тарашиться в смотровую щель Цветомобиля на далекий горизонт.

Ну и в сторону стены постоянно посматриваю.

Правило изменили, преподавателям и прочим с тех пор вход запрещен. Исключение лишь одно – избранные мужчины. Но это исключение работает не на всей территории и не все время. Лишь в редкие дни смотрин им дозволяется находиться в нескольких местах, предназначенных для избранных, – это часть смотрового зала и примыкающая к ней пристройка. Остальное – вечное табу, там даже ремонт делается женскими руками, как все прочее, включая замену лампочек и уборку.

Я еще не забыла, сколько хлопот свалилось на Цветник из-за банальной засорившейся трубы. Женщин-сантехников найти не смогли, и мы едва не оказались посреди очень нехорошего озера.

В медицинском блоке мужчина находиться не может ни при каких обстоятельствах, кем бы он ни был. Такое разве что Герцогу позволено, но зачем ему это надо?

Однако сейчас здесь находится мужчина, причем не Герцог, и это прямо свидетельствовало о том, что я умерла. На том свете не стоит удивляться самым невообразимым вещам, так что все нормально.

Я не видела нарушителя устоев Цветника, зато слышала его голос – суховатый, с дребезжащими нотками, всем недовольный.

– Вообще-то, барышни, это я делаю вам одолжение, а не вы мне, так что извольте слушать, что я говорю, и не трещите у меня над ухом.

– Но вы ничего не говорите, – заметила Селедка.

Она тоже умерла? Вот ведь совпадение. И что же с ней случилось? У нее ведь здоровья на троих хватит.

– Я ничего не говорю, потому что не нахожу слов. Первый случай в моей практике, а уж я-то самых разных пациентов навидался.

– Вы еще долго?

– Моя работа не дружит со спешкой. Тем более, случай в высшей степени неординарный.

– Пропустив вас на закрытую территорию, мы нарушили некоторые правила. И вы, кстати, тоже.

– Ну так можете не пропускать, у вас ведь есть свои знахарки, вот пусть они ее и поднимают.

– Вы прекрасно знаете, что они ничем не смогли помочь.

– В таком случае помалкивайте, мне надо как следует подумать, а ваша трескотня мешает.

– Подумать? Вы уже закончили осмотр?

– Да тут, в сущности, нечего рассматривать, картина проста и понятна.

– Так что с ней?

– Пациентке очень плохо. Ее мозг сейчас активен, но сомневаюсь, что она осознает происходящее, активность явно ненормальная. Ваша девочка скверно себя чувствует.

– Мы и без вас знаем, что ей не очень хорошо.

– В таком случае у меня к вам несколько вопросов, надо кое-что о ней выяснить.

– Если ответы касаются очень личных проблем, мы не сможем их сообщить, потому что вы не являетесь членом клуба допущенных к смотринам.

– Знаете, меня совершенно не волнует степень развития либидо, размер груди, цвет сосков и прочие интимные характеристики вашего элитного товара. Тем более, я не самый последний знахарь, а это значит, что и без вопросов знаю, что соски у нее розовые, и она, хоть и девочка со странностями, но развивается без отклонений и в сексуальных предпочтениях не отходит опасно далеко от того, что принято считать нормой. Подобные вещи я в вашем отборном товаре определяю так же легко, как в рядовых бабищах с улицы, разницы ни малейшей.

– Элли – не товар.

– Да что вы говорите? Ну а я тогда струнный барабанщик пианинного квартета. Впрочем, это не мое дело, называйте ваш мясной бизнес как вам угодно.

– Это не бизнес, и уж тем более – не мясной. Но вы действительно правы – это не ваше дело. Задавайте свои вопросы.

– Где вы отыскивали такую интересную девочку и как давно она оказалась в Улье?

– Это секретная информация.

– Ну неужели? И как же в таком случае я смогу ей помочь?

– Вы знахарь, вам виднее, что и как надо делать.

– Могу разве что выпить за ее здоровье, при такой поста-

новке ответа ничего другого в голову не приходит. Я ведь вижу, что с ней не все ладно, но что с того? Мне ведь открыто далеко не все, тут нужен дар ментата, а не знахаря, да и он не во всем поможет. Остается лишь строить предположения, а это слишком скользкий путь и слишком рискованный, если речь идет о человеческой жизни.

– Попробуйте высказать ваши предположения вслух, возможно, некоторые из них мы сумеем подтвердить или опровергнуть.

– Вы уже начали нарушать свои правила, так почему бы не продолжить в том же духе? Все станет куда проще, если вы оставите эти игры в секретности.

– Поверьте – ничуть не проще. И вы, и мы сейчас ходим по очень тонкому лезвию.

– Ладно, уговорили, сколько раз зарекался спорить с бабами, но вечно об этом забываю. Итак, вот вам мое первое предположение – пациентка попала сюда не так, как вы и я, она здесь родилась. Эта девочка – ребенок Улья. Я прав?

– Да.

– Не наблюдаю в вашем голосе полной уверенности.

– У нее было непростое детство, даже я о нем не все знаю. Слишком скользкая тема, ее анкета местами противоречит тому, что выяснили наши специалисты. Но у девочки, как вы уже, возможно, заметили, есть уникальная черта внешности, поэтому нашим кураторам пришлось на многое закрыть глаза. Такая орхидея у нас всего одна, с этим приходится счи-

таться даже тем, кто стоит надо мной.

– То есть в вашем элитном товаре имеется пикантная изюминка, и поэтому вы не стали докапываться до подноготной, опасаясь нарыть там что-нибудь столь скандальное, что после такого пришлось бы отказаться от проблемной девочки?

– Между нами говоря, все было именно так, это тот самый случай, когда лишние знания могут навредить. И попрошу вас прекратить употреблять слово «товар», когда речь заходит о наших воспитанницах.

– Хорошо, в таком случае у меня второй вопрос. Я слышал, что вы на своем товаре не экономите. Воспитанницы регулярно получают горошины, иногда им даже дают жемчуг. Это правда?

– Вы опять повторили это слово.

– Я буду повторять его столько, сколько сочту нужным, так же, как все прочие нелюбимые вами слова. Я не обязан вам нравиться, а если считаете иначе, поищите другого знахаря. Это я вам делаю одолжение, а не вы мне, так что или гоните меня отсюда, или смиритесь. Надеюсь, моя позиция по этому вопросу ясна, так что можно вернуться к главному. Ну так что там насчет жемчужин и прочего?

– Прием высших споровых тел не только развивает умения Улья, но и благотворно сказывается на различных физиологических процессах, что в конечном итоге влияет на внешние данные наших воспитанниц. Да, они действительно принимают развивающий раствор, но в разумных количе-

ствах. Также мы стараемся делать все возможное ради того, чтобы наши девочки выделялись из среднестатистических показателей в умениях Улья, и поэтому им традиционно выдают одну жемчужину за весь курс обучения. Но, разумеется, не всем, лишь избранным, способным дойти до конца.

– Избранным?

– В этом вы должны разбираться даже лучше меня. Вам наверняка известно, что есть редкое умение, на первый взгляд совершенно бесполезное, которое позволяет разглядеть будущую внешность ребенка.

– Да, известно, оно не такое уж бесполезное. С его помощью иногда можно определить, что станет с ребенком после достижения критического веса – заразится он или родителям следует задуматься о белом жемчуге.

– Мы нашли для этого умения еще одну область применения. Ведь не все воспитанницы попадают к нам в достаточно зрелом возрасте, где можно говорить о сформировавшейся внешности. Мы стараемся не брать тех, кому больше двенадцати, но в особых случаях принимаем тринадцатилетних и даже четырнадцатилетних. Даже с такими нет никакой гарантии, что они вырастут красавицами, а уж представьте, как непросто разглядеть будущую орхидею в шестилетнем ребенке.

– Я понял, ваших девочек выбирают люди с таким умением.

– Именно так. Однако их умение имеет границы. Некото-

рых девочек они видят ясно, без искажающей дымки и мути, но это, к сожалению, редкость. Таких мы называем избранными, они, при правильном воспитании, гарантированно становятся первыми красавицами, гордостью орхидей. С остальными не все так очевидно, доходит до того, что отбраковываем бедняжек спустя годы, когда становится понятно, что из них вырастает не совсем то, на что мы рассчитывали.

– Значит, жемчуг даете всего один раз, и только избранным?

– Да, обычно только избранным маленьким и тем из старших, с которыми все очевидно и без тщательных исследований.

– Элли избранная?

– Она эталон избранности, ни малейшей тени на будущем и достаточно милοвидна, даже без учета своей уникальной черты.

– Значит, она получила свою волшебную таблетку?

– Красная жемчужина в девять лет.

– Даже красная? Щедро...

– При однократном употреблении риск побочных эффектов для женщин снижен, для детей он еще меньше, прекрасная физическая форма тоже его уменьшает. Но все же черная чуть опаснее, а белые, как вы понимаете, не станут тратить ради наших девочек. Так что красные – оптимальный вариант.

– После приема у нее проявилось новое умение?

– Нет.

– Вас это не удивило?

– А почему это должно было нас удивить? Не такой уж редкий случай, жемчуг не всегда срabатывает даже в стартовых условиях, все очень индивидуально.

– В большинстве случаев при первом приеме как раз срabатывает.

– В большинстве, но не во всех.

– Согласен. Ей сейчас сколько?

– Разве вы сами не можете это узнать?

– У каждого знахаря есть слабые места, моя слабость – не всегда могу точно определить возраст, да и сил на это уходит немало. Так сколько ей?

– Почти семнадцать.

– Вот как? Старовата для вас.

– Это нормальный возраст, у Элли уже есть избранник, и он достойный человек.

– Я почти искренне рад и за нее, и за него. Но не рад за тех, кто следит за здоровьем ваших подопечных. Скажу больше – я начинаю негативно относиться к этим безмозглым курицам.

– Что вы имеете в виду?

– То, что эти бабы слепые и тупые. Видите ли, я не сомневаюсь в том, что даже самый безнадежный знахарь может без труда определить, что эта девочка родилась в Улье. Это первый факт, красноречиво указывающий на их вопию-

щий непрофессионализм. Второй факт – прием жемчуга не привел к получению следующего умения, она так и осталась с первым, родным, которое проявилось при окончательной активации иммунитета. Четыре-пять лет, реже шесть, именно тогда она стала гм... горячей девочкой.

– На температуре ее тела умение Улья не сказывается, к тому же оно почти не развивается.

– Вот вам и третий факт – родное умение не желает прогрессировать, несмотря на регулярный прием горошин. То есть три лежащих на виду факта остались незамеченными до этого момента. А ведь есть и четвертый – девочка провела в Улье почти семнадцать лет, из них больше десяти в состоянии иммунности. Срок серьезный, у нее давно должно было активироваться второе родное умение, а то и третье с четвертым, и это почему-то тоже никого из ваших так называемых специалистов не заинтересовало. Ну разве не курицы безмозглые?

– Не могу это комментировать, я не разбираюсь в знахарских делах.

– Ладно, оставлю в стороне некомпетентность моих коллег. Просто запомните, что хороший знахарь – это всегда мужчина, женщины по причине своих слабых сторон неспособны добраться до вершин в столь непростом призвании. Этот факт замалчивается, но он действительно имеет место, так что имейте в виду.

– Выскажите это нашим кураторам, решение ограничить

доступ для мужчин принимала не я. А теперь давайте все же вернемся к Элли.

– Легко. Вам известно, кто такие хигтеры?

– Да, нынешний Герцог – один из них.

– Вот именно, так уж получилось, что он принял жемчуг, едва попав в Улей, то есть еще до закрепления иммунитета и активации первого умения. Вам известно, что из-за этого у него впоследствии возникли проблемы с дарами Улья?

– Разве это проблемы? Считаю, что наоборот – полоса удач.

– Еще бы, ведь его дар редчайший и весьма полезный, даже без развившихся дополнительных моментов. Такие, как Элли, нередко чем-то похожи на хигтеров, то есть у иммунных, родившихся здесь, а не прибывших извне, случаются проблемы с традиционной эволюцией умений. То, что вы сейчас наблюдаете, – яркое проявление одной из таких проблем.

– Это всего лишь общие рассуждения, а мне от вас нужны конкретные слова и дела.

– Жемчужина, которую она приняла, наконец-то сработала.

– Этого не может быть, активация нового дара происходит в течение одной или двух недель, а у нее с момента приема прошло восемь лет.

– Это у вас и у меня невозможно, а у Элли возможно и не такое. Разве еще не поняли? Она не такая, как мы.

– Это я как раз поняла, но сложно поверить, что жемчужина сработала только сейчас.

– Может, и не в ней дело, может, просто подошла очередь второго родного умения, она ведь по местным меркам старожилка та еще, давно пора.

– Вы хотите сказать, что ее болезнь связана с активацией умения? Я никогда не видела, чтобы после такого кто-то терял сознание.

– Тут я и сам в замешательстве. Вам ведь известно, что со временем человек, живущий в Улье, раскрывает все новые и новые умения даже без приема жемчуга?

– Разумеется, вы же сами только что это упоминали.

– Элли почти семнадцать лет, за такой срок у некоторых и без всякого жемчуга успевает развиться до четырех, а то и пяти умений, хотя обычно все ограничивается двумя-тремя. Но у нее до сих пор одно, этот факт меня цепляет больше всего.

– И что из этого следует?

– То, что все дремавшие в ней умения решили пробудиться в один момент. Ну или часть их. В том числе и то, которое спровоцировала та красная жемчужина.

– Это нормально для таких, как Элли?

– Для подобных ей норму не придумали, у них все индивидуально и непредсказуемо. Много ли вы знаете детей, родившихся здесь и проживших семнадцать лет? Тем более, детей со столь необычными чертами внешности, что отража-

ется и на внутреннем мире. Нет такой статистики и не может быть, а без нее как можно говорить о какой-то норме? Я вижу лишь то, что сработало больше одного умения, картина слишком запутанная, ничего, кроме этого, сказать не могу. У нее в голове сейчас тот еще конфликт параллельных активаций, отсюда и все проблемы. В тот день, когда ее самочувствие ухудшилось, не случилось ничего из ряда вон выходящего? Может, она испытала какой-то стресс, или, наоборот, чему-то сильно обрадовалась? Горе, веселье, тоска смертная? Другая сильная эмоция? Что-нибудь необычное?

– В тот день впервые обстреляли Центральный стаб, вряд ли это ее обрадовало, так что насчет стресса вы, возможно, правы. К тому же после первых приступов она стала свидетельницей гибели подруги, Элли не приходит в себя с того самого момента.

Впервые за все время я расслышала голос Вороны, но даже не удивилась тому, что она тоже умерла и находится рядом со мной в загробном мире.

Полная апатия, думать о странностях происходящего не хотелось вообще. Я слышала все слова, я их усваивала, но ни малейшего анализа не проводила.

Положила в копилку памяти, и пускай лежат.

– Вероятно, при обстреле она испугалась, это могло стать тем детонатором, который устроил взрыв в ее голове, – продолжил все тот же дребезжащий мужской голос. – Плюс переживание из-за смерти подруги тоже могло сказаться. Про-

явление нового умения само по себе – достаточно безопасный для организма и психики процесс, но только если оно плановое и единичное. Однако с Элли все не так, на нее одновременно свалилось слишком многое, она к этому не была готова.

– Ей можно помочь? – спросила директриса.

– Всем можно помочь.

– Послезавтра она должна пройтись по дорожке.

– Что за дорожка?

– Подиум, на котором девочки стоят в ожидании выбора.

– Место, где к вашему товару прицениваются похотливые потребители?

– Сказано грубо, но верно.

– Дайте-ка я угадаю – ваша Элли должна там находиться не в кресле-каталке и уж тем более не в лежачем положении?

– Тоже верно. Она должна быть в полном порядке, в отличной физической форме и без изъянов во внешности. Психическая форма тоже важна, но на первом месте – внешние данные.

– Всего-то?

– Естественно, она должна говорить без заминок, непринужденно улыбаться, идеально управлять телом. Ну вы меня понимаете.

– Ну так скажите, что она больна, не вижу никаких проблем.

– Увы, но проблема есть. Нам приказано вывести на до-

рожку всех свободных орхидей без исключения, невыполнение этого приказа может привести к самым серьезным последствиям. Я не удивлюсь, если Элли не просто выгонят из Цветника, а отправят в бордель, и хорошо если это будет бордель для гвардейцев.

– Строго у вас.

– Это не я придумала, так решило наше руководство. Послезавтра абсолютно все официально незанятые орхидеи должны стоять на дорожке в идеальной форме, исключений быть не должно. Я ничего не могу изменить, если Элли не выйдет, это так просто не оставят.

– А как же состояние здоровья?

– Никакие оправдания не принимаются. Любой намек на то, что кто-то из девочек не сможет выйти, заказчики воспримут негативно. Они могут счесть это попыткой избежать выбора самых ценных воспитанниц, по причине некоторых неприятных особенностей будущего мужа той, кого они должны будут забрать. В сложившейся ситуации, в том числе и политической, даже намек на такое недопустим. Вы же видите, что у девочки есть редчайшая черта внешности, она отмечена в ее личном деле как совершенно уникальная, за одно это Элли можно отнести к самым ценным воспитанницам. То есть никакие оправдания не принимаются, она должна выйти на дорожку вместе со всеми.

– А что значит официальная незанятость и нельзя ли сделать Элли занятой?

– Воспитанница считается занятой после того, как ее избранник ставит подпись на брачном договоре.

– Ну так в чем же дело? Одолжить ее избраннику ручку?

– Ее избранник – гражданин Азовского Союза. Процедура оформления брака для граждан занимает несколько дней.

– Ускорить – никак?

– У нас нет возможности влиять на ее избранника, он сейчас слишком далеко, и с ним все сложно. Уж поверьте, мы получше вас знаем всякие хитрости в таком духе, однако пришлось отказаться от всех. Элли должна выйти на дорожку, другого варианта для нее нет.

– А если ваша особенная девочка умрет, не дождавшись этого светлого события?

– Мы подготовим ее тело к погребению, наденем на него белое платье, положим в розовый гроб, зароем его на лужайке за северным крылом, а на могилу положим несколько орхидей редких разновидностей. Элли уйдет от нас красивой, и над ней все тоже будет выглядеть красиво. У нас так принято.

– Действительно строго...

– У нас всегда идеальный порядок во всем, в том числе и в смерти. Это тоже не я придумала, Цветник славится, в том числе, и своими давними традициями.

– Не представляю, где вы сейчас найдете редкие орхидеи.

– В крайнем случае воспользуемся заменителями, сойдут любые белые цветы, но вообще-то это не ваше дело, от вас

требуется одно – поднять девочку на ноги.

– А вот тут есть одна загвоздка, – я не уверен, что такое возможно.

– Но, как я догадываюсь, какой-то способ все же имеется?

– Я тут не первый день страдаю из-за поголовной тупости, много разного видел и слышал, запоминать полезное и обдумывать с разных сторон еще не разучился.

– Так что это за способ?

– У некоторых иммунных активация растягивается по времени. Это не доставляет сильных неудобств, но многим хочется побыстрее. Я умею ускорять переход.

– И как нам поможет ускорение?

– Эта девочка застряла на старте активации сразу нескольких умений, отсюда проистекают ее нынешние проблемы, ведь человеческий организм не приспособлен к такой нагрузке, во внешних мирах ни с чем подобным никто не сталкивается, то есть имеет место поголовное эволюционное упущение. Но Улей не терпит немощных, рано или поздно она выкарабкается.

– Нам нужно рано.

– Я понимаю. Можно попробовать трюк с ускорением, но, вполне вероятно, тогда ускорится активация всего, что в ней пробудилось, отделять одно умение от другого я не могу, для такого трюка поищите другого знахаря.

– Вы личный знахарь Герцога, где я сейчас найду знахаря лучше вас?

– Значит, сделаем по-моему. Однако должен предупредить, что, скорее всего, ускорение ее убьет.

– Но шанс есть?

– Шанс есть всегда.

– Ну так делайте, у нас безвыходное положение, а вы предлагаете хоть какой-то вариант.

– То есть вы даете добро на такой риск?

– Я сейчас мало что решаю, решают те, кто прислал вас.

– Но для меня важно именно ваше мнение.

– Я не убийца, чтобы посылать на смерть, но я прекрасно знаю Элли. Своеобразная девочка, но во многом предсказуемая, не сомневаюсь, что в борделе она жить не сможет.

– Неужели ее и впрямь могут туда отправить?

– Мне было сказано именно так, и человеку, который это сказал, приходится верить. Руководство устроит смерть Элли, но не ее беспомощность. Дикость, конечно, но у нас случались ситуации и похуже. Так что сделайте все, что в ваших силах, поднимите ее на ноги и попытайтесь при этом не убить. Ведь наверняка есть способы поднять шансы.

– Разумеется, есть. Ускорится одновременная активация двух и более умений, что, как вы видите, даже без ускорения переносится плохо. То есть она получит за несколько часов порцию боли, которая должна была растянуться на дни или недели. Это ее гарантированно прикончит, от такого даже Улей не защитит. Значит, нам придется как-то с этим справиться, и знахарский дар тут в одиночку не поможет. Пред-

лагаю воспользоваться нетривиальными достижениями биохимии. Вот, взгляните.

– И что это такое?

– Мое маленькое изобретение, почти не имеющее отношения к, так сказать, магии Улья. Я ведь не просто знахарь, я в прошлом врач, крепко друживший с практической фармацевтикой. Крупно повезло с умением, так мало кому везет, ведь это связало прежнюю жизнь с новой. Вот и балуюсь старыми добрыми методиками, адаптируя их под здешние реалии. Это, милая Флора, смесь из веществ, по отдельности дающих краткосрочное фальшивое счастье, но, собранные все вместе, они не подарят вам ничего, кроме гарантированного забвения.

– Все наслышаны о ваших вредных привычках. Это то, о чем я подумала?

– Ну я же не телепат, чтобы читать ваши мысли. Тут всего понемножку: диэтиламид лизергиновой кислоты, метаквалон, героин, кетамин, пентобарбитал, ну и всякая прочая дрянь по мелочам. Все это замешано на самом чистом лайт-спеке и, как видите, выглядит заманчиво.

– Вы хотите обколоть ее своей печально знаменитой дурью?

– А вам известен другой способ сделать так, чтобы она не загнулась от шока, когда в ее голове вспыхнут ярким пламенем неизвестно сколько активировавшихся умений?

– Делайте то, что должны делать.

– В таком случае нам надо подготовить капельницу. Условия здесь не очень, но поскольку в клинику вы ее ни за что не отправите, то придется подумать о многом другом. В том числе о совсем уж приземленных вещах.

– Я вас не понимаю.

– Да что тут понимать, ведь все очевидно.

– Для меня – нет.

– Ладно, намекну прямо – у вас тут есть памперсы?

– Памперсы?! Зачем?!

– Уж поверьте, подгузники вряд ли будут лишними, и желательно запастись большими размерами, она все же не ребенок.

– О боже...

– Что-то не так?

– Я представляю, какие слухи пойдут, когда посторонние узнают, что в Цветник заказали партию подгузников.

– Да нечего там представлять, слухи если и пойдут, то лишь касательно тайны личности гражданина, который ловок до такой степени, что ухитрился кого-то здесь обрюхатить.

– Я о том же. Этот наркотик точно поможет?

– Это никакой не наркотик, это кусочек оранжевой нирваны. Если и он не спасет вашу девочку, то ее вообще невозможно спасти.

– Альбина, вызови Симону, помощь нам не помешает, а она умеет помалкивать. И еще один вопрос – вы бы не могли

помочь и этой воспитаннице?

– Уважаемая Флора, и чем же я смогу ей помочь? Здесь вам не Израиль, к тому же я всего лишь знахарь, а не Иисус Христос, а она мертвая девочка, а не Лазарь³.

– Я понимаю, но нельзя ли... нельзя ли как-нибудь... Понимаете, похороны, как вы уже поняли, у нас строгие. То есть регламентировано абсолютно все.

– Да, я помню ваш перечень: розовый гроб, белые орхидеи на могильном холмике и свадебное платье на покойнице.

– На церемонии прощания гроб должен быть открыт, а она... Она... Ну вы же прекрасно видите.

– Милочка, вам не знахарь нужен, а работник ритуального агентства. Там встречаются специалисты, которые даже месячной давности утопленника могут привести в относительно пристойный вид.

– А вы, значит, никак?

– Увы, но я работаю с живыми, а не с мертвецами. Всегда полагал, что у вас все находятся под присмотром и такое вообще невозможно.

– Не уследили. Не ожидали от нее ничего подобного. Она была очень спокойной и жизнерадостной девочкой и к тому же панически боялась вида крови. Не было никаких предположений к тому, что она так поступит. И то, как Саманта это обставила – просто чудовищно. Этот приказ, по которому на

³ Знахарь намекает на эпизод из Евангелия. Иисус Христос воскресил Лазаря из Вифании через четыре дня после того, как тот умер.

смотрины должны выйти все воспитанницы, появился как раз после случившегося. И мы просто не представляем, что же теперь делать с похоронами.

– Ну основная проблема у вас с шеей, а ее можно легко прикрыть платьем с высоким верхом, если найдете такое среди свадебных. А вот что касается лица... Простите за то, что выспрашиваю такие подробности, но что, черт побери, с ним случилось? Это ведь далекоовато от шеи.

– Прежде чем сделать такое со своей шеей, она порезала лицо. Два раза, крест-накрест. И ее глаза... вы же сами видите, что с ними.

– Да уж, она не хотела лежать в гробу красивой.

– Не надо так говорить, она просто несчастная запутавшаяся девочка.

– Девочки – слишком эмоциональные создания, тем более в столь нежном возрасте. Вам бы следовало держать ножи подальше от них.

– Это был не нож. После обстрела у нас пострадало множество стекол, не везде успели быстро убрать осколки. Она использовала один из них.

– Человек – на редкость изобретательное существо. А уж в способах лишить жизни себя или другого ему точно нет равных.

– Значит, поправить это не получится?

– Боюсь, такое лицо красивым уже никто не сделает. Разве что какую-нибудь хитрую маску придумать, нарисовать все

заново на гриме, в общем – что-то в этом роде. Но это просто рассуждения несведущего человека, такое не по моей части. Ищите гримера или людей, занимавшихся ритуальными услугами.

– Понимаю, вы работаете только с живыми...

– Вот именно.

– В таком случае не будем тянуть время, приступайте.

– Лучше прямо сейчас установить капельницу, нет разницы, под какими веществами она будет находиться при старте работы.

– Я вам помогу.

– Вы знакомы с медицинским делом?

– Мы тут все много с чем знакомы.

– Интересная у вас здесь работа.

– Обычно она куда скучнее.

– Сейчас укольчик подкожно, а потом парочку в вену. Одновременно вводить нежелательно, нужно выдержать паузу. Должен предупредить, что состав, который я разработал, так просто не выводится. То есть даже в случае успеха у вашей девочки могут наблюдаться разнообразные проблемы и завтра, и послезавтра, и даже спустя день-другой. А может, и больше, я никогда не работал с такими необычными пациентками, не могу даже дозу рассчитать поточнее.

– Она не свалится с дорожки под вашей наркотой?

– Я же говорю, это никакая не нар...

– Я знаю, что это, хватит уже ваших увиливаний. Так сва-

лится она или нет?

– Не могу ничего сказать. Понимаете, в моей практике не было случая, чтобы я колол этот состав рожденной в Улье шестнадцатилетней девочке, которую вырастили в закрытой оранжерее, дабы она ублажала почитателей свеженького мяса.

– Уж поверьте, Элли точно не оранжерейное растение.

– Если так, то вам лучше знать, упадет она или нет. Я всего лишь не хватавший звезд с небес врач, получивший полезный для моей профессии дар. К тому же вам известно, что у меня есть некоторые проблемы, связанные с зависимостью от сильнодействующих препаратов. Так что не ждите от меня ответа на все вопросы мироздания, могу наговорить лишнего и странного. Ну вот, по-моему, пошла реакция, девочка готова к ускорению. Теперь возьмем последний шприц и займемся капельницей.

Укол очередной пустотелой иглы, проткнувшей вену, я не почувствовала. Слишком много боли обрушилось на меня в этот миг, чтобы обращать внимание на такой пустяк.

Глава 7

Западная Конфедерация выбирает

Хотелось спать. Уснуть прямо вот так, забившись в угол душевой кабинки, сидеть, обхватив колени руками и трясясь от холода под обжигающе горячими струями, бьющими с двух сторон и сверху.

Я все еще жива, и у меня даже ничего не болит. То есть – почти не болит. Но при этом мне ужасно плохо. И еще как-то не по себе. Я временами не понимаю, кто я такая и что здесь делаю. А иногда начинаю понимать абсолютно все, и это еще хуже, потому что первым делом вспоминаю тот момент, когда в последний раз увидела Саманту.

Впрочем, это уже была не она. Спасибо хоть за то, что похоронили ее без меня. Я бы такое вряд ли перенесла, это уже слишком, не могу представить, как при этом не потерять контроль над собой.

В запотевшее стекло настойчиво стучат, и это уже не первый раз. Ворона вот-вот начнет ломиться, надо что-то предпринимать, надо собраться с силами, надо обязательно попытаться подняться.

Но как же хочется просто сидеть и смотреть в одну точку...

Третьего стука не дожидаясь, все же нахожу в себе ка-

пельку силы. Это плохо на меня влияет, опять выпадаю из нормальной реальности и начинаю слышать голоса, причем не все они принадлежат знакомым людям, а некоторые вообще не похожи на человеческие. Иногда голоса произносят что-то безобидное, иногда омерзительно гадкое, иногда жутко страшное. Но вообще-то они не отличаются изобретательностью и обычно со всех сторон наперебой советуют одно – как можно быстрее найти узкий кусок оконного стекла и сделать с собой кое-что нехорошее. Самое странное, что иногда, слушая это, я стараюсь не улыбнуться, мне почему-то становится радостно и тепло.

Невыносимая боль проникла в тело через иглу, свела меня с ума и куда-то ушла. Жизнь прекрасна на сорок процентов. Снаружи не горячо, внутри нет света. Хочется встать на одну ногу и царапать ногтями пластик до тех пор, пока он не скажет спасибо, но где взять на это силы?

Со мной что-то не так. Я думаю как-то неправильно. Но откуда взять нормальные мысли?

– Элли! Да очнись же!

Селедка лупит меня по щекам, а я только и могу, что глупо улыбаться в ответ. Не удержалась, губы сами собой растянулись, вернуть лицу отстраненную строгость не получается, да и сложности у меня с серьезной мимикой. Как там про меня Тина когда-то сказала? Что даже когда мне снятся кошмары, я остаюсь оптимистически-миловидной. Да, я именно такая, и потому улыбка мне очень идет, не пойму, почему ди-

ректриса и старшая воспитательница так недовольны демонстрацией привлекательного элемента моих внешних данных.

– Аля, да этот маньяк-наркоман влил в нее такую дозу своей гадости, что этого хватит для выведения из строя пяти казарм гвардии. О боже, да она ведь в таком состоянии подиум от потолка не отличит, это полная катастрофа, это провал! Я убью этого шарлатана! Не знаю как, но убью! Он ведь специально все подстроил! Просто издевательство какое-то!

– Я думаю, что все предельно плохо, ты только посмотри на ее зрачки.

– Вижу, Альбина, прекрасно вижу. Ее глаза обращают на себя внимание в первую очередь, так что это непременно заметят, и могут пойти слухи, что мы пичкаем своих девочек разной гадостью.

– В ее случае так оно и есть.

– Ее случай особый.

– Знахарь говорил, что это средство может ей помочь, хотя и снимет не все эффекты.

– Что именно он сюда намешал?

– То, что всегда мешает, ты ведь сама знаешь, что о нем люди говорят.

– Опять колоть ей какую-то дурь, сваренную конченным наркоманом?!

– А что нам еще остается?

– Я много чего повидала за эти годы, но чтобы одну из лучших орхидей день за днем пичкали тяжелыми наркоти-

ками... Такое здесь наблюдаю впервые. Ну так что, колем, пока ее, такую всю из себя интересную и улыбающуюся, кто-нибудь, кроме нас, не увидел?

– Давай. Пстой!

– Аля, что-то не так?

– У нее платье без рукавов, след от укола останется, до смотрин не успеет исчезнуть.

– Это всего лишь крошечная точка.

– Уверена? А вдруг синяк останется?

– У нее завышенная регенерация, не должен. Что ты делаешь?

– Разве не видишь? Вот сюда давай коли – в бедро. Платье короткое, но не настолько же, никто ничего не заметит.

– А разве можно в ноги колоть?

– Здесь такие же вены, как везде. Давай уже, Флора, время теряем, его и так почти нет.

– Ну, как скажешь, я уже на все согласна, даже на полный провал. Слов нет, как все надоело.

* * *

Мне уже не плохо, но и не хорошо. Настроения нет, все мрачно до отвращения, щебечущие вокруг воспитанницы кажутся нежеланными отпрысками уродливых чудовищ.

Ну как можно быть такими шумными? На нервы ведь действуют.

Мною занимается лично Ворона, чему я, разумеется, не сказать, что очень рада. Сижу с угрюмейшим видом, наблюдая, как сушит она под ультрафиолетовой лампой наращенные ногти моей правой руки, и пытаюсь размышлять над значимым для всех нас вопросом.

Кого именно выберут на этот раз?

Пусть я не могу контактировать со своими подружками напрямую, из-за непрерывного присмотра со стороны Вороны, но это не мешает мне узнавать немало интересного.

Западники не уехали на свой проклятый запад, они все еще находятся в Центральном. И этот внеочередной показ тоже организовали из-за них. Им пришлось задержаться ради каких-то непонятных дел, плюс они должны получить новую орхидею взамен той, которая...

Взамен сломанной.

На дорожку сейчас выйдут все орхидеи без исключения – обе группы. То, что главный западник предпочитает голубоглазых блондинок, теперь не играет ни малейшей роли. Азовский Союз крупно оконфузился, потеряв невесту ценного союзника, избранник даже не успел полюбоваться приобретением. Теперь Цветник принудили идти на поводу у всех пожеланий заказчиков, пытаются любыми способами загладить столь неловкий момент.

Ну а заказчики в пожеланиях ни капельки не стесняются, что неудивительно для жадных и наглых дикарей.

Герцогу сейчас очень нужны западники, он готов пойти на

что угодно, лишь бы заполучить нового союзника. Судя по то и дело гремящим на улице пушечным выстрелам, говорить об окончательном поражении Братства преждевременно, его банды действуют все еще опасно близко от Центрального, а ведь я не припомню ни единого случая, чтобы этому стабу хоть что-нибудь по-настоящему угрожало.

Здесьние заправилы готовы заплатить любую цену, лишь бы на главных кластерах перестали взрываться снаряды. Потенциальный союзник хочет получить лучшую орхидею из знаменитого цветника? Хорошо, он ее получит. Желает лично осмотреть весь товар и самостоятельно сделать выбор из всего, что есть в наличии? Так и будет.

И кого же они выберут на этот раз? Кто станет новой невестой чудовища? Тихоня Саманта не побоялась избежать свадьбы, но больше такое повторить не позволят, так что от жуткого супруга отвертеться ни у кого не получится.

За себя я почти спокойна. Нет, я вообще-то тоже блондинка, так уж получилось, что они пользуются повышенным спросом, и это, конечно, опасно. Но волосы у меня не просто роскошно-светлые, почти белые, как были у Саманты, а золотистые, это, как мне кажется, многое меняет. И мои глаза даже самый безнадежный дальтоник не назовет синими, уж в этом я уверена на все сто. То есть под заказанный товар не подхожу как минимум по двум важнейшим параметрам.

Ну а кто же подходит?

Наша нерасторопная Лола тоже блондинка, но платино-

вая, а глаза у нее зеленые. Вот волосы Дании похожи на волосы Саманты, но глаза еще круче, чем у Лолы, они необыкновенно-насыщенного зеленого цвета. Бритни голубоглазая, но она скорее русая, чем светлая, блондинкой ее можно назвать только издали и только при определенном освещении. Мишель рыжая, это вообще никак к блондинкам не относится, Тина и Кира шатенки, так что тоже мимо, Рианна и Миа жгучие брюнетки, даже если их аккуратно перекрасить, что недопустимо, выглядеть они будут скорее чучелами, а не натуральными светловолосыми девушками.

Мулатка и метиска – самые нелепые блондинки в мире.

Я бы поставила на Данию или Бритни, они ближе всех к запросам внешников. Но сильнее всего хочу, чтобы выбрали Миу. Я не очень-то желаю ей зла, но не могу не признать, что она больше всех заслуживает такую участь.

А еще я все-таки волнуюсь за себя. Пусть и золотистая, но все же попадаю в группу риска.

Во второй группе есть орхидея, очень похожая на Саманту. Но, несмотря на шикарную внешность, все шло к тому, чтобы ее выгнать, она невероятно тупая. Нам необязательно быть умными, но глупость прощается лишь до определенного предела.

Ким до этого предела недотягивает.

Может, удастся ее сплавить? Было бы хорошо, она настолько безнадежна, что вряд ли отличит кваза от нормального мужчины. Ей там будет хорошо, таким тупым всегда и

езде неплохо. Навечно застряла на печальной стадии неизлечимо-искренней позитивности, ее оттуда трактором не вытащить.

Тине хорошо, ее точно не выберут. Впору и самой размечтаться о широких костях, да и быть шатенкой мне идет, я в этом почти уверена, и не только я. Не будь строгого запрета на окрашивание волос, мне бы уже давно пришлось сменить цвет, причем без моего согласия, тут наши мнения никому не интересны.

Только вспомнила подружку, как ее сразу вызвали, будто мысли подслушивали:

– Тина, бегом на депиляцию зоны бикини. Миа, тебя это тоже касается.

Не самая приятная процедура, так что Тине можно посочувствовать, она плохо переносит даже намек на боль. Одно хорошо, что и Миу туда же загнали. Ей чаще других приходится страдать, такая вот у нее физиологическая особенность, и это меня радует.

Нет, вру – не радует. Должно радовать, но почему-то особой радости нет. Настроение какое-то странное, я себя ощущаю почти погасшей свечой – ни огонька, ни жара. Существо, а не живу, даже думать ни о чем не хочется.

За окном прогрохотало как-то необычно. На пушечный выстрел не похоже, зато похоже на тот звук, с которого так резко начала меняться жизнь Цветника.

Опять где-то неподалеку упал снаряд? Даже если так, ме-

ня это не взволновало, нет ни сил, ни желания испытывать какие-либо эмоции по такому поводу.

Спать хочется, но при этом понимаю, что уснуть не удастся.

Дверь распахнулась, краем глаза увидев вошедшую, я скривилась. Не так уж много посторонних людей допускают в Цветник, и эта особа из самых нелюбимых.

Куратор Эсмеральда присматривает за приютами для мелких детей, за воспитательными домами для девочек-подростков, за училищами, за школами, за детскими профилактическими лагерями и женским отделением военной академии. За Цветником она тоже присматривает, такая вот большая начальница.

Не припомню ни одного случая, чтобы видела ее не в торжественной обстановке, а вот так, запросто, в той части здания, которая целиком отдана под прозаические нужды тех, кто занимается шлифовкой красоты и поддержанием ее в идеальной форме. Тут мы получали все – от массажа до стрижки, в этих помещениях категорически запрещено доставать фотоаппараты, телефоны и прочие снабженные камерами устройства, не говоря уже о том, чтобы производить фото- и видеосъемку.

Эсмеральда стояла на пороге, прижав телефон к уху, что являлось немислимим нарушением правил, но ни Селедка, ни, тем более, Ворона не посмели сказать ни слова против. Наша директриса – первый человек в Цветнике, но за его

пределами хватает тех, чей ранг несопоставимо выше. Куратор – одна из таких людей.

Убирая телефон, Эсмеральда вечно недовольным голосом произнесла:

– Добрый день, девочки. Флора, обе группы в сборе?

– Тина и Миа на депиляции, Скарлетт на массаже, Николь и Ребекка в солярии.

– Как там Миа?

– Выглядит достойно, но у нее свежее повреждение носовых хрящей и легкая травматическая отечность. Делаем все возможное, но не уверена, что получится это полностью убрать до показа.

– Хотя бы синяки надо спрятать, они наползли под оба глаза и сами по себе быстро не рассосутся.

– С этим уже справились, – ответила Ворона.

– Что с Элли?

– Как видите, она здорова, – с преувеличенной бодростью заявила директриса.

– Она выглядит какой-то вялой.

– Мы тоже делаем с этим все, что возможно.

– Что за красная пометка в ее зубной карте?

– Все тот же скол на левом верхнем клыке.

– Он до сих пор не зарос?!

– Повреждения эмали залечиваются очень долго, иногда и года не хватает. С того случая прошло всего лишь три с половиной месяца, этого оказалось недостаточно.

– Надо издать приказ, чтобы при таких травмах зубы удаляли. Они ведь отрастают заново гораздо быстрее, чем восстанавливается поврежденная эмаль.

– Могут возникнуть другие проблемы, хотя бы с тем же выравниванием.

– И, тем не менее, это сэкономит время без новых проблем. Тем более с ее бешеной регенерацией о проблемах можно вообще не думать. Выглядит она не очень. Ты уверена, что не свалится с дорожки?

– Не должна, с координацией у нее никогда не было проблем.

– Не должна? То есть ты не уверена?

– Я не могу ничего гарантировать.

– Плохо. Очень плохо. Я хочу, чтобы все прошло идеально. И это не только мое желание. Кроме того, возникло дополнительное обстоятельство – заказчик пожелал, чтобы девочки оделись максимально легко. По его мнению, платья, которые использовались в прошлый раз, чересчур длинные.

– Но они короткие, – удивилась Селедка.

– Заказчик считает иначе.

– Если использовать еще короче, это будет откровенно неприлично, не говоря уже о нарушении традиции.

– Забудьте обо всех традициях, из-за этого несчастного случая мы попали в такую ситуацию, что должны потакать заказчику в любых прихотях. С его стороны, это можно расценивать как приказ, который придется выполнить любой

ценой.

– Мы должны подчиняться всем его приказам? – напряглась директриса.

– Или так, или стараться не задевать его отказами.

– Но как мне понять, что допустимо, а что нет?

– Я буду присутствовать при смотринах, так что в трудные моменты смогу все решать сама, ваше дело просто исполнять.

К последним словам я почти не прислушивалась. Через броню моей сонной отстраненности мало что могло пробиться, но госпожа Эсмеральда сумела справиться с этим затруднением.

Я почти закипела от злости, и поэтому и без того не слишком связные мысли начали запутываться в напряженный узел.

Несчастный случай – вот что произошло с Самантой. Вот так это теперь называется.

Самодовольная скотина со лживым языком.

* * *

Мне очень идет черное. Белое тоже неплохо подходит. Розовое смотрится уже заметно хуже, так же, как красное, но во многих случаях приемлемо, тут главное – не забыть позаботиться о некоторых мелких деталях, они при таких сочетаниях играют определяющую роль. Хуже всего синее –

почему-то это вообще не мой цвет, мы друг дружке строго противопоказаны. И это вовсе не мое мнение, так записано в моем личном деле, то есть известно всем, кто занимается подготовкой к смотринам.

Тем не менее на мне сейчас именно синее платье неудачного покроя и такого же цвета тупоносые туфли на массивной, непомерно высокой платформе. Такой фасон обуви мало кому подходит, а уж при моей длине ног смотрится сапогами на страусе. Закрытая шея – вообще дикость, почти катастрофа, так же, как дурацки-кремовые перчатки почти до локтей, украшенные, вот ведь умора – мелкими стразами. Выглядят реквизитом для костюма бесталанной клоунессы, прозябающей в провинциальном цирке.

И кто вообще придумал эти нелепые оборки? Над ними даже смеяться не хочется, от их вида тошнит. В таком платье только рыбу на базаре продавать, причем несвежую.

Помимо всего прочего, прическа у меня настолько уродская, что лучше старое воронье гнездо на бритой голове таскать. Заявиться на смотр с волосами, завитыми в переброшенную через плечо косу? Даже последней бестолочи понятно, что лучше всего мне идут прямые, а уж на какой лад, это уже второстепенно.

Несуразная коса делает меня похожей на двенадцатилетнюю, если не хуже, и в сочетании со всем остальным я выгляжу тем еще малолетним пугалом, обряженным без малейшего намека на вкус.

Если посмотреть на остальных, можно легко заметить, что подобные проблемы наблюдаются не только у меня. Почти всех подготовили не просто плохо, их специально пытались превратить если не в печальных уродин, то хотя бы в серых мышек.

За единственным исключением – Ким. Та самая орхидея из соседней группы, которая больше всех похожа на Саманту. Разве что волосы у нее немного короче и совсем уж чуть-чуть уступают оттенком. Но глаза голубые, цвет их насыщенный, личико такое же кукольное, рот большой, форма губ – тютельница в тютельку.

Сонная апатия чуточку отступила, я теперь страдаю от сверлящей головной боли, но это не мешает мне рассуждать о происходящем. Нет сомнения, что участь бедняжки Ким предрешена – именно она отправится на страшный запад, где грубые и вечно агрессивные люди день и ночь пытаются выжить, непрерывно сражаясь с полчищами опаснейших чудовищ. Ну а мы на этом представлении всего лишь невзрачные статистики – серый фон, обрамляющий яркий самоцвет.

Немного обидно, что фон настолько непрезентабельный. Могли бы для такого случая приукрасить всех как следует. Нас ведь столько времени учили всячески выпячивать сильные стороны своей внешности, а не скрывать их. Как-то не по себе сталкиваться с обратным отношением.

Невозможно в такое поверить, но иногда я до зубовного скрежета ненавижу свою красоту. Однако годы однотипного

воспитания берут свое – большую часть времени я ею горжусь, и мне неприятно, когда с ней обращаются столь дурно.

Но, может, это и правильно, ведь западники должны поверить, что им досталась самая лучшая орхидея. И, возможно, даже не обратят внимания на то, что Ким беспроблемно глупа.

К тому же далеко не всем мужчинам нравятся умные женщины.

Селедка суетливо дает последние наставления, по десять раз повторяя одно и то же:

– Не путайте порядок. Если заказчики попросят кого-нибудь пройти по дорожке, всегда возвращайтесь на свое место или становитесь так, чтобы Ким всегда находилась в центре. Номерки держите непринужденно, отогнув локотки, не надо хвататься за них двумя руками, это вам не поручень в трамвае. На заказчиков не смотреть, если придется разворачиваться прямо в их сторону, держите взгляд выше и смотрите вдаль, за стену. К боковым лампам не поворачиваться и не приближаться, они слишком яркие, может потечь все, что на вас нанесли визажисты, они сегодня ничего не жалели. Не шевелите губами и вообще не надо никакой мимики: чуть загадочности, рассеянности, спокойствия и немного скрытого огонька. Тина, не делай такие глаза, с ними ты и впрямь становишься похожей на разъевшееся жвачное животное. Кира, не надо все время косо поглядывать на Миу, мы знаем, что ты ее недолюбливаешь, но хотя бы сейчас по-

старайся об этом забыть. Лола, не вздумай споткнуться, соберись с силами, держи себя в руках, это не затянется надолго. Элли, тебя это тоже касается, и не смотри, как... Впрочем, лучше смотри, как тебе удобно, главное – не закрывай глаза и не падай в обморок. Рианна, оставь губы в покое, не надо их растягивать. Я не хочу показаться расисткой, но это смотрится, словно ужимки обезьяны перед зеркалом...

...Ну и так далее в том же духе. Я эти слова мимо ушей пропускаю, уже столько раз слышала в разных вариациях, что со счета сбилась. Для директрисы это что-то вроде ритуального заклинания, она до самого последнего момента рот не закрывает.

До того самого момента, когда раздвигается занавес и ее элитные воспитанницы одна за другой выходят на ярко освещенную дорожку.

* * *

Смотровой зал утопает в полумраке. Это сделано специально, чтобы резко выделялось единственное светлое пятно, на котором теснятся орхидеи.

Вру, ведь есть еще кое-что светлое – огромный экран, на котором демонстрируются разные сцены из нашей жизни. Естественно, подобраны лишь те моменты, где воспитанницы выглядят наиболее привлекательно. Но мы это видеть не можем, для этого надо обернуться назад и задрать голову,

что, естественно, строжайше запрещено.

Фото в ежемесячном каталоге, видео и вживую – заказчики имеют возможность наблюдать нас во всех видах одновременно.

Эсмеральда уселась сбоку от парочки мужчин, столь малое количество господ я никогда не видела. Таращиться на них тоже не разрешается, но если аккуратно скашивать глаза, то никакой полумрак не помешает нам удовлетворить неуемное любопытство. Девочки не обманули, западники действительно одеты кошмарно. Оба в зеленых армейских штанах, один в такой же куртке, второй в черной кожаной, снял ее, небрежно бросив на соседнее кресло, остался в безвкусной полосатой майке, не скрывавшей его не слишком выдающуюся мускулатуру. Первому на вид лет тридцать, но в моем мире это ни о чем не говорящая цифра. Высокий, широкоплечий, не толстый, но сбросить несколько килограммов не помешает, лицо нагловатое, неприятное, левую скулу обезобразил свежий рваный шрам. У второго фигура скромнее, выглядит чуть моложе и симпатичнее, но зачем-то побрил голову до блеска, ему такое совершенно не идет. К тому же губы у него толстоватые, и он постоянно ими шевелит, будто что-то жует, это тоже смотрится некрасиво.

Смотрины ведет лично Селедка. Расхаживает перед нами туда-сюда, кратко описывая достоинства девочек:

– Номер четыре – наше рыжее сокровище Мишель, ее оттенок уникальный, огненный, вторую такую встретить почти

невозможно, если говорить о натуральности. Присмотритесь внимательнее, волосы кажутся теплыми, их так и тянет погладить. Исходя из индексов возраста и роста, мы прогнозируем фигуру идеальных пропорций, при максимальном росте метр семьдесят шесть. Придаться к чертам лица невозможно, глаза насыщенно-зеленые, легкая россыпь бледных веснушек придает особую пикантность, к сожалению, временную, уже через год они могут исчезнуть. Взгляните на экран, там демонстрируется спортивный танец в исполнении Мишель. Редкая грация, удивительная гибкость, ей легко и непринужденно даются самые сложные движения.

– А борщи она готовить умеет? – в очередной раз отличился тот, который с нагловатым лицом, изуродованным бесформенным шрамом.

Он то и дело бросает весьма сомнительные, с точки зрения остроумия, реплики.

– Полковник Лазарь, все наши воспитанницы обучены вести домашнее хозяйство. К сожалению, углубленные навыки кулинарии они получают только по заказу, после просмотра, но если избраннику Мишель захочется попробовать что-нибудь, собственноручно приготовленное его супругой, он вряд ли останется разочарованным. Она трудолюбива и умна, умеет поддержать беседу на самые разные темы, но особенно сильна во всем, что связано с кинематографом и театральным искусством. Воспитанницы смотрят не так много фильмов, поэтому ее познания в основном теоретические,

но их глубина может приятно вас удивить, если понадобится совет или просто захотите обсудить что-нибудь из этой области. Также она прекрасно поет, если желаете, мы можем продемонстрировать запись или даже попросим ее сделать это вживую.

– Мы бы предпочли, чтобы она продемонстрировала гимнастику Кегеля, тут у вас написано, что ее в этом деле как следует натаскали. Не знаю, какими способами можно накачать такие интересные места, но подозреваю, что процесс выглядит увлекательно.

Наглец никак не может уняться, он начал меня раздражать.

Директриса отвернулась от западников, скосив взгляд, я успела увидеть, как скривилось ее лицо. Тем не менее она ответила все тем же ровным и благожелательным голосом:

– К сожалению, мы не делаем такие записи, и совершенно исключено, что столь интимные занятия орхидеи будут демонстрировать перед кем-либо, кроме избранных. Прошу особое внимание обратить на ноги Мишель, они у нее безупречны. Вы, конечно, можете заявить, что им не хватает полноты в верхней части, но уверяю вас, что это спорный недостаток, ведь многие мужчины ценят, когда между сомкнутыми бедрами остается заметный промежуток. К тому же с возрастом это может измениться, девочка еще растет, также такие вещи можно регулировать при помощи различных диет и упражнений, чему она тоже обучена. То есть

избранник может регулировать ее фигуру под собственные запросы. Со своего места вам трудно разглядеть мелкие детали, поэтому вы, очевидно, упустили из вида ее ногти. Они также идеальны, боюсь, что лучших ногтей среди этих стен вы не увидите, да и за ними – тоже. Мишель прекрасно умеет о них заботиться и...

– Если то, что интересует мужиков в бабах, уместить в тысячу строк, ногти окажутся на тысяче первой, – перебил директрису неугомонный полковник по прозвищу Лазарь.

– Это дело вкуса.

– Уж поверьте, если мужик – реально мужик, а не совсем уж печальный кадр, у которого мужской пол в паспорте и больше нигде, вкус у него именно такой и никак иначе. Подавайте нам следующую, с рыжей мы все поняли. Вон ту узкоглазую хочу. Кто это ей так личико подрихтовал? Только не рассказывайте, что она сама упала, я слишком стар для наивных сказок.

Да уж, худших смотрин я никогда не видела. Он уже успел наговорить больше, чем все кандидаты в избранники за десять лет. Вульгарно, грубо, скандально, других бы давно уже вывели, а этот продолжает вести себя в том же стиле. Держится так, будто именно он здесь хозяин.

Хотя, если вспомнить все услышанное, что-то в этом есть.

– Воспитанницы немного поссорились. Они ведь просто девочки, между ними всякое случается, а контролируют себя плохо. Возраст сказывается.

– Ее поколотила девочка? Какая?

– Номер восемь.

– Тощий ребенок с сонными глазищами на половину лица? Вот уж на кого не подумаешь. Рука у нее в порядке, не видно ссадин.

– Она атаковала открытой ладонью, ее так учили.

– Хотел бы я взглянуть на такой удар в ее исполнении.

Запись осталась?

– К сожалению, нет.

– Ну а повторить тут сможет? Мы очень хотим.

– К сожалению, это невозможно. Все наши девочки обучены выживать в опасных зонах Стикса, в том числе защищаться голыми руками. У них завышены сила и ловкость, как, впрочем, у всех развитых иммунных, поэтому им непросто соизмерять мощь своих ударов, это может привести к опасным травмам. Последствия одной из этих травм вы сейчас наблюдаете, у Мии пострадали хрящи носа.

– Значит, эта черная за себя постоять не умеет. Так получается?

– Если понадобится, постоит и за себя, и за своего избранника. Не надо путать внезапно вспыхнувшую ссору и ситуацию, которая может сложиться на территории опасного кластера. Наши девочки, разумеется, обучаются не так, как военнослужащие, но мы живем в непредсказуемом мире, и потому по мере сил готовим их к любым возможным ситуациям.

– И все же соня под номером восемь ей наваяла, – ухмыльнулся полковник.

Похоже, его зациклило на мысли, что он обнаружил хоть какой-то намек на изъян в нескончаемом перечне наших плюсов.

– В любом бою можно найти проигравшую сторону, – ответила Селедка. – Если желаете, можете считать проигравшей Миу. А теперь поговорим о ней подробнее.

И так далее, одну за другой. Директриса называла очередной номер, на все лады выхваляла наши достоинства и помалкивала о недостатках, ну а господин Лазарь в ответ без устали сыпал своими пошлыми остротами и сомнительными придирадками. Одно хорошо, что от меня не потребовалось ни слова, ни жеста. Я просто стояла и больше ничего не делала, пропуская мимо ушей слова Селедки.

Слышала их не раз, не забыла еще.

Боже, ну как же хочется пить! Не знаю, что за гадостью меня обкололи, но жажда из-за нее просто вселенских масштабов. Накануне смотрин нас не поили и не кормили во избежание проблем, так что сейчас я почти согласна напиться из унитаза, вот только где же его здесь найдешь.

Ничуть не удивилась, когда Ким уделили раза в три больше внимания, чем мне. У директрисы талант затягивать время, с разных сторон навязчиво указывая на выгодные стороны воспитанниц. А тут превзошла саму себя в однообразных восхвалениях. Если верить всему сказанному, эта глу-

поватая блондиночка просто несбыточная мечта всей мужской половины человечества. И в этих стенах она до сих пор пребывает только потому, что ее берегли как раз для такого великого случая.

Господин Бром, почти ставший ее избранником, отказался от такой чести после короткого разговора, проведенного под ненавязчивым присмотром воспитательниц. Говорят, в конце беседы он вспылил и высказался о Ким крайне отрицательно, прилюдно сравнив ее с широко известной домашней птицей.

Ну да, нельзя с ним не согласиться, – она та еще курица. Но сейчас мне ее очень жалко, никому такое не пожелаешь. Но в то же время есть искорка радости.

Я рада тому, что Ким из второй группы. Мы с ними почти не пересекаемся, это политика Цветника, поэтому друг дружку знаем плохо. Она для меня совершенно чужая, более чужая, чем все мои одноклассницы, включая даже Миу.

С такой не так печально расставаться, и знание ее дальнейшей судьбы не так ужасает.

Ну когда же это закончится? Я ведь рискую умереть от жажды. Или смотр затянулся так, как никогда не затягивался, или я теряюсь во времени из-за неудобств, благодаря которым минуты растягиваются в часы.

Вроде бы всех нас представили, роликов на экране прокрутили немало, сейчас там наверняка демонстрируются картинки, уже не привязанные к кому-либо конкретно. На

этом этапе господа могут начать запрашивать дополнительные данные понравившихся воспитанниц, также не удивлюсь, если они удалятся к бильярду и официанткам, чтобы принять решение в более раскованной обстановке.

Но западники ничего не говорят и не поднимаются. Просто сидят и смотрят на нас из полумрака, и невозможно понять – на кого именно.

Затем случилось очередное немыслимое событие. Тот, который все время молчал, неприглядно пожевавывая, что-то достал из кармана, затем вспыхнул огонек, и вот этот грубый человек уже сидит, как ни в чем не бывало пуская дым от толстой сигары.

Что?! Курение в стенах Цветника?! Да его же сейчас выгонят с позором, до такого бесчинства еще никто не додумывался!

Но странное дело, ни директриса, ни Эсмеральда даже не пискнули и вообще держались с таким видом, будто так и должно быть. Мы, естественно, тоже помалкивали, не позволив ни жестом, ни звуком выдать охватившее нас смятение.

На миг смолкла легкая музыка – сменялись композиции. Поэтому я отчетливо расслышала отрывистый звук очередного то ли артиллерийского выстрела, то ли взрыва, различать их умеет только Дания.

Западники при этом звуке переглянулись и синхронно улыбнулись, будто говоря друг другу без слов что-то, понятное лишь им.

И тогда я окончательно осознала, что этим людям сейчас позволено слишком многое. Немыслимо многое. Они это понимают и ни капли не стесняются использовать ситуацию. Пока что в мелочах, если столь демонстративно нарушающее все правила курение можно назвать мелочью, но кто знает, что они придумают дальше.

Почему-то мне впервые за все время стало страшно. Очень страшно. Так, что в ногах слабость ощутила.

Справилась с грозящими падением симптомами быстро, но страх остался.

Сейчас что-то произойдет.

– Может быть, господа желают узнать что-то дополнительно? – не выдержала Селедка, истерзанная мукой безобразно затянувшегося ожидания. – Просто назовите номер, можно даже жестом, на пальцах, здесь так принято.

Полковник покачал головой:

– Не надо нам ничего дополнительного, мы уже определились. – Он выпустил облако дыма, поднял обе руки, растопырил ладони, поджав при этом большие пальцы и, ломая мою жизнь об колено, небрежно произнес: – Западная Конфедерация выбирает орхидею номер восемь.

Глава 8

Жизнь вдребезги

Два года назад я едва не погибла из-за очередного проявления традиционной мужской расхлябанности, отягощенной алкоголизмом (тоже традиционным). Нашу группу отвезли в считавшийся безопасным кластер, где мы должны были провести ровно сутки, в целях профилактики споровой лихорадки Улья, или, как ее обычно называют по-простому, – трясучки. Это рутинное и хорошо отлаженное мероприятие, ничто не предвещало беды. Но случилось непредвиденное – несколько весьма высокопоставленных господ Азовского Союза, которым пришлось временно покинуть стаб по той же причине, в процессе затянувшегося ужина позволили себе лишнее и затем, уже находясь в состоянии сильнейшего опьянения, потребовали от охраны отвезти их в место, где можно вволю пострелять по зараженным.

Офицер решил поступить так, как это принято в тех случаях, когда отказаться невозможно, но и выполнить приказ нельзя. Он начал возить пьяных кругами в ожидании того неминуемого момента, когда они успокоятся, а еще лучше – уснут. На нашу беду, один из господ добился того, чтобы ему позволили посидеть за пулеметом, и когда увидел в сторонке подозрительные, по мнению залитого алкоголем сознания,

огоньки, не разбираясь, открыл стрельбу.

По нашему лагерю.

До момента, когда его оттащили от пулемета, он успел не так уж много. Почти все пули улетели в ночь, не набедокурив, но одна очередь оказалась «удачной». Искалечило радиатор Цветомобиля, вышел из строя блок управления мобильной охранной системы, взорвался газовый баллон в кухонной палатке, одному гвардейцу оторвало руку в локте, второй, поспешно выпрыгивая из грузовика, ухитрился сильно разбить лицо и повредить глаз.

Столько визга и крика я за всю жизнь не слышала.

Одна из пуль попала в надувную кровать, на которой я тщетно пыталась уснуть – день выдался необычным, впечатлений море, глаза, несмотря на легкую усталость, отказывались закрываться. Просто лежала и тарасилась в одну точку.

И тут внезапно стало громко и страшно. Орали и ругались десятки голосов, из-за взорвавшегося баллона вспыхнула боковая стенка палатки, подо мной опадала сдувающаяся кровать, и при этом казалось, что пострадала именно я, а не она. На несколько секунд меня будто сковало параличом, не могла даже пальцем пошевелиться или хотя бы завизжать. Потом, правда, оцепенение схлынуло бесследно, так что выбралась самостоятельно. И впоследствии даже удивлялась своей необъяснимой немощи, ведь никогда прежде ничего подобного не испытывала и была уверена, что нервы у меня крепче стали. Пришла к выводу, что это единичный

случай и повторение его невозможно.

Крупно ошиблась – еще как возможно.

Интересно, может ли парализованный человек держаться на ногах? У меня это получилось прекрасно, я просто замерла, позабыв про все на свете, в том числе и нестерпимую жажду. Так и стояла, тупо уставившись вперед и вверх, чуть выше макушек господ, которые только что окончательно поломали мою жизнь. Ноги не подгибались, голова не кружилась, но я не могла сделать ни шагу, даже глаза закрыть не в силах.

Этого просто не может быть, мне слышалось, это невозможно, невысказано, это кошмар, я просто сплю и не могу проснуться.

Эсмеральда, резко поднявшись, не своим голосом выкрикнула:

– Альбина, уведи отсюда девочек! Быстро уведи! Элли, ты остаешься! Воспитательницы вон! Все вон! Флора, тебя это тоже касается!

Нас категорически запрещено оставлять в присутствии мужчин без воспитательниц, но, похоже, сегодня абсолютно все запреты отменены, балом правят новые правила.

И новые люди.

Шуршание платьев, стук каблучков, и вот уже я стою на дорожке в одиночестве, а в полутемном зале так и сидят ухмыляющиеся господа.

Эсмеральда не сидит. Покинув свое кресло, она неспеш-

но спустилась к решетке, разделяющей немаленькое помещение, развернулась, уставилась на западников, скрестила руки на груди, медленно покачала головой и напряженным голосом изрекла:

– Я готова позволить вам многое, но это уже выше предела моего терпения. Что вы здесь устроили?

– Мне кажется, что это ваш спектакль, мы здесь всего лишь зрители, – совершенно спокойно заметил тот, который все время жевал.

– Господин Жила, мое замечание относится к последнему высказыванию полковника Лазаря.

– А что я не так сказал? – все тем же развязно-нагловатым голосом отозвался тот. – Мы должны были сделать выбор, и я его сделал. Какие-то проблемы?

– Проблема в том, что вы должны были выбрать другую орхидею.

– Да неужели? Что же это за выбор такой, если надо выбирать конкретный вариант? Не находите, что выглядит не очень-то демократично? К тому же, в таком случае, зачем вообще весь этот балаган с толпой перепуганных девок, паршивой музыкой и превознесением до небес вашего сомнительного товара?

В голосе полковника плескалась нескрываемая издевка. Он явно упивался моментом и готов был продолжать выступать в таком духе и дальше.

А я так и стояла деревянным изваянием, глядя чуть выше

голов западников. Там, за их спинами, располагается большое окно, все стекла которого накануне заклеили крестами из полосок скотча, это должно помогать при близких взрывах.

Если каким-то образом перепрыгнуть через этих грубых мужчин, потом можно будет выбраться в окно, чуть дальше преодолеть стену, промчаться по улицам, миновать укрепления городского периметра и бежать-бежать-бежать, не останавливаясь. Там настоящий мир, великий в своей бесконечности и непостижимой изменчивости. Он переполнен смертельными опасностями, там нет места безоружным девочкам в коротких платьях и мерзким мужчинам, которые их выбирают, там настоящая жизнь, а не пародия на нее.

Но я никуда не бегу. Я замерла статуей на освещенной дорожке, на мне короткое платье, и меня выбрали.

Эсмеральда, зачем-то оглянувшись, покосилась на меня, при этом чуть скривилась, вновь повернулась к западникам и с нажимом произнесла:

– Для вас подготовили Ким, она больше всех соответствует запросам заказчика.

– Я лучше всех вас, вместе взятых, знаю, что именно подходит заказчику, и поэтому выбираю восьмую. Предлагаю выпить, так сказать, за счастливую помолвку, ведь никто не против?

– Оставьте, пожалуйста, свою дешевую клоунаду.

– Это не клоунада, это жизнь, в которой так мало радости,

что приходится на всю катушку использовать любую возможность для веселья.

– Если вам так не терпится повеселиться, мы чуть позже организуем для вас достойный досуг. А сейчас нам надо закончить церемонию смотра. Закончить как полагается. Постарайтесь на этот раз не перепутать номер.

– Только я ведь ничего не путал, – отбросив наглый тон, безмятежно ответил господин Лазарь и, вальяжно откинувшись на спинку кресла, добавил: – Вы, должно быть, меня не поняли или упорно не желаете понимать. Но мне нетрудно повторить, что Западная Конфедерация сказала свое слово и нам нужна именно эта девчонка. Если вас это не устраивает, так и скажите. Мол, я категорически запрещаю вам даже думать об этой милой барышне, а все обещания по поводу того, что мы можем выбирать кого угодно, – не более чем гнусная ложь. Ну давайте, смелее, говорите уже, мы тут же отправимся домой и порадуем заказчика известием о том, что его свободная лебединая песня не оборвется на печальной ноте свадебного марша, потому как вы решили зажать обещанную невесту. Говорите уже, смелее, и не надо на меня так жалобно смотреть.

– Боюсь, вы неверно интерпретировали мои эмоции. Жалости у меня нет. Но есть некоторое недоумение. Вариант, который мы для вас подобрали, больше всех прочих соответствует пожеланиям заказчика.

– Да что вы заладили как попугай: желания, пожелания,

какие-то тупые соответствия. Прошлый вариант, который вы нам навязали, даже без пародии на нынешний смотр, вроде бы тоже соответствовал, но лишь до того момента, как от души поработал над своим товарным видом при помощи куска стекла. У нас после этого печального события возникло некоторое предубеждение, заключающееся в том, что мы начали пугаться голубоглазых блондинок, ведь они, оказывается, способны совершать ужасные поступки. И навязанные варианты нас теперь тоже не устраивают, мы на одном уже больно обожглись, повторение нам не нужно. Нам принесли извинения и сообщили, что мы можем выбирать любую орхидею. В честь этого на смотр согнали всех, кто вышел возрастом. Таким образом, инцидент исчерпан, все стороны остались довольны. Мы только что выбрали новую, с нашей стороны вопрос закрыт, претензий по первой девочке больше нет и не может быть, нам ее очень жаль, но не более. С вашей стороны все было честно, вы показали абсолютно весь свой каталог, никого не припрятали. Если вопросов нет, мы откланяемся, забрав невесту. В противном случае вам придется как-то это объяснить, и все ваши слова будут переданы заказчику.

Странно, но этот столь вульгарный человек при желании мог вести себя очень солидно и изъяснялся соответственно. Даже в состоянии сильнейшего шока я не могла не признать, что Эсмеральда на его фоне временами лепечет, словно мелко нашкодивший глупый ребенок.

– Мою реакцию объяснить весьма просто – я ожидала от вас другого выбора.

– Мы это уже обсудили.

– Есть еще одна причина – Элли занята, у нее уже есть избранник.

– В каталоге ничего об этом не сказано, следовательно, девочка свободна.

– Формально да, но фактически все уже решено.

– Эсмеральда, а вам, случайно, никогда не доводилось слышать утверждение, что мир тесен?

– И какое отношение к происходящему имеет это утверждение?

– А такое, что даже в предполагаемой бесконечности Улья это так же актуально, как было и на тесной старушке Земле. Вашей Земле или моей – без разницы, работает везде.

– Я все равно вас не понимаю.

– Так уж получилось, что почти совершенно случайно мы и до этого знали о том, что у выбранной нами девочки уже имеется избранник. Господин Портос, не так ли? Я вовсе не желаю ни на кого ничего наговаривать, но все же придется. Сколько лет этой воспитаннице? Если верить вашим записям, дату ее рождения восстановили при помощи знахарей, а они в таких вопросах ошибаются редко. То есть ей скоро исполнится семнадцать. Какой минимальный брачный возраст в Азовском Союзе? Если прямо сейчас его не изменили, то шестнадцать лет плюс несколько дней. Я понимаю, когда

девочка, у которой уже имеется избранник, задерживается здесь на месяц, ну пусть даже на два или три. Так сказать, на ее прекрасный облик наносят последние штрихи, окончательно готовят ко взрослой жизни. Но полгода и больше? Вы не находите это чрезмерным? Впрочем, я не нахожу, потому что знаком с некоторыми личностными особенностями господина Портоса. Мне даже известно, что он добивался сделать ради него исключение, уж очень хотел забрать Элли по достижении ею двенадцатилетнего возраста. Однако ваши великосветские сутенеры на это не пошли, честь Цветника, разумеется, куда выше не самых традиционных вкусов этого заурядного на вид господина. Я, признаюсь, несколько удивлен, ведь даже двенадцатилетние для него уже слегка староваты, но ради столь прекрасных глаз он, очевидно, решил перешагнуть через свои предпочтения. Вот только ничего не вышло, его невеста продолжала расти за неприступной стеной, а шестнадцатилетние дылды для господина Портоса вообще не существуют. Такая вот перманентная жизненная трагедия человека – не успел влюбиться, а любимая уже превратилась в неинтересную старуху. Сожаление о потерянных возможностях настолько сильно, что теперь господин Портос видеть ее не хочет, все сроки вышли, а бедняжка так и прозябает в Цветнике. И поэтому он предпочитает большую часть времени проводить на далеких стабах с либеральными законами или даже при почти полном их отсутствии. Как вы, должно быть, знаете, в ряде мест За-

падной Конфедерации с этим вопросом раньше было заметно проще, чем у вас, и мы неоднократно имели сомнительную честь принимать господина Портоса, ибо заинтересованы во встраивании наших ксеров в его систему перекрестного снабжения. Система, должен признать, эффективная и в той или иной степени выгодная всем сторонам. Ради общения к ней нам иногда приходилось закрывать глаза на то, что даже наши либеральные законы для него слишком строги, к тому же в отдельных случаях он их начисто игнорировал. Однако последовавшее после его последней поездки полное отключение Западной Конфедерации от создаваемой им системы сильно ударило по нашим интересам. Мы не заслужили такое отношение, и ваше руководство на днях это признало. Впрочем, оно сейчас и не то готово признать...

Господин Лазарь сделал паузу, чуть повернулся, молча указал на окно, стекла которого то и дело дребезжали от гула артиллерии. Никак это не прокомментировав, невозмутимо продолжил:

– Я думаю, ваше руководство укажет господину Портосу на его былые ошибки. Мы же, со своей стороны, добавим маленькую щепотку жгучего перца в его приторно-сладкую жизнь. Вряд ли он мечтал стать первым в истории Азовского Союза женихом, у которого самым бесцеремонным образом увели выращенную в Цветнике невесту, такая деталь биографии болезненно скажется на его авторитете, самооценке и прочих тонких материях. Думаю, это поможет ему впредь

задумываться о далеко идущих последствиях собственных поступков. Сегодня мы не позволили ему растлить малолетних дочерей наших уважаемых граждан, завтра он ударил по нашим доходам, а послезавтра стал первым в истории знаменитого на весь Стикс Цветника человеком, у которого так легко отжали ценную собственность.

– Портос слишком мелок для столь изощренной мести, – не задумываясь, произнесла Эсмеральда. – Он этого не стоит. Я по-прежнему предлагаю хорошенечко подумать, у восьмой орхидеи слишком много недостатков, ваш лидер достоин лучшего, не надо его так подставлять.

– И какие же у нее недостатки? – спросил неразговорчивый господин Жила.

– Она психически неустойчива, ей все еще требуется строгое и грамотное воспитание, у вас она такое не получит.

– Вы имеете в виду ее побег? – с полуулыбкой поинтересовался Лазарь.

Вот тут госпоже куратору полностью изменило самообладание, свой частично высказанный вопрос она произнесла задыхаясь:

– Откуда... откуда вы это знае...

– Полно уже, Эсмеральда, – перебил ее полковник. – Мы ведь к вам не из детского сада приехали, к тому же выбор супруги для нашего лидера – нетривиальная задача, требующая, как минимум, предварительного наведения справок. А люди по натуре своей болтливы, надо лишь понимать, кому

именно следует задавать вопросы. Нам известно, что четыре года назад наша маленькая шкодница оставила Цветник без электричества, после чего, пользуясь отключением глупо устроенной сигнализации, перебралась через стену. На запястьях у всех ваших воспитанниц браслеты системы наблюдения, благодаря которым их можно легко обнаружить, но она со старта набрала хорошую скорость и успела прилично удалиться, поэтому поиски на первом этапе не увенчались успехом. Таким образом, Элли отсутствовала четыре дня, но нам неизвестны подробности этой истории, очень хочется послушать, как именно все происходило.

– Если вы беспокоитесь по поводу того, что за это время с ней могло произойти что-то не...

– Нет, – вновь перебил Эсмеральду полковник. – Мы не сомневаемся, что девочку проверили ментаты и, разумеется, не обнаружили признаков ущерба ее безупречной нравственности. Но нам интересно знать, каким образом она выжила. Считается, что близкие кластеры зачищаются надежно, но вы же понимаете, что это не вполне так. Даже хорошо вооруженному взрослому там есть чего опасаться, а уж девочке в столь нежном возрасте и к тому же невооруженной... Ей кто-то помогал?

– Нет, она выжила самостоятельно. Ее случайно обнаружили патрульные по характерной активности единичного зараженного – он отреагировал на близость добычи. К тому моменту, когда они добрались до места, она уничтожила это-

го зараженного и была застигнута за попыткой вскрытия спорового мешка.

– Споровое голодание?

– Да, за четыре дня ни глотка.

– Насколько серьезным был тот зараженный?

– Желтая единичка или полторы.

– То есть – прилично развитый бегун?

– Приблизительно так.

– Элли на тот момент уже исполнилось тринадцать?

– Если не ошибаюсь, побег случился в день ее рождения.

– Оригинальный подарок.

– Да уж, для себя не пожалела.

– И каким же образом Элли прикончила того мертвяка?

– Подробности я помню плохо, но из оружия у нее был только кусок стекла. Обратите внимание на ее спортивные достижения, она беззащитная лишь на вид, а на деле очень ловкая и гибкая, быстро движется, у нее просто невероятные реакция и координация. К тому же несколько лет назад был период, когда ей пришлось заниматься углубленной боевой подготовкой, а Элли способная ученица. При должном хладнокровии не слишком развитого зараженного не так уж сложно убить подручными предметами, такие случаи в порядке вещей.

– Она была ранена?

– Незначительные порезы пальцев и ладони, Элли догадалась чем-то обмотать стекло, но этого оказалось недостаточ-

но.

– Я смотрю, вашим девчужкам стекло доверять чревато. Значит, вы полагаете, что такой поступок можно считать признаком психической неустойчивости?

– Если быть до конца откровенной, ее спровоцировало поведение господина Портоса, он тогда предпринимал отчаянные попытки продавить свою просьбу и временами вел себя не самым лучшим образом. Доходило до того, что пытался пройти на территорию во внеурочное время или требовал, чтобы его избранница выглядывала в окно, когда он проезжает мимо Цветника. Элли ограждали от этого всеми способами, но от девочек трудно такое скрыть. Она думала, что руководство пойдет навстречу господину Портосу, это ее пугало. Среди воспитанниц пошли слухи, что для нее возраст согласия снизят до тринадцати.

– Получается, она тянула до последнего дня?

– Не так просто на такое решиться и еще труднее осуществить. Не забывайте про ее возраст, вспомните, как сами вели себя в тринадцать лет. Сам побег был хорошо спланирован, но дальше у нее не оказалось внятного плана, она просто бродила по кластерам, шарахаясь от любого намека на присутствие поисковиков и зараженных. То, что спустя четыре дня Элли не обзавелась хотя бы ножом, довела себя до спортивного голодания и обычного голода, свидетельствует о спонтанности ее действий. Спонтанность в таком опасном деле – очень нехороший признак, возраст здесь не оправдание,

ведь у нее было время на тщательное планирование. Плюс вы видели, что она сделала с той девочкой, а это тоже не самое сдержанное поведение. Если перейти на язык Цветника, она ведет себя недостойно, не так, как должна себя вести истинная леди.

– Бросьте, – отмахнулся господин Лазарь. – Леди воспитывались в институтах для благородных девиц, а здесь вы выращиваете обычных проституток, просто предназначены они для ограниченного круга клиентов. Тринадцатилетняя крошка, к которой пытается прорваться сбрендивший от похоти жирный педофил, – о какой сдержанности и тщательном планировании тут можно говорить? Да тут святая начнет чудить всюю. Но как бы там ни было, девочка обманула вашу систему охраны, после чего ее пришлось менять, и за четыре дня удалилась на несколько десятков километров, преодолев два серьезных периметра и множество патрульных трасс. Мы у себя на западе высоко ценим тех, кто на такое способен. Жизнь у нас простая и зачастую опасная, отчаянным людям в наших краях всегда рады. Еще какие-нибудь якобы недостатки у нее есть?

– Она плохо поет.

– Еще скажите, что эта цыпочка не умеет красить ногти, и мы тут же ее забракуют. Смешные вы люди... Давайте дальше.

– Она не такая, как мы, она родилась здесь, Элли – ребенок Стикса. Обследования показывают, что ее рост мо-

жет остановиться на отметке сто шестьдесят шесть сантиметров, при максимальном весе не больше сорока четырех килограммов. Это еще не самый пессимистичный прогноз, а оптимистичный прибавляет не больше трех сантиметров и нескольких килограммов. То есть, скорее всего, она останется почти такой, какой вы ее сейчас видите, и это не удастся исправить. Вечная незрелая юность некоторых рожденных в Улье, должно быть, вы об этом явлении слышали. Именно поэтому ее и выбрали для господина Портоса, была надежда, что столь специфическая избранница сумеет вписаться в узкие рамки его предпочтений.

– Вашего толстяка не интересуют шестнадцатилетние бабушки, – ухмыльнулся полковник. – И с чего это вдруг вы считаете это недостатком? В Улье все, кто выживает в самом начале, забывают о старости. Сколько вам лет? Предполагаю, что вдвое больше, чем тот возраст, на который вы смотрите, примерно то же самое можно сказать и обо мне. В самых тяжелых случаях здесь будешь выглядеть лет на сорок, ну пусть сорок пять, но вообще-то это мир тридцатилетних, если говорить о тех, кто сумел здесь протянуть хотя бы пару лет. Просто эта девочка будет смотреться моложе основной массы, только и всего. Любая дамочка за эту вашу незрелую юность пойдет на любое преступление, так что это достоинство, а не изъян.

– Ваш заказчик достаточно подробно расписал свои предпочтения. С учетом дальнейшего роста и окончания форми-

рования, его избранница должна обладать определенными параметрами. Вы прекрасно понимаете, что девочка в эти параметры не вписывается.

– Конечно, понимаю, мой друг равнодушен к зрелым женщинам и богатым формам, а проявляющуюся здесь у многих иммунных тягу к школьницам не одобряет. Но ради пользы дела он может вести себя достаточно гибко, к тому же свою жизнь связывает не только с телом избранницы, важен и характер, а я почти уверен, что от характера Элли наш лидер будет в восторге. Ну и судя по тому, что я вижу и читаю в ваших бумагах, она никакой не ребенок. Это к тому веду, что девочка способна выносить младенца, а у нас на западе это до сих пор считается главным признаком зрелости, так сказать – пережиток былой анархии. Давайте дальше по списку ее мнимых и явных недостатков.

– У нее проблемы с умениями Улья и расколот зуб.

«Деревянное» состояние как-то незаметно сошло, но я по-прежнему стояла не шелохнувшись, в нас крепко вбито, что без разрешения мы на дорожке не имеем права даже пальцем пошевелить.

Да и зачем мне теперь шевелиться?

Но невозможно запретить думать, в том числе и размышлять над услышанным. И, по моему мнению, всемогущая Эсмеральда с разбега плюхнулась в глубокую лужу, скатившись до совсем уж уморительных придинок к моей особе.

Но все равно я сейчас всецело на ее стороне, ведь пока она

за меня борется, остается пусть и неуловимо крохотный, но шанс, что все переиграют, что на кошмарный запад к страшному квазу отправится другая. Я никому не желаю такого зла, но себе – в первую очередь.

– И что не так с ее зубом? – спросил господин Лазарь.

– Она его повредила.

– Я понимаю, что он не чернилами запачкан. Как именно повредила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.